САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЗОВ

РОМАН

Спартак восстал против рабства в своём времени.
Но если бы он оказался в другом времени,
нашёл бы он там свободу?

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЗОВ – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЗОВ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Последний вызов» — историко-философский роман о Спартаке, человеке, бросившем вызов одной из самых могущественных держав древнего мира. Однако автор выходит за рамки привычного повествования о восстании рабов и военных столкновениях с Римом. В центре произведения — не столько история борьбы за победу, сколько размышление о человеческом достоинстве, свободе, любви и нравственной ответственности.Герой не идеализированный и не безупречный полководец. Это живой человек, способный сомневаться, любить, ошибаться, страдать и принимать тяжёлые решения. Его отношения с Миртой придают повествованию особую эмоциональную глубину, а необычное путешествие в современный мир становится своеобразным философским испытанием героя. Столкновение античной эпохи с современной цивилизацией позволяет автору поставить актуальный вопрос: насколько человек действительно свободен, если его окружают богатство, комфорт и технический прогресс, но по-прежнему существуют неравенство, зависимость и равнодушие?

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНИЙ ВЫЗОВ – (роман)

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЗОВ – (роман)

Исторический роман

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ ЗНАЛ РИМ

Задолго до того, как имя Спартака стало произноситься в римских сенатах с ненавистью и страхом, задолго до того, как тысячи людей увидели в нём своего освободителя, а тысячи других — опаснейшего врага республики, он был просто человеком, жившим на земле, которую любил.

У него ещё не было армии. Не было знамени, под которым собирались бы люди разных племён. Не было ни славы, ни ненависти, ни той страшной ответственности, которая однажды ляжет на его плечи. Он не знал, что его имя переживёт имена многих римских полководцев, консулов и сенаторов. Не мог даже предположить, что спустя столетия люди будут спорить о нём, создавать легенды, писать книги и ставить спектакли.

Он знал только одно: человек не рождается рабом.

В ту осень горы Фракии рано покрылись снегом. Ветер спускался с высоких склонов, гнал по долинам сухие листья и заставлял деревья скрипеть так, словно старые леса переговаривались между собой. Небольшие поселения прятались в складках холмов. Из труб поднимался дым, над крышами кружили птицы, а по утрам пастухи выводили стада на последние ещё не замёрзшие пастбища.

Здесь жизнь редко была спокойной. Племена воевали друг с другом, заключали союзы, нарушали клятвы, спорили из-за пастбищ и дорог. Иногда приходили чужие отряды, и тогда мужчины брались за оружие, а женщины прятали детей в лесах. Но даже среди этих опасностей существовал порядок, понятный каждому: земля принадлежала тем, кто жил на ней, защищал её и был готов умереть за неё.

По крайней мере, так считали люди, ещё не столкнувшиеся с теми, кто привык считать чужую землю своей собственностью.

В тот вечер Спартак стоял у входа в жилище и смотрел на горы.

Он был молод, хотя в его лице уже угадывалась та сдержанность, которая обычно приходит к людям после нескольких тяжёлых испытаний. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и внимательными глазами, он не производил впечатления человека, стремящегося обратить на себя внимание. В нём не было показной воинственности. Он редко говорил первым, зато умел слушать и замечать то, что другие пропускали.

Отец когда-то сказал ему:

— Запомни, сын: тот, кто первым хватается за меч, не всегда оказывается самым смелым. Иногда ему просто нечего сказать.

Спартак тогда рассмеялся. Теперь, спустя годы, он всё чаще вспоминал эти слова.

За спиной послышались шаги.

— Опять разговариваешь с горами?

Он обернулся. У входа стояла молодая женщина, закутанная в шерстяной плащ. Её звали Мирта. В её тёмных волосах запутался ветер, а на лице играла улыбка, которую Спартак знал лучше, чем собственные мысли.

— Они хотя бы не перебивают, — ответил он.

— Значит, тебе следует чаще разговаривать с людьми. Может быть, научишься отвечать на вопросы.

— А ты опять собираешься задавать их слишком много?

— Только один.

Она подошла ближе и посмотрела на него.

— Ты действительно собираешься завтра уходить?

Спартак не ответил сразу.

На южной дороге несколько дней назад появились чужеземные всадники. Они привезли тревожные вести: римляне усиливали своё присутствие в соседних землях, требовали подчинения от местных правителей и всё чаще вмешивались в дела племён. Одни вожди предпочитали договариваться, другие призывали к сопротивлению. Спартак должен был сопровождать небольшой отряд, отправлявшийся на встречу с соседними племенами.

— Я вернусь, — наконец сказал он.

— Ты всегда так говоришь.

— А разве я когда-нибудь не возвращался?

Мирта отвернулась к горам.

— Дело не в том, возвращался ли ты прежде. Дело в том, что теперь дороги становятся опаснее.

Он осторожно взял её за руку.

— Мирта, я не собираюсь искать войны.

— Но и не станешь от неё убегать?

— Нет.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Вот этого я и боюсь.

Он хотел что-то ответить, но в этот момент из глубины поселения донёсся собачий лай. Затем послышался стук копыт.

Оба повернулись к дороге.

В темноте показались три всадника. Их кони были покрыты дорожной пылью, одежда промокла от вечернего тумана. Один из мужчин едва держался в седле. Когда они приблизились, Спартак узнал его: это был посланник из соседнего поселения.

— Где старейшина? — спросил прибывший, спрыгивая с коня.

— В доме, — ответил Спартак. — Что случилось?

Посланник тяжело дышал. Он оглянулся на дорогу, словно опасался, что за ними кто-то следует.

— Римляне.

Это слово прозвучало негромко, но Мирта невольно сжала руку Спартака.

— Что римляне? — спросил он.

— Они перешли границу. Сначала потребовали провиант. Потом забрали скот. А когда наши люди отказались отдавать оружие, они схватили нескольких мужчин.

— Сколько?

— Не знаю. Десять. Может быть, больше.

— Где они сейчас?

— У старой переправы. Говорят, завтра поведут пленных на юг.

Спартак посмотрел на старейшинский дом, из окон которого пробивался свет.

— Кто-нибудь пытался их остановить?

Посланник усмехнулся без радости.

— Пытались. Теперь они тоже среди пленных.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова.

Ветер усилился. Где-то за домами снова залаяли собаки.

Спартак отпустил руку Мирты.

— Позови моего отца, — сказал он. — И передай, чтобы мужчины собрались у большого очага.

— Ты ведь завтра собирался уходить, — тихо произнесла она.

Он посмотрел на неё.

— Завтра уже наступило, Мирта. Просто мы ещё не успели лечь спать.

Она хотела удержать его, но не стала.

А далеко на юге, в землях, где римские дороги пересекали чужие владения, никто ещё не произносил имени Спартака с тревогой. Для Рима он не существовал. Он был одним из множества людей, живших за пределами республики, одним из тех, чьи судьбы казались незначительными в сравнении с интересами могущественного государства.

Но история редко предупреждает о тех, кто однажды изменит её ход.

В ту ночь Спартак впервые понял, что чужая воля может прийти в твой дом, потребовать твою землю, забрать твоих близких и объявить всё это законным. Он ещё не знал, что впереди его ждут плен, унижение, гладиаторская школа, кровь и восстание. Он не знал, что однажды ему придётся выбирать между спасением собственной жизни и судьбой тысяч людей. Но одно он уже знал совершенно точно: покориться только потому, что противник сильнее, он не сможет.

И это было началом. *Началом последнего вызова.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗЕМЛЯ СВОБОДНЫХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СЫН ФРАКИЙСКИХ ГОР

Утро пришло в долину незаметно. Сначала на вершинах гор посветлели снежные склоны, затем между деревьями поползли тонкие полосы тумана, и наконец над лесом поднялось солнце, озарившее крыши небольшого фракийского поселения. Дым из очагов тянулся вверх почти отвесно: ветер ещё не проснулся, и казалось, сама природа ненадолго замерла перед наступлением нового дня.

В доме Спартака уже горел огонь.

Его отец, Дракон, сидел возле очага и чинил ремень на старом кожаном щите. Он был человеком немногословным, привыкшим больше делать, чем рассуждать. В молодости его знали как искусного всадника и воина, а теперь, когда годы оставили на его лице глубокие морщины, он всё чаще предпочитал оружию работу по хозяйству. Однако никто в поселении не сомневался: если над долиной появится настоящая опасность, Дракон первым выйдет навстречу врагу.

Спартак вошёл, стряхивая с плеч капли утренней влаги.

— Ты уже проснулся? — спросил отец, не поднимая головы.

— Солнце давно над горами.

— Солнце поднимается и тогда, когда люди ещё спят.

— Но враги не всегда ждут, пока мы проснёмся.

Дракон усмехнулся.

— Вот поэтому ты и не умеешь спокойно завтракать.

На столе стояла глиняная миска с лепёшками, сыром и мёдом. Спартак сел, отломил кусок хлеба и налил себе воды. Несколько мгновений мужчины молчали. За стеной слышалось, как мать Спартака разговаривает с соседкой, а во дворе кто-то загоняет скотину в загон.

— Ты вчера отправил людей к старой переправе? — спросил Дракон.

— Да. Двое пошли по лесной дороге, ещё трое — вдоль реки.

— И что они должны выяснить?

— Сколько римлян осталось у переправы, куда они повели пленных и есть ли у них подкрепление.

Отец положил ремень на колени.

— Ты уже решил, что будешь делать?

— Нет. Сначала нужно знать, с кем мы имеем дело.

— Хороший ответ.

Дракон посмотрел на сына внимательнее.

— Только помни: иногда человек узнаёт слишком много и начинает считать, что знает всё. А это опаснее незнания.

Спартак улыбнулся.

— Ты сегодня особенно мудр.

— Старею. Приходится заменять силу головы на силу языка.

В этот момент в дом вошла его мать, Аурелия. В руках она держала корзину с яблоками. Женщина была невысокой, с мягкими чертами лица и спокойными глазами, в которых, однако, всегда чувствовалась внутренняя твёрдость.

— Вы опять говорите о римлянах? — спросила она.

— О чём же ещё? — ответил Дракон.

— О том, что сначала нужно поесть. Потом можно спасать мир.

Она поставила корзину на стол и посмотрела на сына.

— Мирта уже приходила. Спрашивала, когда ты вернёшься.

Спартак поднял глаза.

— Она сказала, зачем приходила?

— Нет. Но, судя по её лицу, вопрос был не о погоде.

Дракон тихо рассмеялся.

— Женщины всегда знают больше, чем говорят.

— А мужчины, — возразила Аурелия, — всегда говорят больше, чем знают.

На этот раз рассмеялся и Спартак.

Но весёлое настроение быстро исчезло. За окном раздался тревожный голос, затем быстрые шаги. Кто-то остановился у двери и постучал.

На пороге появился молодой воин по имени Севт. Он был примерно одного возраста со Спартаком, худощавый, подвижный, с открытым лицом и привычкой говорить прежде, чем окончательно обдумает сказанное.

— Спартак, тебя зовёт старейшина.

— Что случилось?

— Вернулись разведчики.

— И?

Севт бросил быстрый взгляд на Дракона.

— Римлян больше, чем мы думали. И они не собираются уходить.

Спартак поднялся.

— Сколько?

— Около пятидесяти. Может быть, шестьдесят. У них пехота, несколько всадников и повозки. Пленных держат возле переправы.

— А наши?

— Пятеро мужчин. Среди них сын старейшины соседнего поселения.

Дракон медленно встал.

— Значит, разговор будет непростым.

— Старейшина хочет собрать совет, — сказал Севт. — Уже послали за представителями соседних родов.

Спартак взял со стены короткий меч.

Мать подошла к нему и поправила застёжку на плаще.

— Не забывай, сын, что у каждого человека есть мать, которая ждёт его возвращения.

Он посмотрел на неё.

— Не забуду.

— И ещё одно, — добавила она. — Не позволяй гневу решать за тебя. Гнев иногда помогает поднять оружие, но редко подсказывает, куда его направить.

Спартак поцеловал её в лоб.

— Я помню, мама.

Они вышли из дома.

Поселение уже просыпалось окончательно. Мужчины собирались возле большого очага, женщины стояли небольшими группами, обсуждая ночные вести. Несколько молодых воинов проверяли копья и щиты. Старики молча наблюдали за происходящим, словно пытались по лицам молодых угадать, каким окажется сегодняшний день.

На площади Спартак увидел Мирту.

Она стояла возле колодца и разговаривала с пожилой женщиной. Увидев его, она прервала разговор и направилась навстречу.

— Ты опять уходишь, — сказала она.

— На совет.

— А потом?

— Посмотрим.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

— Какое?

— «Посмотрим». Обычно после него происходит что-нибудь плохое.

Он хотел улыбнуться, но заметил, что глаза Мирты были серьёзны.

— Я постараюсь вернуться до вечера.

— Не обещай того, чего не можешь знать.

Спартак помолчал.

— Тогда обещаю другое. Я не стану без необходимости рисковать собой.

— Это уже лучше.

Она поправила складку его плаща и на мгновение задержала ладонь на его груди.

— Знаешь, чего я хочу?

— Чего?

— Чтобы однажды ты проснулся утром и первым делом подумал не о том, кому сегодня грозит опасность, а о том, что мы будем делать летом. Куда поедем. Какой дом построим. Сколько детей станут мешать нам спать.

Спартак посмотрел на неё с такой нежностью, что Мирта невольно улыбнулась.

— Ты уже решила, что у нас будет много детей?

— Конечно. Кто-то же должен продолжить спорить с тобой.

— Боюсь, им будет нелегко.

— С тобой? Не сомневаюсь.

Он взял её за руку.

— Мы ещё поговорим об этом.

— Я запомнила.

Она отпустила его и осталась стоять у колодца.

А Спартак направился к большому очагу, где уже собирались старейшины.

Он ещё не знал, что сегодняшний совет станет первым серьёзным испытанием не только для него, но и для всего его народа. Не знал, что за требованиями римлян скрывается не случайная жадность отдельных воинов, а целая система подчинения, основанная на убеждении, будто сила даёт право распоряжаться чужими судьбами.

Но кое-что он уже начинал понимать. Рим не пришёл в эти земли как гость. И, похоже, уходить добровольно не собирался.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЦЕНА ПОКОРНОСТИ

Большой очаг находился в центре поселения, на небольшой возвышенности, откуда открывался вид на долину и дорогу, уходившую к югу. Когда-то здесь собирались охотники перед дальними походами, здесь заключали мир между враждующими родами, здесь же провожали мужчин, которым предстояло защищать свои дома. Место считалось священным не

потому, что на нём стояло какое-либо святилище, а потому, что возле этого огня принимались решения, от которых зависела жизнь многих людей.

К полудню у очага собрались старейшины пяти поселений. Одни прибыли верхом, другие пришли пешком, сопровождаемые молодыми воинами. Их лица были суровы. Никто не смеялся, никто не разговаривал о повседневных делах. Даже дети, обычно шумевшие неподалёку, сегодня держались возле матерей.

Старейшина главного поселения, седой Орест, поднялся с деревянной скамьи.

— Мы собрались не для того, чтобы обсуждать слухи, — начал он. — Римляне пришли на нашу землю. Они забрали скот, отняли оружие и увели наших людей. Теперь мы должны решить, что делать дальше.

— А что тут решать? — резко произнёс один из воинов. — Собрать мужчин и ударить по ним ночью.

— И что будет после? — спросил другой. — Придут новые отряды. Потом ещё. Ты думаешь, мы сможем победить Рим одной ночной атакой?

— А ты предлагаешь сидеть и ждать, пока они уведут всех наших?

— Я предлагаю сначала подумать!

Голоса становились всё громче. Одни требовали немедленного нападения, другие настаивали на переговорах. Несколько старейшин молчали, внимательно наблюдая за спором.

Спартак сидел рядом с отцом. Он не вмешивался, хотя по его лицу было видно, что происходящее его тревожит.

Наконец заговорил Орест:

— У нас есть ещё одна возможность. Римляне прислали человека, который желает встретиться с представителями поселений. Он утверждает, что готов обсуждать условия мира.

— Мира? — переспросил Дракон. — Какого мира? Они пришли вооружёнными, захватили наших людей, а теперь предлагают мир?

— Именно это я и хочу выяснить.

Орест повернулся к Спартаку.

— Ты пойдёшь со мной.

Спартак поднял голову.

— Почему я?

— Потому что ты умеешь слушать, прежде чем отвечать. И потому что римляне должны увидеть не только стариков, которые помнят прежние войны, но и молодых мужчин, которым предстоит жить после нас.

Дракон нахмурился.

— Я пойду вместе с ним.

— Разумеется, — согласился Орест.

Встречу назначили на следующий день возле старой переправы.

Римский лагерь расположился на противоположном берегу реки. Он был устроен с удивительной для фракийцев правильностью: ровные ряды палаток, ограждение из кольев, дозорные вышки и отдельное место для лошадей. Воины двигались по лагерю организованно, словно каждый заранее знал, куда должен идти и что делать.

Спартак внимательно наблюдал за ними.

Он видел вооружённых людей и прежде. Видел воинов, которые сражались за добычу, за честь своего племени или ради мести. Но здесь было нечто иное. Римская армия напоминала огромный механизм, в котором отдельный человек почти не имел значения. Каждый выполнял приказ, и от этого вся масса становилась опаснее любого отдельного бойца.

— Они хорошо устроились, — тихо заметил Дракон.

— Слишком хорошо для людей, которые собираются скоро уйти, — ответил Спартак.

Их встретили двое легионеров. Один из них приказал оставить оружие перед входом в лагерь.

— Мы пришли говорить, — произнёс Орест. — Не воевать.

— Таков приказ, — ответил легионер.

Дракон хотел возразить, но Спартак остановил его жестом.

— Мы оставим оружие здесь, — сказал он. — Но наши люди должны знать, что оно будет возвращено.

Легионер пожал плечами.

— Если ваш разговор закончится мирно.

— Тогда и твои люди могут не беспокоиться.

Римлянин посмотрел на него с любопытством, но ничего не ответил.

Их провели к большой палатке, возле которой стоял высокий мужчина в дорогом плаще. На вид ему было около сорока лет. Его коротко подстриженные волосы уже тронула седина, а на лице застыло выражение человека, привыкшего получать то, что он требует.

— Я Луций Варрон, — представился он на понятном гостям языке. — Представитель римской власти в этой области.

Орест назвал себя и своих спутников.

Варрон предложил им сесть. Сам он остался стоять.

— Рим заинтересован в спокойствии этих земель, — начал он. — Мы хотим установить порядок на дорогах, обеспечить безопасность торговли и прекратить межплеменные столкновения.

— Для этого вы забрали наших людей? — спросил Орест.

— Ваши люди оказали сопротивление законным требованиям.

— Они отказались отдавать своё имущество.

Варрон слегка улыбнулся.

— Вопрос собственности иногда бывает сложнее, чем кажется.

Спартак впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Для того, кто хочет забрать чужое, возможно.

В палатке стало тихо.

Варрон перевёл взгляд на молодого фракийца.

— Как тебя зовут?

— Спартак.

— Ты говоришь смело, Спартак. Но, вероятно, ещё не понимаешь, насколько велик Рим.

— Я понимаю, что у Рима много воинов.

— И много законов.

— Закон, который защищает сильного и отнимает последнее у слабого, не делает человека справедливым.

Варрон медленно обошёл стол.

— Ты считаешь, что справедливость существует отдельно от силы?

— Я считаю, что сила без справедливости называется насилием.

Старейшина Орест едва заметно повернул голову к Спартаку. Он не ожидал, что разговор примет такой оборот.

Римлянин некоторое время молчал. Затем вернулся на своё место.

— Хорошо. Давайте говорить о практических вещах. Рим готов освободить ваших пленников и вернуть часть скота. Взамен вы признаёте наше право прохода через эти земли, обеспечиваете продовольствием наши отряды и не препятствуете сбору налогов.

— А если мы откажемся? — спросил Дракон.

— Тогда Рим будет вынужден принять меры.

— Какие именно?

— Те, которые сочтёт необходимыми.

Спартак почувствовал, как внутри него поднимается гнев. Он посмотрел на Ореста, затем снова на Варрона.

— Вы говорите о мире, но предлагаете нам покорность.

— Иногда покорность — единственная разумная цена мира.

— Для кого разумная?

Варрон слегка прищурился.

— Для тех, кто хочет сохранить свои дома.

— А для тех, кто хочет сохранить достоинство?

Римлянин не ответил сразу. Его взгляд стал холоднее.

— Достоинство не накормит детей, молодой человек. И не остановит легион.

— Но и легион не сможет заставить человека считать рабство свободой.

На этот раз Варрон рассмеялся.

— Рабство? Мы пока не говорим о рабстве.

— Пока, — произнёс Спартак.

Это слово повисло между ними.

Переговоры закончились без соглашения.

Римляне согласились освободить двух стариков, но остальных пленников оставили в лагере. Скот обещали вернуть частично, после того как старейшины примут условия Рима.

Когда фракийцы покинули лагерь, Дракон некоторое время шёл молча. Только у переправы он остановился.

— Ты понимаешь, что сегодня нажил себе опасного врага?

— Я всего лишь сказал то, что думаю.

— Иногда этого достаточно.

Орест повернулся к ним.

— Варрон запомнил твоё имя, Спартак.

— А я запомнил его лицо.

— Не торопись с выводами. Он не похож на глупца.

— Я и не считаю его глупцом.

— Тогда почему ты так говоришь?

Спартак посмотрел на римский лагерь.

— Потому что глупец приходит и забирает чужое силой. А умный сначала убеждает тебя, что ты сам должен ему всё отдать.

Дракон медленно кивнул.

— Хорошо сказано, сын. Только теперь нам придётся думать не о том, что сказать римлянам, а о том, как защитить наших людей.

Спартак ничего не ответил.

На противоположном берегу солдаты продолжали заниматься своими делами. Один из них смеялся, другой точил меч, третий чистил конскую сбрую. Для них этот день ничем не отличался от других. Они не знали, что только что разговаривали с человеком, чьё имя однажды заставит Рим содрогнуться.

Но Луций Варрон не забыл молодого фракийца.

Вечером, когда в лагере зажгли факелы, он подозвал к себе своего помощника.

— Узнай всё об этом Спартаке.

— Кто он такой, господин?

Варрон посмотрел в сторону тёмных гор.

— Пока никто. Но мне не понравилось, как он смотрел на меня.

— Прикажете задержать его?

— Нет. Пока не трогай. Иногда лучше знать, что думает человек, прежде чем заставлять его замолчать.

Он вернулся в палатку. А далеко за рекой Спартак шёл домой, ещё не подозревая, что в римском лагере уже начали собирать сведения о его жизни.

Первый разговор закончился. Но противостояние только начиналось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТЕНЬ НАД ДОЛИНОЙ

К вечеру небо затянуло тяжёлыми облаками. Ветер, который весь день дул с гор, теперь повернул к реке и принёс с собой запах сырой земли и приближающегося дождя. На дорогах становилось пустынно. Пастухи торопились загнать стада в загоны, женщины убирали с улиц корзины и хозяйственную утварь, а мужчины проверяли запоры на воротах.

В поселении чувствовалась тревога.

Весть о переговорах уже разошлась среди жителей. Одни надеялись, что римляне всё-таки освободят пленных, другие считали, что старейшины совершили ошибку, согласившись вообще разговаривать с захватчиками.

Спартак сидел возле своего дома, когда к нему подошёл Севт.

— Ты слышал новости?

— Какие?

— Римляне отправили небольшой отряд к северной дороге. Наши охотники видели их возле леса.

Спартак поднялся.

— Сколько человек?

— Десять или двенадцать. Может быть, больше. Они двигались осторожно, не поднимая шума.

— Куда направились?

— К поселению Артаба.

Спартак нахмурился. Артаб был небольшим селением, расположенным примерно в двух часах пути. Там жили родственники нескольких семей из их долины. Большинство мужчин занималось скотоводством, а некоторые работали кузнецами.

— Почему именно туда?

— Не знаю. Но один из охотников утверждает, что римляне искали проводника.

Спартак посмотрел на Севта.

— Проводника по нашей земле?

— Да.

— Значит, они хотят узнать дороги.

Севт кивнул.

— И ещё кое-что. Вчера ночью пропал Молан.

— Какой Молан?

— Тот, что живёт у восточного склона. Он несколько раз торговал с римлянами и знал их язык.

— Его семья?

— Говорят, он ушёл один. Но жена утверждает, что перед уходом он забрал деньги и оружие.

Спартак задумался.

Всё происходило слишком быстро. Сначала римляне захватили людей, затем потребовали продовольствие, теперь искали проводников и, возможно, пытались привлечь на свою сторону местных жителей.

— Нужно поговорить с его женой, — сказал он.

— Я уже думал об этом.

— Тогда пойдём.

Дом Молана стоял на окраине поселения, возле старого дуба. В отличие от большинства жилищ, он был построен из хорошо обработанного камня и имел просторный двор. Когда Спартак и Севт вошли, навстречу им вышла женщина лет тридцати пяти. Её звали Тея.

Она выглядела измученной. Под глазами залегли тёмные тени, а волосы были собраны кое-как, словно она несколько дней не находила времени даже на обычные домашние заботы.

— Вы пришли узнать о моём муже? — спросила она.

— Да, — ответил Спартак. — Нам сказали, что он исчез.

Тея опустила глаза.

— Он ушёл ночью.

— Куда?

— Не сказал.

— Он говорил о римлянах?

Женщина помолчала.

— Говорил.

— Что именно?

Она оглянулась на дверь, затем пригласила гостей войти.

Внутри пахло дымом и сушёными травами. На столе стояла недоеденная миска с кашей, рядом лежал детский деревянный конёк. Спартак заметил, что в доме царил беспорядок, совершенно не свойственный хозяйственной женщине.

— У Молана были долги, — наконец произнесла Тея. — Он проиграл много денег в соседнем поселении. Потом стал пить. Я просила его остановиться, но он только сердился.

— А римляне?

— Один из них приходил сюда несколько дней назад. Не воин. Человек в дорогой одежде. Он говорил с моим мужем долго, почти до вечера. Я не слышала всего разговора, но потом Молан сказал, что теперь у нас будет другая жизнь.

— Другая жизнь?

— Он обещал, что больше не будет бедности. Что мы сможем переехать на юг, где есть большие города, рынки и богатые дома.

Севт нахмурился.

— И ты поверила?

Тея посмотрела на него.

— Я хотела поверить. У меня двое детей. Старший уже просит есть больше, чем я могу ему дать. Когда человеку нечего предложить своим детям, он начинает слушать тех, кто обещает золотые горы.

Спартак сел напротив неё.

— Он говорил, что должен сделать?

— Нет. Только сказал, что римляне скоро установят здесь порядок. И что тем, кто поможет им, будет хорошо.

— Он называл имена?

— Одно.

Спартак поднял глаза.

— Какое?

— Варрон.

Севт тихо выругался.

— Значит, это не случайность.

Спартак не ответил. Он смотрел на женщину и понимал, что за каждым подобным исчезновением может стоять не только предательство, но и человеческое отчаяние.

— Тея, если твой муж вернётся, скажи ему, что мы хотим с ним поговорить.

— А если он не вернётся?

— Тогда мы постараемся выяснить, где он.

Женщина вдруг схватила его за руку.

— Не убивайте его, Спартак. Какой бы поступок он ни совершил, он отец моих детей.

Он осторожно высвободил руку.

— Я не собираюсь убивать человека только за то, что он ошибся.

Когда они вышли из дома, дождь уже начался.

Севт долго шёл рядом, не произнося ни слова. Только за пределами поселения он наконец заговорил:

— Ты слишком мягок.

— Почему ты так решил?

— Молан предал своих. Если он действительно работает на римлян, его нужно найти и наказать.

— А если его заставили?

— Он сам ушёл.

— Иногда человек уходит не потому, что хочет предать других, а потому, что боится остаться с ними.

Севт остановился.

— И что теперь? Мы будем жалеть каждого, кто продаст нашу землю?

Спартак повернулся к нему.

— Нет. Но прежде чем судить человека, нужно понять, что им двигало. Иначе мы станем похожи на тех, кто считает, будто все люди имеют цену.

Севт пожал плечами.

— Ты всегда находишь слова.

— А ты всегда торопишься обойтись без них.

Они рассмеялись, но ненадолго.

Из-за деревьев донёсся глухой звук. Затем послышался треск ветки.

Спартак мгновенно поднял руку, останавливая Севта.

Оба прислушались.

Снова тишина.

— Кто-нибудь мог следить за нами? — прошептал Севт.

— Возможно.

Спартак медленно снял с плеча плащ, чтобы освободить движения. Он сделал несколько шагов к деревьям, внимательно рассматривая мокрую землю.

На мягкой почве виднелись следы сапог.

Не фракийских.

Римских.

Спартак присел и коснулся одного из отпечатков.

— Свежие, — произнёс он.

— Значит, они знают, что мы здесь.

— Или хотят, чтобы мы так думали.

Севт снял с пояса нож.

— Что будем делать?

Спартак посмотрел на лесную дорогу.

— Вернёмся другим путём. И никому пока не скажем о следах.

— Почему?

— Потому что если за нами действительно наблюдают, я хочу знать, куда они пойдут после того, как мы исчезнем.

Тем временем в римском лагере Луций Варрон принимал гостя.

Это был Молан.

Он стоял перед столом, нервно теребя край своей туники. На лице его отражалась усталость человека, который ещё не успел привыкнуть к собственному решению.

— Ты уверен, что никто не видел, как ты покинул поселение? — спросил Варрон.

— Уверен.

— А жена?

— Она ничего не знает.

— Женщины часто знают больше, чем думают мужчины.

Молан промолчал.

Варрон налил себе вина.

— Ты говорил, что хорошо знаешь Спартака.

— Я торговал с его отцом. Сам Спартак известен среди молодых воинов. Его уважают.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы к нему прислушивались.

— Он опасен?

Молан задумался.

— Не знаю. Он не похож на других. Не любит хвастаться, не ищет драки без причины. Но люди ему доверяют.

— А ты?

— Что я?

— Ты ему доверяешь?

Молан отвёл взгляд.

— Когда-то доверял.

Варрон внимательно посмотрел на него.

— Это хорошо. Значит, ты сможешь помочь нам понять, как он думает.

— Я обещал показать вам дороги и помочь с продовольствием. Но я не собирался выступать против своих людей.

— Разумеется, — спокойно ответил Варрон. — Никто не требует от тебя невозможного.

Он подошёл к небольшому сундуку, достал несколько серебряных монет и положил их на стол.

— Это первая часть обещанного вознаграждения. Остальное получишь после того, как мы убедимся, что ты действительно полезен.

Молан посмотрел на деньги.

Ему вспомнились дети, жена, долги и пустой дом, в котором он оставил всё, что когда-то считал своей жизнью.

Он протянул руку.

Варрон улыбнулся.

— Вот и хорошо. Рим умеет ценить разумных людей.

Но когда Молан вышел из палатки, римлянин перестал улыбаться.

Он подозвал помощника.

— Найди мне сведения о семье Спартака. Кто его родственники, кто друзья, кто может повлиять на него.

— Зачем, господин?

— Потому что иногда крепость легче взять не через ворота, а через человека, который их охраняет.

За пределами лагеря дождь усиливался. А в долине, среди тёмных гор, Спартак ещё не знал, что первая угроза его дому уже приобрела человеческое лицо. И что очень скоро ему придётся столкнуться с предательством, которое окажется гораздо опаснее открытого нападения.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Ночь выдалась беспокойной. Дождь то усиливался, обрушиваясь на крыши тяжёлыми потоками, то стихал, оставляя после себя лишь редкие капли, стучавшие по деревянным ставням. Ветер гнал по долине низкие облака, и временами казалось, будто сами горы скрываются за огромной тёмной завесой.

Спартак долго не мог уснуть.

Он лежал, глядя в потолок, и мысленно возвращался к разговору с Теей. Перед его глазами стояло лицо женщины, которая просила не убивать мужа, даже если тот предал свой народ. Спартак понимал её. Он знал, что человек, доведённый до отчаяния, способен совершить поступок, которого никогда не совершил бы в спокойной жизни. Но понимание не означало прощения. Если Молан действительно помогал римлянам, под угрозой оказывались не только отдельные семьи, но и всё поселение.

Наконец он поднялся, накинул плащ и вышел во двор.

У очага сидел отец. Перед ним стояла деревянная чаша с горячим отваром трав.

— Не спится? — спросил Дракон.

— Ты тоже не спишь.

— Я старый. Старикам часто мешают спать чужие ошибки.

Спартак сел напротив.

— Мы нашли римские следы возле лесной дороги.

Отец поднял голову.

— Когда?

— Сегодня вечером. Они были свежими.

— Ты думаешь, за вами следили?

— Не знаю. Но теперь я уверен, что римляне интересуются не только нашими дорогами.

Дракон помолчал.

— Варрон понял, что не сможет заставить старейшин подчиниться одним разговором. Теперь он будет искать слабые места.

— Он уже нашёл одно.

— Молан?

— Да.

Отец долго смотрел на огонь.

— Когда-то Молан был хорошим человеком. Работал честно, помогал соседям. Я помню, как он вместе с нами строил мост через ручей. Тогда никто не мог подумать, что однажды он станет водить чужих воинов по нашей земле.

— Ты думаешь, его можно вернуть?

— Не знаю, сын. Но я знаю другое: человек, который однажды продал доверие, не всегда понимает, насколько дорого оно стоило.

Спартак опустил глаза.

— Тея просила не причинять ему вреда.

— И ты обещал?

— Я сказал, что не стану убивать его только за ошибку.

Дракон кивнул.

— Это правильный ответ. Но не позволяй доброте ослепить тебя. Если Молан приведёт римлян к нашим домам, отвечать придётся не только ему.

На рассвете Спартак отправился к Оресту. Старейшина уже ждал его. Рядом сидели Дракон и несколько представителей соседних поселений.

На столе лежала карта, нарисованная на большом куске выделанной кожи. На ней были обозначены река, лесные дороги, перевалы и небольшие поселения, разбросанные по долине.

— Мы получили новые сведения, — сказал Орест. — Римляне собирают людей возле переправы. Их стало больше.

— Насколько? — спросил Спартак.

— Пришло ещё около двадцати воинов. А сегодня ночью кто-то видел две повозки, направлявшиеся к лагерю.

— С продовольствием?

— Возможно. Но один из возчиков был фракийцем.

Спартак переглянулся с отцом.

— Молан, — произнёс Дракон.

Орест кивнул.

— Его жена подтвердила, что он покинул дом. Мы отправили двух людей к его родственникам. Никто ничего не знает.

— Он в римском лагере, — сказал Спартак. — Я почти не сомневаюсь.

Один из старейшин ударил ладонью по столу.

— Тогда нужно немедленно отправить отряд и захватить его!

— Зачем? — спросил Спартак.

— Чтобы заставить рассказать всё, что он успел сообщить римлянам.

— А если он уже сообщил?

— Тогда пусть заплатит за это!

Спартак посмотрел на собравшихся.

— Мы не знаем, сколько людей он привёл на нашу сторону. Не знаем, какие сведения передал. Но если сейчас отправим отряд к римскому лагерю, Варрон получит повод обвинить нас в нападении.

— Ты предлагаешь ничего не делать? — резко спросил старейшина.

— Я предлагаю не играть по его правилам.

— Тогда по каким правилам ты собираешься играть?

Спартак подошёл к карте.

— Римляне хотят контролировать дорогу, ведущую через северный перевал. Если они получат проводников и установят там постоянный пост, наши поселения окажутся разделены. Мы не сможем помогать друг другу, а каждый род будет вынужден договариваться с Римом отдельно.

Орест внимательно слушал.

— И что ты предлагаешь?

— Укрепить переправы, выставить дозоры на горных тропах и предупредить все поселения. Никто не должен оставаться в стороне. Если римляне придут в одно селение, остальные должны узнать об этом до того, как они достигнут ворот.

— А Молан?

— Его нужно найти. Но не ради мести. Мы должны понять, что он уже рассказал Варрону.

Дракон одобрительно кивнул.

— Разумный план.

Однако один из старейшин, грузный мужчина по имени Берик, покачал головой.

— Всё это хорошо звучит, пока не начнётся настоящая война. У римлян больше людей, лучше оружие и опытные командиры. Мы не сможем победить их в открытом сражении.

— Возможно, — ответил Спартак.

— Тогда зачем сопротивляться?

Молодой фракиец повернулся к нему.

— Потому что, если мы не сопротивляемся сегодня, завтра наши дети будут спрашивать, почему мы отдали им землю без единого возражения.

Берик усмехнулся.

— Красивые слова. Но детям нужны не слова, а хлеб.

— Именно поэтому мы должны сохранить землю, на которой этот хлеб растёт.

Старейшина ничего не ответил.

После совета Спартак направился к реке. Он хотел осмотреть переправу и лично проверить, насколько легко её можно защитить. Вместе с ним шли Севт и ещё два молодых воина.

Дорога проходила через небольшой лес. Дождь прекратился, но с деревьев продолжала падать вода. Земля была скользкой, а под ногами хрустели сломанные ветки.

У поворота Севт заметил человека.

Тот стоял возле старого дерева, словно ждал их появления.

— Молан! — воскликнул он.

Человек вздрогнул и бросился бежать.

Спартак мгновенно сорвался с места.

— За ним!

Беглец попытался скрыться среди деревьев, но мокрая земля мешала ему. Через несколько мгновений Севт настиг его и повалил на землю. Один из воинов выбил из его руки короткий нож.

Молан тяжело дышал. Его одежда была грязной, на лице виднелись следы бессонной ночи.

— Отпустите! — закричал он. — Я ничего не сделал!

Севт прижал его к земле.

— Тогда почему убегаешь?

— Я не хочу с вами разговаривать!

Спартак подошёл ближе.

— А с римлянами хочешь?

Молан замолчал.

— Вставай, — приказал Спартак.

Его подняли на ноги. Он оглядывался по сторонам, словно искал возможность снова бежать.

— Где ты был? — спросил Спартак.

— Это не твоё дело.

Севт шагнул вперёд, но Спартак остановил его.

— Ты говорил с Варроном?

Молан опустил голову.

— Да.

— Что ты ему рассказал?

— Ничего важного.

— Не лги. Ты знаешь наши дороги, поселения, переправы. Ты знаешь, где живут старейшины и сколько воинов можно собрать за один день.

Молан молчал.

— Ты продал им сведения о своих людях?

— Я хотел спасти семью!

— От кого?

— От бедности! От голода! От бесконечных распрей между племенами! Ты не понимаешь, Спартак. У меня были долги. Я не мог прокормить детей. Римляне обещали дать мне деньги и защиту.

— А взамен?

— Я должен был помогать им.

— Помогать в чём?

Молан отвернулся.

Спартак подошёл ближе.

— Посмотри на меня.

Тот медленно поднял глаза.

— Ты привёл их к нашим домам?

— Нет!

— Ты показал им дороги к северному перевалу?

Молан не ответил.

Этого оказалось достаточно.

Севт схватил его за ворот одежды.

— Значит, показал!

— Я не знал, что они собираются делать! — закричал Молан. — Они сказали, что хотят только пройти через наши земли!

— И ты поверил? — спросил Спартак.

— Мне заплатили!

— Вот теперь я тебе верю.

Молан посмотрел на него с отчаянием.

— Ты не понимаешь. У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда. Просто иногда один путь требует мужества, а другой обещает удобство.

— Легко говорить тебе! Ты уважаемый человек. У тебя есть дом, отец, друзья. Тебя слушают старейшины. А кто слушал меня?

Спартак некоторое время молчал.

— Ты мог прийти ко мне.

Молан горько рассмеялся.

— И что бы ты сделал? Дал бы мне серебро?

— Возможно, нашёл бы работу. Помог бы твоей семье.

— Мне не нужна была твоя жалость!

— Тогда зачем ты теперь просишь, чтобы тебя отпустили?

Молан отвернулся.

Спартак понял, что разговор закончился. Он приказал воинам связать пленника и отвести его в поселение.

Но перед тем как они тронулись в путь, Молан вдруг заговорил:

— Спартак, ты должен знать кое-что ещё.

— Что?

— Варрон собирается захватить северный перевал. Он хочет сделать это через два дня. Там уже готовят отряд.

Спартак резко повернулся.

— Сколько человек?

— Не знаю точно. Около сотни.

— И кто поведёт их?

Молан сглотнул.

— Человек по имени Кассий. Он служит Варрону и ненавидит фракийцев.

Севт посмотрел на Спартака.

— Теперь ты понимаешь, почему я хотел его убить?

— Понимаю, — ответил тот. — Но теперь у нас есть то, чего вчера не было.

— Что?

Спартак посмотрел в сторону горного перевала.

— Время. И возможность подготовиться.

Когда они вернулись в поселение, над долиной снова сгущались тучи. Молана отвели к старейшинам, а Спартак сразу отправился к Оресту.

Весть о готовящемся нападении потрясла собравшихся. Теперь никто не говорил о том, что римляне просто хотят установить порядок на дорогах. Стало ясно, что за переговорами скрывалась подготовка к захвату территории.

Орест долго рассматривал карту.

— Если они займут перевал, мы потеряем связь с северными поселениями.

— Поэтому мы должны опередить их, — сказал Спартак.

— У нас мало людей.

— Тогда не будем пытаться собрать всех в одном месте. Нужно использовать местность. На перевале есть узкая дорога, по которой повозки могут проходить только по одной. Если занять высоты, римлянам будет трудно развернуть отряд.

Дракон внимательно посмотрел на сына.

— Ты уже думаешь о сражении?

— Я думаю о том, как не позволить им застать нас врасплох.

Орест поднялся.

— Хорошо. Сегодня ночью отправим гонцов. Завтра к полудню представители всех поселений должны быть здесь. А ты, Спартак, возьми людей и отправляйся к перевалу. Осмотри местность, но не вступай в бой без необходимости.

— Понял.

Старейшина положил руку ему на плечо.

— Помни: ты отвечаешь не только за себя.

Спартак посмотрел на собравшихся мужчин.

— Я это понимаю.

За пределами дома уже начинало темнеть. Ветер гнал по долине тучи, и первые раскаты грома прокатились над горами. Спартак вышел на улицу и остановился, глядя на север, где за лесами скрывался перевал. Там, среди камней и сосен, уже мог находиться римский отряд, уверенный, что местные жители ничего не знают о его намерениях.

Теперь всё изменилось. Предательство Молана открыло им замысел врага, но одновременно показало, насколько легко страх и нужда могут разрушить доверие между людьми. И Спартак впервые почувствовал, что защищать родную землю — значит не только сражаться с чужими воинами, но и удерживать от распада собственный народ.

А где-то далеко, в римском лагере, Луций Варрон уже готовил приказ, который должен был изменить судьбу всей долины.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПЕРЕД БУРЕЙ

На следующий день Спартак поднялся ещё до рассвета. Ночь почти не принесла ему отдыха. В голове постоянно возвращались слова Молана о сотне римских воинов, готовившихся занять северный перевал. Сотня — не армия, но для небольших фракийских поселений это была сила, способная изменить привычную жизнь целой долины.

Он вышел во двор, где отец уже седлал коня.

— Ты тоже собираешься? — спросил Спартак.

— А ты думал, я останусь дома и буду ждать, пока ты вернёшься с хорошими новостями?

— Я хотел взять только молодых.

— Молодые умеют быстро бегать, но не всегда понимают, куда им следует бежать.

Спартак улыбнулся.

— Значит, поедем вместе.

Дракон затянул подпругу и проверил крепление меча.

— Сначала осмотрим западный склон. Там есть старая тропа, которой пользовались пастухи. Если римляне её не знают, она может оказаться полезной.

— А если знают?

— Тогда узнаем, что они знают больше нас.

Из дома вышла Аурелия. Она принесла им дорожную еду, завёрнутую в ткань.

— Я приготовила лепёшки. Возьмите с собой.

— Спасибо, мама, — сказал Спартак.

Она посмотрела на мужа.

— И ты береги его.

Дракон вздохнул.

— А кто будет беречь меня?

— Ты сам. Я уже много лет пытаюсь, но безуспешно.

Спартак рассмеялся, а Дракон сделал вид, что не услышал.

У ворот их ждала небольшая группа воинов. Среди них был Севт, а также двое опытных охотников — братья Котис и Ремет. Все они знали горные тропы и умели двигаться по лесу почти бесшумно.

— Отправляемся, — сказал Спартак.

Северный перевал находился примерно в половине дневного перехода от поселения. Дорога к нему проходила через лесистые холмы, затем поднималась вдоль каменистого ручья и выходила на узкий участок между двумя скальными выступами.

Это место давно считалось естественными воротами долины.

Здесь могли пройти всадники, повозки и небольшие отряды, но развернуть большую силу было почти невозможно. С одной стороны поднималась крутая каменная стена, с другой открывался обрыв, уходивший к заросшей кустарником низине.

Спартак спешился и долго рассматривал местность.

— Если они пойдут здесь, — произнёс он, указывая на дорогу, — передние ряды окажутся под скалой. А задние не смогут быстро отойти.

— Значит, нужно занять верхние уступы, — сказал Севт.

— Да. Но не сейчас.

Дракон посмотрел на сына.

— Почему?

— Потому что римляне могут ждать именно этого. Если они заметят людей на высотах, то выберут другой путь.

Один из братьев-охотников, Котис, присел возле дороги.

— Здесь недавно проходили лошади.

Спартак подошёл к нему.

На влажной земле виднелись следы копыт. Они уходили к северному склону.

— Сколько времени прошло? — спросил он.

— Не больше суток.

— Сколько лошадей?

Котис внимательно осмотрел следы.

— Не меньше двадцати.

— Римляне?

— Возможно. Но копыта не все одинаковые. Здесь есть и наши лошади.

Севт нахмурился.

— Значит, кто-то из местных уже помогает им.

Спартак ничего не ответил. Он посмотрел на лес, скрывавший дальнюю часть дороги.

— Разделимся. Котис и Ремет осмотрят восточный склон. Мы с Севтом пойдём к ручью. Отец останется здесь и будет наблюдать за дорогой.

Дракон хотел возразить, но затем кивнул.

— Только не уходите далеко.

Спартак и Севт двинулись вдоль ручья. Вода была холодной и прозрачной. Между камнями рос мох, а над берегом нависали ветви старых деревьев.

Через некоторое время Севт остановился.

— Слышишь?

Издалека доносился стук дерева о дерево.

Они переглянулись и осторожно поднялись по склону.

За густыми зарослями открылась небольшая поляна. На ней стояли трое мужчин. Двое были фракийцами, третий — римским солдатом без шлема. Перед ними лежали свёрнутые верёвки и несколько деревянных кольев.

Спартак жестом приказал Севту оставаться на месте.

Он внимательно наблюдал за происходящим.

— Здесь будет проходить отряд, — говорил римлянин на ломаном фракийском. — Нам нужно знать, где поставить дозор.

— Вы обещали заплатить, — ответил один из местных.

— Заплатим после того, как работа будет выполнена.

— Мы уже показали вам дорогу.

— Тогда покажете ещё одну.

Фракиец недовольно сплюнул.

— Мы не собирались помогать вам захватывать наши поселения.

Римлянин рассмеялся.

— А кто сказал, что вы помогаете? Вы просто показываете дорогу. Всё остальное нас не касается.

— А если нас узнают?

— Тогда скажете, что вас заставили.

Спартак почувствовал, как напряглись его руки.

Он узнал одного из фракийцев. Это был младший брат Берига, старейшины, который накануне выступал против сопротивления Риму.

Спартак посмотрел на Севта.

Тот уже держал руку на рукояти ножа.

Но молодой воин не собирался нападать. Пока ему было важнее понять, сколько людей уже вовлечено в эту историю.

Римлянин достал из кожаного мешочка несколько монет и бросил их на землю.

— Завтра вы встретитесь с нашим проводником. Он покажет вам дорогу к перевалу.

— Кто он? — спросил один из фракийцев.

— Человек, которому вы должны доверять.

— Мы никому не доверяем.

Римлянин усмехнулся.

— Это разумно. Особенно в вашем положении.

Встреча закончилась. Мужчины разошлись в разные стороны.

Спартак подождал, пока они скроются, затем осторожно спустился к поляне.

На земле осталась одна серебряная монета.

Он поднял её и внимательно рассмотрел.

На одной стороне был изображён профиль римского правителя, на другой — символы, которых он не знал.

— Теперь мы знаем, что они не просто собирают сведения, — произнёс Севт. — Они покупают наших людей.

— И делают это не случайно.

— Что будем делать с братом Берига?

Спартак положил монету в карман.

— Пока ничего.

— Ты опять собираешься ждать?

— Нет. Я собираюсь узнать, кто ещё участвует в этом.

К полудню все разведчики вернулись к месту встречи.

Котис сообщил, что восточная тропа действительно использовалась римлянами. На одном из камней они обнаружили свежую зарубку — условный знак, оставленный кем-то для проходящего отряда.

Ремет нашёл неподалёку небольшую стоянку, где недавно разводили костёр.

— Их здесь было много, — сказал он. — Не меньше тридцати. Возможно, часть отряда уже находится возле перевала.

Дракон внимательно выслушал доклады.

— Значит, ждать нельзя.

Спартак согласился.

— Нужно отправить гонцов к Оресту. Пусть старейшины собирают людей. А мы останемся здесь и проследим за дорогой.

— Если римляне появятся раньше? — спросил Севт.

— Тогда постараемся не допустить, чтобы они прошли дальше.

Дракон посмотрел на сына.

— Ты понимаешь, что это уже не разведка?

— Понимаю.

— И что после первого столкновения Варрон может прислать гораздо больше людей?

— Понимаю и это.

Отец некоторое время молчал.

— Тогда скажи мне, чего ты хочешь добиться.

Спартак посмотрел на узкое ущелье.

— Чтобы они поняли: наша земля не бесхозна. Здесь живут люди, и эти люди не собираются отдавать свои дома за несколько серебряных монет.

Дракон кивнул.

— Тогда будем действовать.

Вечером Спартак вернулся в поселение.

Мирта встретила его возле дома. Она сразу заметила усталость на его лице.

— Ты опять ничего не ел, — сказала она.

— Ел.

— Не говори неправду. Я знаю, как ты выглядишь, когда действительно ешь.

Он улыбнулся.

— Значит, мне придётся поесть ещё раз.

Она взяла его за руку и повела внутрь.

На столе стоял горячий суп, рядом лежали свежий хлеб и сыр. Спартак сел, а Мирта устроилась напротив.

— Что происходит? — спросила она.

Он рассказал ей о разведке, римлянах и людях, которых они пытались купить.

Мирта слушала молча.

— Значит, теперь они будут покупать наших соседей?

— Похоже на то.

— А если купят всех?

Спартак отложил ложку.

— Не всех можно купить.

— Ты уверен?

Он посмотрел на неё.

— Нет. Но я хочу верить, что есть вещи, которые дороже серебра.

Мирта долго молчала.

— А что, если однажды тебе придётся выбирать между своим народом и теми, кого ты любишь?

Спартак не сразу ответил.

— Я не хочу такого выбора.

— Но он может появиться.

— Тогда я постараюсь сделать всё, чтобы он не возник.

Мирта протянула руку через стол и накрыла его ладонь своей.

— Иногда мне кажется, что ты уже принадлежишь не себе.

Спартак сжал её пальцы.

— Я принадлежу тебе гораздо больше, чем ты думаешь.

Она улыбнулась, но тревога не исчезла из её глаз.

В это же время Луций Варрон получил донесение от разведчиков.

Он прочитал его дважды, затем отложил свиток.

— Значит, Спартак уже был у перевала?

— Да, господин. Он осматривал дорогу вместе с несколькими людьми.

— И что он предпринял?

— Пока ничего. Но, по словам наших проводников, он задавал много вопросов и внимательно изучал местность.

Варрон задумался.

— Этот молодой человек начинает мне надоедать.

— Прикажете устранить его?

— Нет. Убийство сделает из него героя раньше времени.

— Тогда что делать?

Варрон подошёл к столу и развернул карту.

— Мы займём перевал. Но не будем атаковать главное поселение. Сначала нужно заставить старейшин понять, что сопротивление обойдётся им дороже покорности.

Он провёл пальцем по дороге, ведущей к небольшому селению Артаб.

— Здесь.

— Что именно, господин?

— Отправьте туда отряд. Заберите оружие, потребуйте продовольствие и задержите нескольких мужчин. Никакой резни. Пока.

Помощник кивнул.

— А если они окажут сопротивление?

Варрон посмотрел на него.

— Тогда пусть сами выберут, насколько дорогой будет для них свобода.

Ночь снова опустилась на долину.

Спартак стоял возле своего дома и смотрел на северные горы. Он не знал, что римляне уже изменили первоначальный план. Не знал, что удар будет нанесён не там, где его ждут. И не знал, что среди жителей Артаба находятся люди, которым предстоит первыми испытать на себе истинную цену римского порядка.

Ветер приносил запах дождя, а где-то далеко, за тёмными холмами, раздавался глухой стук копыт. Римские всадники двигались по ночной дороге, и каждый новый поворот приближал их к поселению, которое ещё не подозревало о своей беде.

Спартак повернулся к дому, где его ждала Мирта, и на мгновение задержался у порога. Он хотел верить, что завтрашний день принесёт ясность, что старейшины сумеют договориться, а люди, которых ещё можно спасти, не станут жертвами чужих амбиций.

Но история уже начала свой отсчёт.

И первый удар, который должен был заставить фракийцев склонить головы, готовился обрушиться на тех, кто меньше всех был готов к войне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЕРВЫЙ УДАР

Ещё до рассвета в Артабе проснулись собаки. Сначала залаяла одна, потом ей ответили другие, и вскоре тревожный лай разнёсся по всему поселению. Люди привыкли к ночным звукам леса, к волкам, бродившим возле загонов, к шуму ветра и внезапным крикам птиц. Но этот лай был другим. Собаки не просто предупреждали о чужом присутствии — они словно чувствовали приближение беды.

Первым из дома вышел кузнец Радам. Он жил у самой дороги, неподалёку от небольшого моста через ручей. Накинув на плечи овчину, он приоткрыл ворота и выглянул наружу.

По дороге двигались всадники.

Их было около тридцати. Впереди ехал человек в красноватом плаще, за ним следовали вооружённые пехотинцы. Лошади шли шагом, не торопясь, словно отряд совершал обычный переход, а не приближался к чужому поселению с недобрыми намерениями.

Радам быстро закрыл ворота.

— Поднимайся! — крикнул он жене. — Римляне!

Через несколько мгновений по домам начали стучать. Мужчины выходили на улицу, женщины торопливо собирали детей, старики пытались понять, что происходит. Никто не знал, зачем явился отряд и чего от него ожидать.

Римляне остановились на площади.

Их командир, высокий мужчина с тяжёлым подбородком, спрыгнул с коня и огляделся.

— Кто здесь старейшина? — спросил он на греческом языке.

Из толпы вышел пожилой мужчина по имени Тир.

— Я представляю наш род. Что вам нужно?

— Я Кассий, командир римского отряда. Мы пришли за продовольствием и оружием, которое вы обязаны предоставить римской власти.

— Нам никто не сообщал о таких требованиях.

Кассий усмехнулся.

— Теперь сообщаю.

— Но у нас нет запасов, чтобы кормить целый отряд. Зима близко. Мы должны оставить зерно и скот своим семьям.

— Рим сам решит, сколько вам оставить.

Тир выпрямился.

— Это наша земля. Мы не отказывались от торговли и не нападали на ваших людей. Почему вы обращаетесь с нами как с пленниками?

Кассий приблизился к нему.

— Потому что вы ещё не поняли, с кем имеете дело.

— Мы понимаем, что перед нами вооружённые люди.

— Этого недостаточно.

Командир повернулся к своим солдатам и приказал:

— Начать обыск. Забрать оружие, зерно и скот. Мужчин, которые окажут сопротивление, задерживать.

Римляне двинулись по улицам.

В доме Радама жена пыталась спрятать детей в подвале. Старший сын, двенадцатилетний Тар, отказывался уходить.

— Я останусь с тобой, отец.

— Нет, — строго ответил кузнец. — Ты пойдёшь с матерью.

— Но я уже большой!

— Именно поэтому ты должен слушаться.

Радам снял со стены короткий топор и подошёл к двери.

— Что бы ни случилось, не выходите наружу, пока не услышите мой голос.

Жена схватила его за руку.

— Не надо, Радам. У них много людей.

Он посмотрел на неё.

— Если я не выйду, они всё равно войдут сюда.

Она хотела возразить, но не смогла.

Радам вышел во двор.

Двое римских солдат уже стояли возле кузницы. Один вытаскивал из помещения готовые инструменты, другой осматривал оружие, висевшее на стене.

— Это моё, — сказал Радам.

Солдат повернулся.

— Теперь римское.

— Я кузнец. Это мои инструменты. Без них моя семья останется без хлеба.

— Приказ есть приказ.

Радам шагнул вперёд.

— Тогда скажи своему командиру, что я хочу поговорить с ним.

Солдат поднял копьё.

— Отойди.

Кузнец не двинулся.

Второй легионер ударил его рукоятью меча. Радам упал на колени, но успел схватить противника за ногу. Тот потерял равновесие и рухнул рядом. Первый солдат поднял копьё и ударил кузнеца в плечо.

Радам вскрикнул.

На улицу выбежали несколько жителей. Кто-то бросился к нему, кто-то попытался остановить солдат. В одно мгновение мирная площадь превратилась в место беспорядочной драки.

Кассий услышал шум и поспешил туда.

— Что здесь происходит?

— Этот человек напал на солдат, командир!

Кассий посмотрел на лежавшего Радама.

— Поднять его. И ещё троих задержать.

Тир попытался вмешаться.

— Вы обещали не причинять вреда жителям!

Кассий повернулся к нему.

— Я ничего тебе не обещал.

Он приказал солдатам продолжать обыск.

Вскоре на площади появились первые повозки, нагруженные зерном, кожами и домашней утварью. Несколько мужчин связали и поставили возле старого колодца. Среди них оказался и Радам.

Женщины плакали. Дети прятались за матерями. Никто не понимал, сколько ещё продлится происходящее и чем всё закончится.

В главном поселении в это время Спартак завтракал вместе с Миртой, когда в ворота постучали.

На пороге стоял молодой гонец. Его конь был покрыт пеной, а сам он едва мог говорить от усталости.

— Спартак! — выдохнул он. — Римляне напали на Артаб!

Спартак мгновенно поднялся.

— Когда?

— На рассвете. Они забрали зерно, скот и оружие. Несколько мужчин связали. Есть раненые.

— Сколько римлян?

— Около тридцати.

— Кто командует?

— Кассий.

Спартак обменялся взглядом с отцом, который уже входил во двор.

— Варрон изменил план, — произнёс Дракон.

— Да. Он ударил по самому слабому месту.

Спартак взял меч и начал затягивать ремень.

Мирта стояла рядом, побледневшая от тревоги.

— Ты едешь туда?

— Да.

— А если это ловушка?

Он посмотрел на неё.

— Возможно.

— Тогда почему ты должен ехать сам?

— Потому что там наши люди.

Она подошла ближе.

— Я не прошу тебя оставить их. Но хотя бы подумай, прежде чем бросаться в опасность.

Спартак коснулся её щеки.

— Я подумаю.

Мирта хотела ещё что-то сказать, но увидела по его лицу, что решение уже принято.

— Возвращайся, — произнесла она.

— Постараюсь.

— Нет, Спартак. Не «постараюсь». Возвращайся.

Он ничего не ответил, только крепче обнял её.

Через час у ворот поселения собрались сорок воинов. К ним присоединились несколько охотников, хорошо знавших окрестные тропы.

Спартак не стал произносить длинной речи.

— В Артабе находятся наши люди. Римляне забрали их имущество и задержали мужчин. Мы не знаем, что они собираются делать дальше. Поэтому действовать будем осторожно. Наша задача — освободить пленных и не допустить, чтобы отряд Кассия продолжил обыск.

— А если они не захотят отпускать людей? — спросил Севт.

— Тогда заставим их.

Дракон подошёл к сыну.

— Я поведу левую группу. Ты возьмёшь правую.

— Хорошо.

— И ещё, Спартак.

— Что?

Отец положил руку ему на плечо.

— Не пытайся доказать, что ты храбрее других. Нам нужен не герой, а человек, который сумеет привести людей обратно.

Спартак кивнул.

— Я понял.

Отряд двинулся по лесной дороге.

К полудню римляне закончили обыск и начали готовиться к возвращению в лагерь. Кассий приказал погрузить на повозки всё собранное имущество. Пленных собирались вести пешком.

Он был доволен собой. Задание выполнено без больших потерь, жители запуганы, а слух о римской силе наверняка разойдётся по соседним поселениям.

Но когда первый солдат вывел коня на дорогу, из-за деревьев раздался свист.

Стрела ударила в землю перед копытами.

Лошадь испуганно поднялась на дыбы.

— Щиты! — закричал Кассий.

Из леса показались фракийские воины.

Они не бросились в открытую атаку. Несколько лучников заняли позиции за деревьями, остальные перекрыли дорогу. Римляне быстро построились, образовав плотную группу вокруг повозок и пленных.

Спартак вышел из-за большого камня.

— Кассий!

Командир обернулся.

— Кто ты?

— Тот, кто пришёл забрать своих людей.

Кассий усмехнулся.

— Ты думаешь, сможешь остановить Рим сорока дикарями?

— Я вижу перед собой тридцать человек, которые забрали имущество у безоружных жителей. Не нужно делать вид, будто я встретил целую армию.

Лицо Кассия потемнело.

— Ты будешь наказан за это.

— Сначала освободи пленных.

— Они задержаны за сопротивление законной власти.

— Законной? Ты называешь законом то, что отнимаешь у людей их дома?

— Довольно разговоров!

Кассий поднял руку.

Римские солдаты выставили щиты.

Спартак оглянулся на своих воинов.

— Не стрелять без приказа!

Он снова повернулся к римлянам.

— Мы не хотим лишней крови. Освободите людей и оставьте награбленное. Тогда вы сможете уйти.

Кассий рассмеялся.

— Ты ещё не понял, мальчик. Здесь приказы отдаю я.

Он опустил руку.

Римляне двинулись вперёд.

Первый удар пришёлся на фракийцев, стоявших возле дороги. Римские щиты сомкнулись, копья выдвинулись вперёд, и вся группа начала медленно продвигаться к лесу.

Спартак не стал встречать их лобовой атакой.

— Отходить к камням! — приказал он.

Фракийцы отступили, заманивая противника на более узкий участок дороги. Римляне последовали за ними, уверенные, что заставили врага бежать.

Но за поворотом их встретил крутой склон, с которого обрушились камни.

Несколько легионеров упали, строй нарушился. В этот момент с боковой тропы ударили фракийские воины Дракона.

Сражение вспыхнуло мгновенно.

Крики, звон металла и ржание испуганных лошадей смешались в один непрерывный шум. Римляне пытались восстановить строй, но узкая дорога мешала им развернуться. Фракийцы действовали небольшими группами, нападали с разных сторон и быстро исчезали за камнями.

Спартак увидел Кассия.

Тот сражался у повозки, отбиваясь от двух противников. Рядом с ним лежал раненый легионер.

Спартак направился к командиру.

— Кассий!

Римлянин обернулся и поднял меч.

Их клинки встретились с резким металлическим звоном.

Кассий оказался сильным и опытным бойцом. Он умело наносил удары, заставляя Спартака отступать. Но молодой фракиец был быстрее. Он не пытался пробить защиту противника силой, а внимательно следил за каждым движением.

Один удар Кассия пришёлся в пустоту. Спартак уклонился и выбил меч из его руки.

Римлянин упал на колено.

Спартак приставил клинок к его груди.

— Прикажи своим людям остановиться.

Кассий тяжело дышал.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Прикажи!

Командир посмотрел на него с ненавистью.

— Рим не простит тебе этого.

— Сейчас не Рим передо мной. Сейчас передо мной человек, который должен ответить за свои поступки.

Кассий опустил голову.

Вскоре бой прекратился.

Часть римлян была убита или ранена, несколько солдат бросили оружие. Остальные, увидев, что командир пленён, прекратили сопротивление.

Фракийцы освободили задержанных мужчин и начали возвращать имущество жителям Артаба.

Спартак приказал оказать помощь раненым, в том числе римлянам.

Севт, увидев это, удивлённо спросил:

— Зачем ты помогаешь им?

— Потому что раненый человек остаётся раненым, даже если вчера пришёл сюда с оружием.

— Они бы нас не пожалели.

— Возможно. Но мы не обязаны становиться такими же.

Когда солнце стало клониться к горам, Спартак собрал своих людей.

Потери оказались меньше, чем он опасался. Несколько фракийцев получили ранения, двое погибли. Римляне потеряли больше людей, но их точное число ещё предстояло установить.

Дракон подошёл к сыну.

— Ты хорошо распорядился людьми.

— Мы просто использовали местность.

— Не скромничай. Не всякий молодой воин сумел бы остановить римский отряд без большой потери своих людей.

Спартак посмотрел на пленных римлян.

— Теперь Варрон узнает о случившемся.

— И что он сделает?

— Придёт с большим отрядом.

Дракон помолчал.

— Тогда нам нужно быть готовыми.

К ним подошёл Тир, старейшина Артаба. Он был растроган, но старался держаться достойно.

— Спартак, ты спас наших людей. Мы никогда этого не забудем.

— Мы сделали то, что должны были сделать.

— Нет, сынок. Многие говорят о долге, но не каждый готов ради него рисковать жизнью.

Спартак посмотрел на жителей, которые собирали остатки своего имущества и помогали раненым.

— Сегодня мы смогли отбить нападение. Но это ещё не победа.

Тир кивнул.

— Я знаю.

Вечером в главном поселении собрались старейшины. На этот раз никто не сомневался в том, что Рим представляет серьёзную угрозу. Даже Берик, прежде выступавший за переговоры, теперь молчал.

Орест поднялся.

— Сегодня Спартак и его люди остановили римский отряд. Они освободили наших пленников и вернули имущество жителям Артаба. Но мы должны понимать: завтра против нас могут выступить не тридцать человек, а триста или тысяча.

— Тогда нужно искать союзников, — сказал Дракон.

— Кого? — спросил Берик. — Соседние племена сами боятся Рима.

— Значит, нужно убедить их, что поодиночке нас уничтожат, а вместе у нас есть шанс.

Спартак поднялся.

— Я предлагаю отправить гонцов ко всем племенам, которые живут между нашими горами и южными дорогами. Мы должны встретиться и обсудить общую защиту. Не каждый род отдельно, а все вместе.

Орест внимательно посмотрел на него.

— Ты готов возглавить такую встречу?

Спартак на мгновение задумался.

— Если люди захотят меня слушать.

— Они уже слушают, — произнёс Дракон.

В помещении наступила тишина.

Никто не произнёс вслух того, что постепенно становилось очевидным: после сегодняшнего дня имя молодого фракийца уже не принадлежало только его семье и поселению.

За пределами долины Луций Варрон получил донесение о поражении Кассия.

Он прочитал его, не меняя выражения лица. Затем медленно свернул свиток.

— Сколько погибших?

— Двенадцать, господин. Ещё несколько ранены. Кассий и часть солдат попали в плен.

— А предводитель фракийцев?

— Спартак.

Варрон поднял глаза.

— Опять он.

Помощник осторожно спросил:

— Что прикажете делать?

Варрон подошёл к окну. Вдали темнели горы, за которыми скрывались поселения, не желавшие подчиняться Риму.

— Передайте в штаб, что нам потребуется подкрепление. И пошлите гонца к ближайшему наместнику. Я хочу знать, какие силы он может выделить.

— А Спартак?

Варрон долго смотрел на тёмную линию горизонта.

— Теперь он перестал быть просто местным зачинщиком. Теперь он человек, который победил римский отряд. А такие люди быстро становятся символами.

— Вы хотите его схватить?

— Нет. Пока нет. Сначала нужно понять, насколько далеко простирается его влияние.

Он повернулся к помощнику.

— И ещё. Найдите мне тех, кто ненавидит Спартака. У каждого человека есть враги. Иногда они полезнее целой армии.

За окнами римского лагеря зажигались огни. В долине люди впервые за многие дни позволили себе поверить, что сопротивление возможно. Но Спартак знал: победа над небольшим отрядом ничего не решала. Она лишь доказала, что римлян можно остановить, и одновременно сделала его самого мишенью для куда более опасного противника.

В ту ночь над фракийскими горами снова пошёл дождь. Он смывал кровь с камней и уносил её в ручьи, но не мог смыть память о первом столкновении. Для жителей Артаба это был день освобождения. Для Рима — унизительное поражение. А для Спартака — первый шаг к пониманию того, что однажды ему, возможно, придётся отвечать не только за собственный дом, но и за свободу целого народа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПЛЕННИКИ ПОБЕДЫ

Утро после сражения выдалось необычайно тихим. В Артабе ещё пахло дымом, мокрой землёй и кровью. Люди выходили из домов осторожно, словно не верили, что римляне действительно ушли и больше не вернутся в эту долину с первыми лучами солнца.

На площади перед домом старейшины Тира лежали щиты и оружие, собранные после боя. Женщины разносили воду раненым, мужчины разбирали повреждённые ограды и возвращали на место поваленные ворота. У кузницы Радама уже горел огонь, хотя сам кузнец ещё не мог работать: раненая рука была перевязана, и каждое движение отзывалось болью.

Спартак стоял у края площади и наблюдал за происходящим. Он почти не спал. Ночь прошла в разговорах с дозорными, в проверке укреплений и в заботах о тех, кто получил ранения. Победа оказалась не такой лёгкой, какой она могла показаться со стороны. Несколько фракийцев погибли, ещё больше были ранены. И теперь, когда опасность отступила, лица погибших всё чаще вставали перед ним.

К нему подошёл Севт.

— Тир просит тебя прийти. Старейшины уже собрались.

— Что-нибудь случилось?

— Скорее, назрело. Люди хотят знать, что будет дальше. Одни требуют немедленно идти на римский лагерь. Другие считают, что после вчерашнего нам лучше разойтись по домам, пока Варрон не привёл целое войско.

Спартак посмотрел на дальние горы.

— И те и другие боятся одного и того же, только каждый по-своему.

— А ты?

— Я боюсь, что мы примем вчерашнюю победу за конец войны.

Они направились к дому Тира.

Внутри уже находились Орест, Берик, несколько старейшин соседних поселений и Дракон. Разговор шёл горячий. Кто-то настаивал на том, чтобы использовать успех и ударить по римским укреплениям. Другие предлагали отправить послов к Варрону и потребовать, чтобы римляне покинули долину.

Когда вошёл Спартак, голоса постепенно стихли.

— Мы должны решить, что делать с пленными, — произнёс Тир. — Их двое, о которых следует говорить прежде всего. Кассий и Молан.

При упоминании последнего в комнате воцарилось тяжёлое молчание.

— Кассий командовал отрядом, который напал на Артаб, — продолжил старейшина. — Он убивал наших людей и отдавал приказы о захвате имущества. Молан же предал собственных соседей. И если римлянин исполнял приказ своего начальника, то Молан сам выбрал сторону тех, кто пришёл к нам с огнём и мечом.

— Но оба сейчас в наших руках, — заметил Орест. — И от того, как мы поступим с ними, многое будет зависеть.

Берик поднялся.

— С римлянином всё просто. Его следует обменять на наших людей, если такие найдутся в плену. А предателя надо судить по законам наших предков.

— Согласен, — поддержал его один из старейшин. — Иначе каждый решит, что за предательство достаточно попросить прощения.

Спартак выслушал всех и только потом заговорил:

— Если мы хотим, чтобы наши люди не стали похожи на тех, с кем воюют, нам придётся научиться отличать справедливость от мести. Кассий пришёл сюда с оружием. Он сражался против нас, и за это должен отвечать. Но он не хозяин Рима и не тот, кто решил напасть на Артаб. Его можно использовать для переговоров.

— А Молан? — спросил Берик.

— Молан предал нас не один раз. Он передавал римлянам сведения, показывал дороги и помогал готовить нападение. Но я хочу услышать его самого. Не для того, чтобы оправдать. Я хочу знать, насколько глубоко проникли римляне в наши поселения.

— Ты всё ещё надеешься его понять? — резко спросил Берик.

— Нет. Я надеюсь понять врага.

Дракон, до этого молчавший, одобрительно кивнул.

— Это разные вещи, Берик. Иногда человек, которого мы ненавидим, может рассказать больше, чем тот, кому доверяем.

Спартак распорядился привести пленников по очереди.

Первым вошёл Кассий. На его лице виднелась рассечённая рана, а левая рука была перевязана. Он держался прямо, стараясь не показывать слабости, но теперь в его взгляде не было прежней уверенности.

— Ты знаешь, кто перед тобой? — спросил Спартак.

— Знаю. Человек, который победил мой отряд.

— И что ты думаешь об этом человеке?

Кассий некоторое время молчал.

— Думаю, что ты совершил ошибку, отпустив своих людей после боя. Ты мог бы собрать всех мужчин Артаба, вооружить их и ударить по нашему лагерю ночью.

— А ты на моём месте поступил бы именно так?

— Я римский офицер. Меня учили не оставлять противнику времени на отдых.

— А меня учили помнить, ради чего человек берёт в руки оружие.

Кассий усмехнулся.

— Красивые слова. Но твои люди всё равно будут убивать римлян, а римляне — убивать твоих людей.

— Возможно. Но это не значит, что я обязан делать всё, что делаешь ты.

Спартак предложил ему сесть. Кассий удивлённо посмотрел на него, однако сел.

— Я хочу отправить тебя к Варрону с посланием. Мы готовы обменять тебя на фракийцев, которых держат в римских укреплениях. И ещё мы требуем, чтобы римляне прекратили грабить поселения и забирать людей.

— Ты думаешь, Варрон согласится?

— Это будет его решение.

— А если он откажется?

Спартак поднялся.

— Тогда ты вернёшься к нам. И мы будем знать, что с ним невозможно разговаривать.

Кассий долго смотрел на молодого фракийца. В его взгляде впервые появилось нечто похожее на уважение, хотя он старательно скрывал это.

— Ты странный человек, Спартак.

— Мне уже говорили.

— В Риме таких не любят.

— Я не собираюсь добиваться любви Рима.

Когда Кассия увели, в комнату ввели Молана.

Он выглядел значительно хуже римского офицера. Несколько ночей в плену, страх перед возможным наказанием и собственная совесть сделали его лицо серым и измождённым. Он не смотрел на Спартака, а когда заметил среди присутствующих Берика, опустил голову ещё ниже.

— Ты знаешь, зачем тебя привели? — спросил Спартак.

— Знаю.

— Тогда рассказывай. Кто ещё помогает Варрону?

Молан молчал.

— Ты ведь уже понял, что он не собирался спасать тебя и твою семью, — продолжил Спартак. — Ему нужны были дороги, сведения, проводники. Ты получил деньги, но получил ли обещанную защиту?

— Нет.

— Он обещал, что тебя и твоих близких переселят на юг?

Молан кивнул.

— А потом?

— Потом сказал, что сначала я должен помочь ему закончить дело здесь.

— Какое дело?

— Он хотел узнать, кто поддерживает тебя. Кто готов выступить против Рима. Кто из старейшин сомневается. Он говорил, что если убрать нескольких человек, остальные станут послушнее.

Берик не выдержал:

— И ты согласился назвать ему наших людей?

Молан закрыл лицо руками.

— Я боялся. У меня были долги. Римские сборщики угрожали забрать дом, а потом появились люди Варрона. Они обещали деньги, землю, новую жизнь…

— А когда они пришли в Артаб, ты знал, что там будут избивать людей? — спросил Спартак.

— Я не знал, что они нападут именно туда.

— Но ты знал, что они собираются напасть.

Молан не ответил.

— Ты мог предупредить нас, — тихо произнёс Спартак. — Мог прийти к нам, рассказать о долгах, попросить помощи. Ты выбрал другой путь.

— Я знаю.

— Нет, Молан. Пока ты знаешь только то, что оказался в плену. А понять, что ты сделал, тебе ещё предстоит.

В этот момент дверь открылась. На пороге стояла Тея. Она пришла вместе с одной из женщин Артаба и теперь не решалась войти дальше.

Молан увидел жену и побледнел.

— Тея…

Она подошла к нему, но не обняла. Долго смотрела в его лицо, словно пыталась отыскать там человека, которого когда-то знала.

— Я ждала тебя, — сказала она. — Каждый вечер ждала, что ты вернёшься и объяснишь, куда исчез. Я думала, тебя убили. А ты всё это время помогал тем, кто пришёл забирать наших детей и мужей.

— Я хотел спасти нас.

— От чего? От бедности? От долгов? От страха? Ты спасал себя, Молан. А нас оставил жить среди людей, которым теперь стыдно смотреть в глаза.

Он попытался взять её за руку, но Тея отступила.

Спартак велел вывести пленника. Тея осталась стоять посреди комнаты, и никто не решился заговорить первым.

— Что теперь будет с ним? — наконец спросила она.

— Его судьбу решит совет, — ответил Спартак.

— А ты?

— Я не стану скрывать его вину. Но и не позволю убить его только потому, что люди хотят увидеть кровь.

Тея медленно кивнула.

— Я не знаю, смогу ли когда-нибудь простить его.

— Не заставляй себя решать это сегодня.

Когда женщина вышла, Орест долго смотрел ей вслед.

— Война разрушает не только дома, — сказал он. — Она входит в семьи и заставляет людей ненавидеть тех, кого они когда-то любили.

— Поэтому мы и должны быть осторожны, — ответил Спартак. — Если однажды мы победим римлян, но потеряем способность оставаться людьми, то что именно мы тогда спасём?

К вечеру совет принял решение: Кассий будет отправлен к Варрону под охраной небольшого отряда, а Молан останется пленником до общего суда старейшин. В его судьбе должны были участвовать представители всех поселений, пострадавших от его предательства.

Но куда важнее было другое. Гонцы, отправленные после победы в Артабе, начали возвращаться с ответами.

Из двух поселений пришли согласные на союз. Третье обещало прислать своих воинов, если римляне снова перейдут границу. Четвёртое отказывалось участвовать, опасаясь мести Рима. Старейшина Берик, прежде склонявшийся к переговорам, теперь предложил собрать общий совет и определить единое руководство обороной.

Спартак понимал, что это будет труднее, чем одержать победу над одним римским отрядом. Победить врага в бою можно силой, хитростью и мужеством. Но объединить людей, привыкших жить каждый сам по себе, гораздо сложнее.

Поздно вечером он вернулся домой.

Мирта ждала его у очага. Она поставила перед ним чашу с горячей едой и молча села рядом. Некоторое время они не разговаривали. За окном ветер раскачивал ветви деревьев, а в доме потрескивали поленья.

— Ты снова почти не спал, — сказала она.

— Сегодня мне удалось поспать немного.

— Ты всегда так отвечаешь.

Спартак улыбнулся.

— А ты всегда замечаешь, когда я говорю неправду.

Мирта придвинулась ближе.

— Я слышала, что ты отпустил римского командира.

— Отправил его к Варрону с предложением обмена.

— Ты не боишься, что он вернётся с большим войском?

— Боюсь.

— Тогда почему отпустил?

Спартак задумался.

— Потому что хочу, чтобы у Варрона была возможность отступить, не потеряв лица. Если он воспользуется ею, погибнет меньше людей.

— А если нет?

— Тогда нам придётся защищаться.

Мирта посмотрела на него с тревогой.

— Я всё чаще думаю о том, что однажды ты уйдёшь и не вернёшься.

Он взял её руку.

— Я не хочу уходить от тебя.

— Но ты уже уходишь. Даже когда сидишь рядом, мыслями ты где-то в горах, среди людей, которые ждут от тебя решений.

— Я не могу оставить их.

— Я понимаю. Только не забывай, что и здесь есть человек, который ждёт тебя каждый вечер.

Он крепче сжал её ладонь.

— Я помню.

Мирта положила голову ему на плечо. Впервые за последние дни Спартак почувствовал, как напряжение немного отступает. Здесь, в доме, всё ещё существовала та жизнь, которую он хотел защитить. Не власть, не слава, не военные победы, а простое человеческое счастье, которое прежде казалось таким естественным.

Однако далеко от фракийских гор, в римском лагере, Луций Варрон уже получил известие о пленении Кассия.

Он прочитал послание дважды и положил его на стол.

— Значит, Спартак решил торговаться, — произнёс он.

Стоявший рядом офицер кивнул.

— Он предлагает обменять Кассия на наших пленных и требует прекратить набеги.

— Требует? — Варрон усмехнулся. — Он ещё не понял, что требования предъявляют те, у кого есть власть.

— Что прикажете ответить?

Варрон подошёл к карте. На ней были отмечены дороги, поселения, переправы и горные проходы. Он провёл пальцем по линии, ведущей к долине, где находился Артаб.

— Передайте, что я рассмотрю его предложение. Пусть думает, будто у нас есть желание договариваться.

— А что делать с пленными?

— Найдите всех фракийцев, которых мы удерживаем. Мне нужно знать, кого можно обменять, а кого лучше оставить.

Офицер помедлил.

— Господин, есть ещё одна проблема. После поражения Кассия среди местных жителей усилилась поддержка Спартака. Если он объединит поселения, нам будет гораздо труднее контролировать эту территорию.

Варрон посмотрел на него.

— Именно поэтому мы не должны позволить ему объединить их.

Он снова склонился над картой и остановился возле названия небольшого поселения, расположенного к востоку от Артаба.

— Здесь живёт человек, который много лет служит нашим интересам. Найдите его. И скажите, что у него появился шанс доказать свою преданность Риму.

— А если он откажется?

Варрон медленно поднял голову.

— Тогда найдём другого.

За стенами лагеря сгущалась ночь. Кассий уже направлялся к фракийским землям с посланием, которое могло стать началом переговоров. Но Варрон вовсе не собирался прекращать борьбу. Он лишь понял, что открытая сила пока не принесёт ему желаемого результата.

Теперь Рим готовился действовать иначе — не мечом против меча, а обещаниями, страхом и чужими руками. И Спартаку предстояло узнать, что победить врага, стоящего перед тобой с оружием, порой легче, чем распознать того, кто уже сидит за твоим столом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЦЕНА МИРА

К полудню следующего дня отряд, сопровождавший Кассия, достиг римского лагеря. Дорога проходила через узкую долину, где с обеих сторон поднимались каменистые склоны. Спартак отправил с пленным десять воинов, приказав им не вступать в столкновение, если римляне не нападут первыми. Вместе с Кассием ехал молодой фракиец по имени Дитон, которому предстояло передать Варрону условия обмена.

Кассий всю дорогу молчал. Лишь однажды, когда они остановились у ручья, он обратился к Дитону:

— Ты давно служишь Спартаку?

— Мы вместе выросли.

— Значит, ты знаешь его лучше других.

— Достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов.

Кассий усмехнулся.

— А я вот никак не могу понять одного. Он действительно верит, что сможет остановить Рим?

Дитон посмотрел на него.

— А ты действительно веришь, что Рим никогда не проигрывает?

— Рим проигрывал сражения. Но Рим не проигрывает войны.

— Тогда, возможно, тебе стоит вспомнить, что всякая большая война когда-нибудь начинается с одного маленького поражения.

Кассий ничего не ответил.

У ворот лагеря их встретили вооружённые солдаты. Кассия немедленно провели к Варрону, а фракийцев оставили ждать во внешнем дворе.

Луций Варрон встретил бывшего подчинённого без особой теплоты.

— Я ожидал увидеть тебя раньше, Кассий.

— Я тоже, господин.

— Ты потерял отряд, оружие и оказался в руках варваров. Не слишком удачное завершение службы.

— Я проиграл сражение. Но не считаю, что потерял честь.

Варрон прищурился.

— Ты, кажется, слишком долго находился среди фракийцев. Начинаешь говорить как они.

— Их предводитель предложил обмен. Он готов вернуть меня за освобождение пленных фракийцев.

— И ты согласился доставить это предложение?

— Я дал слово.

Варрон отвернулся к столу.

— Слово, данное врагу, иногда обходится дороже, чем нарушение приказа. Ты должен был остаться там и выяснить, сколько людей Спартак способен собрать под своими знамёнами.

— Я был пленником.

— Ты был римским офицером.

Кассий выдержал его взгляд.

— Именно поэтому я вернулся.

Несколько мгновений Варрон молчал. Потом позвал писца и приказал принести список пленных. Перечень оказался коротким: семь фракийцев, захваченных во время прежних набегов, двое из которых были ранены.

— Передайте их фракийцам, — распорядился Варрон. — Но только после того, как мы получим Кассия обратно.

— Они требуют прекратить набеги, господин.

— А ты, видимо, обещал им ещё и мир?

— Нет. Я ничего не обещал.

Варрон подошёл ближе.

— Запомни, Кассий: мир заключают не потому, что противник его просит. Мир заключают тогда, когда он становится выгоден Риму.

Он помолчал и добавил:

— И всё же я хочу посмотреть на этого Спартака. Человек, который после победы не стал преследовать отступающих, а предложил обмен, заслуживает внимания. Возможно, он опаснее, чем кажется.

В те же дни в долине происходило нечто, чему Спартак придавал не меньшее значение, чем переговорам с римлянами.

К нему начали прибывать представители соседних поселений. Одни приезжали верхом, другие приходили пешком, сопровождаемые двумя-тремя вооружёнными людьми. Каждый привозил свои опасения, свои обиды и собственное представление о том, как следует противостоять Риму.

Среди прибывших был старейшина Фрагон из поселения, расположенного за восточным хребтом. Это был пожилой человек с тяжёлым взглядом и седой бородой. Он выслушал рассказ о нападении на Артаб, но не спешил выражать сочувствие.

— Вы победили один римский отряд, — произнёс он. — Но что будет, когда придут три?

— Тогда мы должны встретить их не поодиночке, — ответил Спартак.

— Ты предлагаешь нам подчиниться одному командиру?

— Я предлагаю договориться, кто и за что будет отвечать.

Фрагон усмехнулся.

— Красивое различие. Но всякий, кто собирает под собой людей, рано или поздно начинает считать их своей собственностью.

Спартак не стал возражать сразу.

— Я не прошу вас отдавать мне свои земли, своих воинов или право принимать решения. Я прошу только одного: если римляне нападут на одно поселение, остальные не должны делать вид, будто это их не касается.

— А если нападут на нас?

— Тогда Артаб и другие поселения придут к вам на помощь.

— Даже если это будет опасно?

— Особенно тогда.

Фрагон некоторое время смотрел на него, затем повернулся к своим спутникам.

— Я привезу ответ совета через три дня.

После его ухода Дракон сказал:

— Ты говоришь с ними так, будто каждый из них уже твой союзник.

— Нет, отец. Я говорю с ними так, будто они имеют право выбирать.

— А если они выберут страх?

Спартак посмотрел вслед удалявшимся всадникам.

— Значит, мне придётся доказать, что страх не единственный разумный выбор.

Дракон положил руку ему на плечо.

— Хорошо говоришь, сын. Но помни: люди идут за человеком не только тогда, когда он говорит правильные слова. Они идут за ним, когда видят, что он сам готов заплатить за свои слова.

Эти слова Спартак запомнил.

Вечером он отправился к отцу. Дракон сидел возле очага, а Аурелия перебирала травы, высушенные под навесом. Мать подняла голову, увидев сына.

— Ты давно не бывал дома так, чтобы не думать о завтрашнем дне.

— А разве можно сейчас думать только о сегодняшнем?

— Можно хотя бы попытаться, — ответила она. — Человек, который всё время смотрит вдаль, однажды перестаёт замечать тех, кто стоит рядом.

Спартак присел возле неё.

— Мирта тоже говорит мне об этом.

— И правильно делает.

Аурелия улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Я слышала, что римляне снова собирают людей.

— Они не смирились с поражением.

— Они когда-нибудь смиряются?

Дракон посмотрел на огонь.

— Римляне умеют ждать. Это делает их опасными. Они могут проиграть сегодня, чтобы завтра вернуться с большим войском.

— Значит, нам тоже нужно научиться ждать, — сказал Спартак.

— Нет, сын. Нам нужно научиться не торопиться там, где торопиться нельзя, и не медлить там, где промедление погубит людей.

Отец говорил спокойно, но Спартак чувствовал, что за этой спокойной мудростью скрывается тревога.

— Ты думаешь, я не справлюсь?

Дракон долго не отвечал.

— Я думаю, что ты ещё не знаешь, сколько человеческих судеб может оказаться в твоих руках. Вчера ты спас Артаб. Завтра от тебя могут ждать спасения целой долины. А послезавтра кто-нибудь обвинит тебя в том, что ты не спас всех.

— И что мне тогда делать?

— Не пытаться стать человеком, который никогда не ошибается. Таких не бывает. Просто не позволяй чужой похвале сделать тебя самоуверенным, а чужой ненависти — жестоким.

Аурелия подошла к сыну и поправила его одежду, как делала когда-то в детстве.

— И возвращайся домой, когда сможешь. Нам не нужен великий герой, который однажды останется только в песнях.

Спартак обнял мать.

В эту минуту он особенно остро почувствовал, что всё, ради чего он собирался бороться, начиналось именно здесь — с дома, родительских рук, знакомого запаха очага и человека, который ждал его возвращения.

На третий день к Артабу прибыл римский посланник.

Это был не воин, а человек в добротной дорожной одежде, говоривший на греческом языке. Его звали Марк Элий. Он передал письмо от Луция Варрона и сообщил, что римский представитель готов обсуждать обмен пленными.

Спартак прочитал послание дважды.

Варрон соглашался вернуть семерых фракийцев, захваченных во время прежних набегов, в обмен на Кассия. Однако о прекращении набегов и признании права поселений на самостоятельную жизнь в письме не было ни слова.

— Он предлагает нам только то, что считает выгодным для себя, — заметил Орест.

— И проверяет, насколько мы довольны малым, — добавил Севт.

Спартак положил письмо на стол.

— Но семь человек вернутся домой. Это уже немало.

— А если он снова нападёт? — спросил Берик.

— Тогда у нас будет ещё меньше сомнений в его намерениях.

Орест внимательно посмотрел на молодого воина.

— Ты готов отпустить Кассия?

— Да. Он выполнил своё обещание и вернулся. Мы должны выполнить своё.

— А если он снова поднимет меч против нас?

— Тогда он снова станет нашим врагом. Но сейчас он пленник, которого мы обещали обменять.

Посланник слушал разговор, не вмешиваясь. Когда Спартак повернулся к нему, тот слегка склонил голову.

— Я передам господину Варрону, что вы согласны.

— Передай ему ещё кое-что, Марк Элий. Мы не ищем войны с Римом. Но не собираемся отдавать ему свои дома только потому, что у него больше солдат.

Посланник посмотрел на него с любопытством.

— Вы говорите так, словно Рим должен прислушиваться к словам небольшого фракийского поселения.

— Нет. Я говорю так, словно у каждого человека есть право защищать свой дом.

Обмен состоялся у старой переправы через реку.

С одной стороны собрались фракийцы, с другой — римский отряд. Между ними оставили свободное пространство. Кассий вышел навстречу своим людям, а семь освобождённых фракийцев направились к Спартаку.

Один из них едва держался на ногах. Его звали Ликон. Он был захвачен римлянами несколько месяцев назад, и за это время успел потерять почти половину веса. Когда он увидел своих товарищей, то остановился, будто не верил собственным глазам.

— Мы думали, что уже никогда не вернёмся, — прошептал он.

Спартак положил руку ему на плечо.

— Теперь ты дома.

Кассий тем временем остановился перед ним.

— Надеюсь, мы больше не встретимся на поле боя.

— Я тоже, — ответил Спартак.

— Но если встретимся, я не стану просить пощады.

— И я не стану просить тебя о ней.

Кассий коротко кивнул и направился к римлянам.

Когда обмен завершился, обе стороны начали отходить. Римский отряд первым скрылся за поворотом дороги. Фракийцы ещё некоторое время стояли у реки, провожая их взглядами.

Севт подошёл к Спартаку.

— Мы вернули семерых. Но ничего не изменилось.

— Изменилось, — ответил тот. — Семь семей сегодня снова будут вместе.

— А завтра?

Спартак посмотрел на воду, которая спокойно текла между камнями.

— Завтра будет новый день. И новые решения.

В ту же ночь в римском лагере Варрон получил доклад от человека, которого давно использовал для тайных поручений. Тот прибыл из восточного поселения, названия которого не было на официальных картах римской администрации.

— Старейшина согласился? — спросил Варрон.

— Он согласен помочь, но требует гарантий.

— Все требуют гарантий, когда речь идёт об их собственной безопасности.

— Он опасается Спартака. После Артаба многие считают его защитником фракийцев.

Варрон улыбнулся.

— Именно поэтому он нам и нужен. Человек, который боится Спартака, будет гораздо полезнее того, кто его любит.

Он приказал положить перед собой карту.

— Узнайте, когда состоится общий совет поселений. Мне нужны имена всех, кто там будет присутствовать. И особенно тех, кто выступит за союз.

— Что вы собираетесь предпринять?

Варрон провёл пальцем по дороге, ведущей к месту будущего собрания.

— Иногда достаточно одного события, чтобы люди перестали доверять друг другу.

— Вы хотите напасть на совет?

— Нет. Пока нет.

Он поднял глаза.

— Я хочу, чтобы они сами начали подозревать друг друга. Пусть каждый думает, что сосед готов продать его Риму. Пусть их союз развалится прежде, чем они успеют его создать.

Посланник поклонился и вышел.

Варрон остался один. Он понимал, что Спартак становится всё более серьёзной проблемой. Но ещё не решил, что опаснее: молодой фракиец, который сумел объединить вокруг себя людей, или сама мысль, которую тот пробуждал в них.

Ведь до появления Спартака многие считали покорность неизбежной. Теперь же они начали задавать вопросы. И для Рима это могло оказаться гораздо опаснее одного проигранного сражения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. СОВЕТ ПОД УГРОЗОЙ

Весть о предстоящем совете разошлась по фракийским поселениям быстрее, чем ожидал Спартак. После обмена пленными люди стали охотнее говорить о союзе. Одни видели в нём возможность наконец дать отпор римлянам, другие надеялись, что общая договорённость позволит избежать новых нападений. Но почти каждый понимал: прежняя жизнь уже не вернётся.

Совет решили провести в поселении Орестея, расположенном среди невысоких гор, в стороне от главных дорог. Там сходились несколько троп, по которым пастухи перегоняли скот, охотники возвращались из лесов, а торговцы доставляли товары из соседних долин. Место было удобным для встречи, но достаточно удалённым, чтобы не привлекать внимания римских патрулей.

За два дня до собрания Спартак отправился туда вместе с Севтом, Драконом и небольшим отрядом. Он хотел лично проверить дороги и поговорить с местными жителями.

Орестея встретила их настороженно. Старейшина поселения, седой и худощавый человек по имени Пелагон, вышел навстречу гостям.

— Мы рады принять вас, — сказал он. — Но я должен предупредить: не все здесь считают, что ваш союз принесёт нам пользу.

— Мы не требуем, чтобы вы соглашались с нами во всём, — ответил Спартак. — Достаточно, чтобы вы выслушали друг друга.

Пелагон внимательно посмотрел на него.

— Ты молод. А говоришь так, словно уже прожил несколько жизней.

— Может быть, потому, что за последние недели слишком многое пришлось увидеть.

Старейшина провёл гостей в дом совета. Там уже готовили места для прибывающих представителей. На стенах висели старые щиты, принадлежавшие ещё отцам нынешних воинов. В углу стоял деревянный стол, покрытый следами ножей и времени.

— Здесь собирались наши предки, когда решали споры между поселениями, — пояснил Пелагон. — Иногда им удавалось договориться. Иногда они расходились врагами.

— Значит, нам есть чему поучиться у их ошибок, — сказал Дракон.

Старейшина усмехнулся.

— Ошибки предков обычно легче замечать, чем собственные.

Вечером Спартак вышел за пределы поселения. Солнце уже опустилось за горы, и на склонах медленно сгущались тени. Он остановился возле небольшого ручья, где несколько мальчишек гоняли деревянный обруч.

Один из них узнал его.

— Ты тот самый Спартак, который победил римлян в Артабе?

Спартак улыбнулся.

— Я был не один.

— А ты убил римского командира?

— Нет. Мы обменяли его на наших людей.

Мальчик удивлённо нахмурился.

— А зачем? Ведь он же враг.

— Сегодня враг, завтра может стать человеком, который поможет избежать новой войны.

— Но он снова придёт с мечом?

Спартак присел перед мальчиком.

— Возможно. Поэтому мы должны быть готовы защищаться. Но не нужно делать врагами всех, кто однажды стоял по другую сторону.

Мальчик задумался, а потом убежал к друзьям.

Севт, стоявший неподалёку, покачал головой.

— Ты даже с детьми разговариваешь о войне.

— А разве они её не видят?

— Видят. Но хотелось бы, чтобы у них было другое детство.

Спартак посмотрел вслед мальчикам.

— Мне тоже.

Они вернулись в поселение уже в темноте. У ворот их встретил один из дозорных.

— Чужие люди были здесь, — сообщил он. — Спрашивали, сколько воинов прибудет на совет и кто будет сопровождать старейшин.

— Как выглядели?

— Двое. Один говорил по-гречески, другой почти не открывал рта. Назвались торговцами, но товаров у них не было.

Севт нахмурился.

— Римские разведчики?

— Возможно, — ответил Спартак. — А возможно, люди, которые хотят, чтобы мы решили именно так.

Он приказал усилить дозоры и проверить все дороги, ведущие к Орестее. Однако никого не задерживать без веских оснований.

На следующее утро начали прибывать представители поселений.

Первым приехал Фрагон, старейшина восточной долины. За ним прибыли Берик, Тир и Орест. Вместе с ними приехали воины, охотники и несколько людей, которые никогда прежде не участвовали в подобных собраниях.

Среди последних был молодой человек по имени Эвандер. Он происходил из небольшого поселения на востоке и представился как помощник местного старейшины.

Спартак обратил внимание на его осторожность. Эвандер почти не разговаривал, зато внимательно наблюдал за каждым прибывшим, запоминая имена и расположение людей.

— Ты впервые на таком совете? — спросил его Севт.

— Да.

— И что думаешь?

— Пока ничего. Я предпочитаю сначала слушать.

— Разумное качество, — усмехнулся Севт. — Только иногда полезно и говорить.

Эвандер улыбнулся, но ничего не ответил.

К полудню все собрались в большом доме. Пелагон открыл заседание и предложил каждому старейшине изложить свою позицию.

Первым заговорил Тир.

— Мы не можем продолжать жить так, будто римляне пришли только в Артаб. Сегодня они забирают зерно у одного поселения, завтра людей у другого. Если мы будем ждать, пока беда постучится в каждую дверь, то останемся без домов и без мужчин.

— Ты предлагаешь войну? — спросил Фрагон.

— Я предлагаю не позволять Риму решать за нас, когда нам жить и когда умирать.

Фрагон поднялся.

— А я предлагаю не путать смелость с безрассудством. У Рима тысячи солдат, оружие, укреплённые лагеря и дороги, по которым он может быстро перебрасывать войска. Что мы противопоставим этому? Сотню охотников и несколько десятков воинов?

— Если каждый будет считать только собственных людей, то именно столько у нас и останется, — ответил Тир.

Разговор становился всё напряжённее.

Один из старейшин предложил направить посольство к римскому наместнику. Другой потребовал прекратить любые переговоры. Третий заявил, что поселения должны сами решать, помогать ли соседям.

Спартак слушал, не вмешиваясь.

Наконец Пелагон обратился к нему:

— Ты собрал нас здесь. Скажи, чего хочешь добиться.

Спартак поднялся.

— Я не хочу, чтобы мы сегодня объявляли войну Риму. И не хочу, чтобы мы сегодня просили у него мира. Я хочу, чтобы мы договорились о том, что будем делать, если римляне снова нападут.

Он подошёл к столу и развернул карту долины.

— Посмотрите. Здесь наши поселения. Между ними дороги, переправы и горные проходы. Мы живём рядом, но каждый защищает только собственный участок земли. Римляне это знают. Поэтому они приходят туда, где нас меньше всего, и бьют по одному.

Он указал на Артаб.

— Если бы жители соседних поселений пришли туда до нападения, Кассий не смог бы беспрепятственно занять площадь. Но мы не успели объединиться. И это стоило нам крови.

— Ты предлагаешь создать общее войско? — спросил Берик.

— Нет. Я предлагаю создать общий порядок помощи. Каждое поселение сохраняет своих воинов и старейшин. Но если на одно из них нападают, остальные обязуются немедленно прислать помощь.

— А кто будет командовать? — спросил Фрагон.

— В каждом поселении — свой командир. Если несколько отрядов действуют вместе, они заранее выбирают старшего для конкретной операции. Его власть заканчивается вместе с этой операцией.

Фрагон задумался.

— Значит, ты не собираешься становиться нашим вождём?

Спартак посмотрел на него.

— Я хочу, чтобы у нас был союз, а не новый хозяин.

В доме стало тихо.

Это были не просто слова. Многие из присутствующих впервые услышали предложение, в котором объединение не означало подчинения одному человеку.

Но именно в этот момент произошло то, чего Спартак опасался.

В помещение ворвался молодой воин из внешнего дозора. Его одежда была испачкана грязью, а на лбу виднелась кровь.

— У восточной дороги нападение! — выкрикнул он.

Все вскочили.

— Кто напал? — спросил Пелагон.

— Не знаем. Люди в римских плащах. Они остановили обоз, который направлялся сюда. Двоих убили, остальных увели.

— Обоз чей? — спросил Тир.

— Из поселения Фрагона.

Все повернулись к восточному старейшине.

Фрагон побледнел.

— Там были мои люди. Они везли зерно и подарки для совета.

— Сколько нападавших? — спросил Спартак.

— Около десяти. Они ушли в сторону леса.

Спартак уже направился к выходу, но Фрагон остановил его.

— Подожди. Почему они напали именно на мой обоз? Кто знал, что он отправится сегодня?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Взгляды присутствующих начали перемещаться с одного лица на другое.

— Все знали, — ответил Пелагон. — Мы обсуждали прибытие гостей.

— Но не все знали, по какой дороге он пойдёт, — заметил Фрагон.

В комнате повисло напряжённое молчание.

Севт приблизился к Спартаку и тихо сказал:

— Кто-то сообщил им маршрут.

— Или хочет, чтобы мы так подумали, — ответил тот.

Один из старейшин резко повернулся к Берику.

— А не слишком ли много у тебя людей общается с римлянами?

Берик побледнел.

— Ты обвиняешь меня?

— Я задаю вопрос.

— Тогда я отвечу. Я никогда не передавал римлянам сведения о нашем совете.

— А твой брат?

Берик резко поднялся.

— Мой брат совершил преступление, и я не скрывал этого. Но за его поступки не отвечаю я.

Спартак поднял руку.

— Довольно!

Голоса стихли.

— Именно этого и добиваются те, кто устроил нападение. Они хотят, чтобы мы начали обвинять друг друга прежде, чем выясним, что произошло.

— Но двое наших людей мертвы! — возразил Фрагон.

— И мы должны найти тех, кто их убил. Но не будем помогать убийцам разрушать то, ради чего собрались.

Спартак повернулся к дозорному.

— Ты видел нападавших?

— Только издалека.

— Они были в римских плащах?

— Да.

— А оружие?

— У одного я заметил короткое копьё. У другого был круглый щит.

Север посмотрел на Спартака.

— Это может быть римский отряд.

— Может быть, — ответил тот. — Но римские плащи может надеть любой.

Он распорядился отправить две группы на поиски обоза и ещё одну — проверить лесную дорогу. Старейшинам предложил пока не расходиться.

Однако атмосфера в доме уже изменилась. Люди, которые ещё час назад обсуждали союз, теперь с подозрением смотрели друг на друга.

К вечеру разведчики вернулись с первыми сведениями.

Обоз нашли в лесу. Два человека были мертвы, трое ранены. Остальных нападавшие увели, но следы указывали, что пленников было не больше четырёх.

Особенно важной оказалась находка возле дороги: обрывок ткани, на котором сохранился знак римского военного подразделения. Но один из охотников заметил странность — ткань была почти новой, а края выглядели так, словно её намеренно разорвали и оставили на месте.

— Они хотели, чтобы мы нашли этот знак, — сказал Север.

Спартак внимательно осмотрел находку.

— Значит, нападавшие знали, что мы будем искать следы.

— И знали, что здесь соберутся старейшины.

— Да.

— Тогда кто-то из них мог сообщить о совете.

Спартак ничего не ответил.

Он вернулся в дом, где старейшины продолжали спорить. Фрагон уже требовал немедленно разойтись, считая, что собрание стало опасным для всех.

— Если мы останемся здесь, завтра убьют ещё кого-нибудь, — заявил он.

— А если разойдёмся? — спросил Спартак. — Тогда каждый из нас вернётся в своё поселение и будет ждать, когда нападут уже на него.

— Я не собираюсь подвергать своих людей опасности ради чужого союза.

— А я не прошу тебя жертвовать ими. Я прошу не позволить убийцам решить за нас, кому с кем дружить.

Фрагон посмотрел на него с раздражением.

— Ты слишком уверен, что знаешь, как поступать.

— Нет, — спокойно ответил Спартак. — Я только знаю, что если мы сейчас разойдёмся, то отдадим Риму то, чего он ещё не смог взять силой.

Эти слова заставили старейшину замолчать.

После долгого обсуждения было решено продолжить совет на следующий день, но усилить охрану и никому не покидать поселение без сопровождения.

Ночью Спартак и Север обходили окрестности Орестеи. Они двигались по узкой тропе, проходившей вдоль леса. Луна скрывалась за облаками, и только редкие просветы позволяли различать камни под ногами.

— Мне не нравится эта история, — тихо сказал Север.

— Мне тоже.

— Если Варрон действительно решил сорвать совет, он будет действовать осторожнее. Значит, за нами наблюдают.

— Возможно.

— Ты всё время говоришь «возможно». Неужели у тебя нет ни одной догадки?

Спартак остановился.

— Есть. Но догадка не должна становиться обвинением.

Они прошли ещё несколько десятков шагов и заметили впереди слабый свет. Кто-то находился возле старой сторожевой башни, стоявшей на краю леса.

Севт снял с плеча лук.

Спартак жестом приказал ему подождать. Они приблизились бесшумно и увидели человека, который разговаривал с кем-то за каменной стеной.

Голос был едва слышен.

— Совет продолжится завтра. Спартак не собирается отступать.

— А старейшины?

— Между ними уже начались подозрения. Фрагон готов уйти.

— Хорошо. А список?

— У меня есть имена.

Спартак почувствовал, как напрягся Севт.

Человек у башни передал собеседнику небольшой свёрток. Тот спрятал его под одеждой и направился к лесной дороге.

Спартак сделал знак Севту.

Они бросились вперёд.

Незнакомец услышал шаги, обернулся и побежал. Севт успел настигнуть его возле поваленного дерева. Завязалась короткая борьба. Незнакомец выхватил нож, но Спартак выбил его из руки и прижал к земле.

— Кто тебя послал? — спросил он.

Человек тяжело дышал, но молчал.

Севт обыскал его одежду и достал небольшой кожаный мешочек. Внутри лежала дощечка с несколькими именами и короткая записка, написанная по-гречески.

Спартак развернул её.

Всего несколько слов:

«Пусть каждый узнает, что сосед уже продал его Риму».

Он медленно поднял глаза.

— Вот, значит, какую игру затеял Варрон.

Пленник попытался вырваться, но Севт крепче удержал его.

— Мы доставим его к старейшинам? — спросил Севт.

— Да. И свёрток тоже.

— Думаешь, там настоящие имена?

Спартак снова посмотрел на дощечку.

— Не знаю. Но завтра нам предстоит выяснить, кто из этих людей действительно предатель, а кто должен стать жертвой чужой лжи.

Вдалеке, за горами, раздался глухой раскат грома. Ночь становилась всё темнее, и над Орестеей собиралась гроза.

Спартак ещё не знал, что среди перечисленных на дощечке имён окажется человек, которому он доверял больше, чем многим другим. И что разоблачение этой тайны поставит под угрозу не только союз поселений, но и его собственное представление о верности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ИМЕНА ПРЕДАТЕЛЕЙ

Гроза разразилась незадолго до рассвета. Дождь хлестал по крышам Орестеи, стекал по каменным стенам и превращал узкие улицы в потоки грязной воды. В доме совета почти никто не спал. Появление ночного пленника изменило всё: теперь у старейшин было не только подозрение, но и вещественное доказательство того, что кто-то пытался разрушить их собрание.

Спартак сидел за столом, перед ним лежала деревянная дощечка с именами. Рядом стоял кожаный мешочек, а записка, найденная у пленника, была прижата небольшим камнем.

Севт, укрывшийся от дождя у входа, наконец нарушил молчание:

— Мы должны немедленно допросить его.

— Допросим. Но сначала я хочу понять, что именно мы держим в руках.

— Дощечку с именами.

— Нет, Севт. Мы держим список, который кто-то хотел, чтобы мы нашли. Это не одно и то же.

Севт нахмурился.

— Ты думаешь, имена поддельные?

— Некоторые могут быть настоящими. Другие могли добавить специально. Варрону не обязательно знать всех наших старейшин. Ему достаточно заставить нас подозревать друг друга.

В этот момент вошёл Дракон. Он был уже одет и, судя по всему, тоже провёл ночь без сна.

— Кто этот человек?

— Пока неизвестно. Назвался торговым помощником, но документов при нём нет.

— А что он сказал?

— Ничего.

Дракон взял дощечку и внимательно изучил надписи.

— Здесь семь имён. Три мне знакомы. Фрагон, Берик и Пелагон. Остальных я видел, но не знаю, насколько они близки к римлянам.

— Есть ещё одно, — сказал Спартак.

Он указал на последнюю строку.

Дракон прочитал её и нахмурился.

— Севт?

— Да.

Несколько мгновений все трое молчали.

— Это уже не случайность, — произнёс Дракон.

Севт подошёл к столу.

— Кто-то хочет выставить меня предателем?

— Возможно, — ответил Спартак.

— А может быть, кто-то знает больше, чем мы думаем.

Севт говорил спокойно, но в голосе чувствовалась обида.

— Я сражался рядом с тобой в Артабе. Я был с тобой, когда мы искали Молана. Я видел, как римляне убивали наших людей. И теперь моё имя лежит среди тех, кто якобы продал нас Варрону.

Спартак поднял голову.

— Я знаю, кто ты, Севт.

— Ты знаешь, кем я был до сегодняшней ночи. Но теперь другие увидят только эту дощечку.

— Тогда мы должны найти правду прежде, чем они успеют сделать свои выводы.

Пленника привели в комнату после рассвета.

Он был молод, лет двадцати пяти, с тёмными волосами и небольшим шрамом на подбородке. Его звали Ренат. Он утверждал, что родился в одном из поселений восточной долины, но последние годы жил при римском торговом посту.

Спартак предложил ему сесть.

— Кто передал тебе записку?

— Не знаю.

— Ты только что разговаривал с человеком у сторожевой башни. Кто он?

— Я не видел его лица.

— Но слышал голос.

— Да.

— Узнал бы его?

Ренат колебался.

— Возможно.

Спартак положил перед ним дощечку.

— Объясни, что означают эти имена.

Пленник посмотрел на неё и опустил глаза.

— Мне велели передать её человеку за лесом.

— Кому?

— Он должен был сам меня найти.

— А зачем?

— Сказали, что за это заплатят.

— Кто сказал?

— Человек Варрона. Его зовут Гай.

— Ты видел его?

— Несколько раз. Он приезжал к торговому посту.

— И что ты должен был сделать с дощечкой?

— Передать список тем, кто согласился помочь римлянам.

— Значит, это список предателей?

Ренат поднял голову.

— Не знаю. Мне сказали, что это список людей, которых нужно убрать из совета.

— Убрать?

— Чтобы они не смогли договориться о союзе.

Спартак переглянулся с отцом.

— А почему среди них Севт?

Ренат посмотрел на него, потом снова на дощечку.

— Не знаю. Возможно, потому, что он близок к тебе.

— А Берик?

— Его имя мне называли раньше. Гай говорил, что старейшина слишком осторожен и может помешать делу.

— А Фрагон?

— Он сам должен был получить предложение от римлян. Но, кажется, отказался.

Спартак откинулся на спинку стула.

— Ты понимаешь, что помогал людям, которые убили двоих фракийцев?

Ренат кивнул.

— Я не знал, что они нападут на обоз.

— Но знал, что готовится нападение?

— Да.

— И всё равно согласился?

Пленник опустил голову.

— Мне нужны были деньги.

Спартак долго смотрел на него.

— Сколько стоит чужая жизнь, Ренат? Один мешок серебра? Два? Или ты ещё не успел решить?

Ренат не ответил.

Спартак приказал оставить его под охраной, но обращаться с ним без жестокости. Затем позвал старейшин.

Собрание началось в середине дня.

Фрагон, Берик, Пелагон и остальные представители заняли свои места. Все уже знали о ночном задержании и ждали объяснений.

Спартак положил дощечку на стол.

— Этот список нашли у человека, который передавал сведения римлянам. Среди имён есть некоторые из присутствующих.

Фрагон поднялся.

— Значит, мои подозрения были оправданны. Кто-то из нас работает на Варрона.

— Возможно, — ответил Спартак. — Но пока мы знаем только то, что Варрон хочет, чтобы мы поверили в предательство друг друга.

Он рассказал о показаниях Рената и показал записку.

Берик внимательно изучил дощечку.

— Моё имя здесь. Значит, меня хотят убрать?

— Похоже на то.

— Или ты хочешь, чтобы мы так думали, — произнёс один из старейшин.

В комнате стало тихо.

Берик резко повернулся к говорившему.

— Ты считаешь, что я сам подложил этот список?

— Я ничего не утверждаю.

— Тогда не бросай обвинений, за которые не готов отвечать!

Спартак поднял руку.

— Послушайте. Если мы начнём судить друг друга по чужой записке, то сделаем за Варрона всю его работу. Он не должен будет посылать сюда ни одного солдата. Мы сами уничтожим то, что ещё не успели построить.

Фрагон медленно сел.

— И что ты предлагаешь?

— Продолжить совет. Но сначала выяснить, кто действительно связан с римлянами. Для этого каждому придётся отвечать на вопросы. Не только старейшинам, но и тем, кто служит при них.

— А если кто-то откажется?

— Тогда его отказ станет частью расследования, но не доказательством вины.

Дракон одобрительно посмотрел на сына.

— Так и должно быть. Человек не обязан оправдываться перед толпой, но если он хочет вести за собой других, он должен быть готов отвечать за свои поступки.

Первым вызвали Фрагона.

Он рассказал, что несколько недель назад к нему действительно приезжал римский посланник. Тот предлагал ему сохранить власть над восточными поселениями в обмен на отказ от участия в союзе.

— Я отказался, — сказал Фрагон. — Мне не нужна власть, которую мне оставляют чужие люди.

— Почему ты не рассказал об этом раньше? — спросил Тир.

— Потому что не считал нужным выносить личный разговор на общий совет.

— Но теперь твоё имя в списке.

Фрагон тяжело вздохнул.

— Теперь я понимаю, что ошибался.

Следующим был Берик. Он подтвердил, что после истории с братом к нему обращались люди Варрона. Они предлагали ему безопасность и обещали не трогать его поселение, если он убедит соседей отказаться от союза.

— Я не согласился, — произнёс он. — Но и не рассказал вам. Мне казалось, что смогу сам разобраться.

— Ты должен был сообщить нам, — сказал Спартак.

— Теперь понимаю.

— Скрытность тоже может быть опасной, даже если человек не предатель.

Берик опустил голову.

Последним вызвали Севта.

Он вошёл в комнату спокойно, но все заметили, что ему неприятно находиться перед людьми, с которыми он не раз делил опасность.

— Я не собираюсь оправдываться за то, чего не совершал, — сказал он. — Но отвечу на любые вопросы.

Один из старейшин спросил:

— Бывал ли ты в римском лагере?

— Нет.

— Встречался ли с людьми Варрона?

— Нет.

— Получал ли деньги от римлян?

Севт усмехнулся.

— Если бы получал, то, вероятно, сегодня не стоял бы здесь перед вами.

Несколько человек засмеялись, но Спартак не улыбнулся.

— Ты знаешь, кто мог передать твоё имя?

Севт задумался.

— Есть один человек. Но я не уверен.

— Кто?

— Молан.

В комнате снова стало тихо.

В тот же вечер Спартак отправился к месту, где содержались пленники. Молан сидел у стены, погружённый в свои мысли. Рядом стоял стражник.

— Я хочу поговорить с ним один, — сказал Спартак.

Стражник вышел.

Молан поднял голову.

— Ты пришёл решить мою судьбу?

— Нет. Пока я пришёл задать вопрос.

— Спрашивай.

— Ты знаешь человека по имени Гай?

Молан заметно изменился в лице.

— Да.

— Кто он?

— Помощник Варрона. Он занимался переговорами с местными жителями.

— Ты встречался с ним?

— Несколько раз.

— Ты передавал ему имена людей, которые могли поддержать меня?

Молан долго молчал.

— Да.

Спартак почувствовал, как внутри него поднимается гнев, но заставил себя говорить ровно.

— Какие имена?

— Я называл тех, кто бывал на советах. Тех, кто мог собрать воинов. Тех, кто имел влияние среди соседей.

— Севта ты тоже назвал?

Молан поднял глаза.

— Да.

— Почему?

— Варрон хотел знать, кто ближе всего к тебе. Кто может влиять на твои решения. Я сказал, что Севт твой самый верный друг.

Спартак некоторое время молчал.

— И ты не подумал, что этим подвергаешь его опасности?

— Я думал только о себе.

— Вот теперь ты сказал правду.

Молан опустил голову.

— Я не просил их убивать никого.

— Но ты помогал им выбирать тех, кого следовало запугать, схватить или устранить. Ты не можешь теперь притворяться, что не понимал, к чему это приведёт.

— Я знаю.

— Где найти Гая?

Молан назвал место неподалёку от восточного торгового поста. Он сообщил, что тот должен был прибыть туда через несколько дней, чтобы получить новые сведения.

Спартак поднялся.

— Если ты говоришь правду, это поможет нам. Но не думай, что одно признание отменит твою вину.

— Я не думаю.

— И ещё, Молан. Если ты хочешь когда-нибудь снова смотреть людям в глаза, начни с того, чтобы перестать лгать.

Поздно ночью Спартак и Севт сидели у небольшого костра за поселением.

— Значит, моё имя появилось там благодаря Молану, — сказал Севт.

— Да.

— Я должен был догадаться. Он всегда знал, с кем я разговариваю, куда хожу, о чём думаю.

— Он передавал сведения не только о тебе.

Севт бросил в огонь сухую ветку.

— Знаешь, что самое неприятное? Я не удивлён, что он предал нас. Но мне трудно понять, как человек может так спокойно продать того, с кем рос рядом.

Спартак посмотрел на друга.

— Иногда страх оказывается сильнее памяти.

— А иногда жадность сильнее совести.

— И то и другое делает человека опасным.

Севт долго молчал.

— Ты всё ещё веришь, что мы сможем объединить эти поселения?

— Да.

— Даже после всего, что произошло?

— Именно после этого. Если мы не научимся доверять друг другу, Варрону не придётся нас побеждать.

Севт поднял глаза.

— А если завтра выяснится, что предатель находится среди тех, кому ты доверяешь больше всех?

Спартак посмотрел на тёмные вершины гор.

— Тогда мне придётся признать, что я ошибался. Но я не собираюсь заранее считать предателями всех остальных.

На рассвете следующего дня Спартак собрал старейшин и сообщил, что расследование будет продолжено. Было решено отправить небольшую группу к восточному торговому посту, чтобы выяснить, кто такой Гай и какие поручения он выполняет.

Сам совет тем временем вернулся к обсуждению союза.

На этот раз разговор проходил спокойнее. Фрагон предложил установить общие сигналы тревоги. Тир поддержал идею взаимной помощи. Пелагон согласился, что каждое поселение должно иметь запас продовольствия и оружия на случай внезапного нападения.

К вечеру было принято предварительное соглашение. Оно ещё не создавало единого войска, но обязывало поселения приходить друг другу на помощь в случае нападения.

Спартак не стал требовать, чтобы его имя стояло во главе документа. Он предложил, чтобы соглашение подписали все старейшины, а порядок совместного командования определялся отдельно.

Когда люди начали расходиться, Фрагон подошёл к нему.

— Я приехал сюда, думая, что ты хочешь получить власть над нами.

— А теперь?

— Теперь думаю, что ты хочешь получить нечто гораздо более трудное.

— Что именно?

— Чтобы мы научились быть одним народом, не переставая быть разными людьми.

Спартак посмотрел на него и протянул руку.

— Возможно, это и есть самое важное.

Фрагон пожал её.

Но радость от достигнутого соглашения оказалась недолгой.

В тот же вечер гонец, отправленный к восточному торговому посту, вернулся с тревожными известиями. Гай действительно находился там, но накануне покинул пост вместе с несколькими вооружёнными людьми. По словам торговцев, он направился на юг, к римскому лагерю.

А вместе с ним исчез ещё один человек.

Человек, который знал о совете больше, чем любой из прибывших старейшин.

Его звали Эвандер.

Именно он с самого начала представлялся помощником одного из восточных старейшин, внимательно слушал разговоры и почти не произносил лишних слов.

Спартак вспомнил его спокойную улыбку и осторожные вопросы. Теперь многое становилось понятнее, но оставалось главное: Эвандер не просто собирал сведения. Он знал, где находится Спартак, кто его ближайшие друзья и какие решения собираются принять старейшины.

А значит, римляне получили возможность ударить именно туда, где новый союз был наиболее уязвим.

В ту ночь Спартак впервые подумал, что следующая встреча с Варроном может состояться не на поле боя и не за столом переговоров, а в тот момент, когда кто-то из его близких окажется перед выбором между верностью и страхом.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ТАМО, ГДЕ ЖДЁТ ВРАГ

Утро в Орестее началось с тревожных разговоров. Исчезновение Эвандера стало последней новостью, которую обсуждали и старейшины, и простые жители. Одни утверждали, что молодой человек с самого начала был римским лазутчиком. Другие считали, что его могли похитить или заставить служить Варрону. Но Спартак не торопился с выводами.

Он стоял возле дома совета, когда к нему подошёл Пелагон.

— Я должен извиниться, — произнёс старейшина.

— За что?

— За то, что привёл сюда человека, о котором ничего не знал. Эвандер назвался помощником моего восточного соседа. У него были письма, он знал имена людей, говорил убедительно. Я поверил ему.

— Ты не мог знать, что он обманывает.

— Но должен был проверить.

Спартак положил руку ему на плечо.

— Если после каждой ошибки мы будем отказываться от доверия, то однажды останемся одни. Нам нужно стать осторожнее, но не подозрительнее ко всем подряд.

Пелагон тяжело вздохнул.

— А если он уже передал Варрону всё, что услышал?

— Тогда мы должны исходить из того, что Рим знает о нашем соглашении. И готовиться к этому.

— Ты думаешь, они нападут?

— Не обязательно. Варрон понимает, что теперь любое открытое нападение может заставить остальные поселения объединиться ещё сильнее. Скорее всего, он попытается испытать наш союз на прочность.

Спартак собрал небольшой совет из Дракона, Севта, Ореста, Тира и Берика. Они расположились в доме Пелагона, где на столе лежала карта восточных дорог.

— Эвандер знал, что мы собираемся отправить людей к торговому посту, — сказал Севт. — Возможно, он предупредил Гая.

— Возможно, — согласился Спартак. — Но теперь важнее другое. Что именно он успел передать?

— Сведения о численности наших отрядов, — предположил Тир. — О дорогах, укреплениях, о старейшинах.

— И о том, кто поддерживает союз, — добавил Берик.

Дракон внимательно рассматривал карту.

— Есть ещё одна опасность. Если Варрон знает, что мы договорились о взаимной помощи, он может напасть сразу на несколько поселений. Тогда каждый отряд будет вынужден выбирать, куда идти.

— Значит, нам нужны сигналы тревоги, — сказал Спартак. — Дым днём, огонь ночью. Но не один сигнал на всё. Пусть каждый знак означает определённую опасность.

Орест кивнул.

— И люди должны знать, куда направляться.

— Верно. Кроме того, на каждой дороге нужно выставить дозорных. Не для того, чтобы воевать с каждым встречным, а чтобы вовремя замечать передвижение римлян.

Севт посмотрел на друга.

— А что будем делать с Гаем?

— Найдём его.

— А если он находится в римском лагере?

— Тогда придётся искать способ заставить Варрона вывести его оттуда.

Тир усмехнулся.

— Ты говоришь так, будто можешь приказать римлянам, кого им держать в своём лагере.

— Нет. Но у Варрона есть слабости. Он хочет знать всё о нас. Значит, однажды ему придётся отправить своего человека туда, где мы сможем его увидеть.

Дракон поднял глаза.

— Только не забывай, сын: охотник тоже может стать добычей.

В полдень Спартак решил вернуться во Фракию. Перед отъездом он попросил Пелагона собрать представителей поселений и завершить подготовку общего соглашения.

Дорога домой проходила через лесистую местность. Впереди ехали Котис и Ремет, хорошо знавшие каждую тропу. За ними следовали Спартак, Севт и Дракон с шестью воинами.

На одном из поворотов Котис остановил отряд.

— Следы, — сказал он, спешившись.

На влажной земле виднелись отпечатки копыт и сапог. Судя по глубине следов, здесь недавно прошли несколько всадников и не менее десяти пеших людей.

Ремет присел рядом.

— Шли на восток. Но один всадник отделился и повернул к северной дороге.

— Давно? — спросил Спартак.

— Часа два назад. Может быть, немного больше.

Севт осмотрел деревья.

— Это римляне?

— Не знаю, — ответил Котис. — Но один след оставлен сапогом с металлической подковкой. Такую обувь носят некоторые римские солдаты.

Спартак задумался.

— Не будем идти за ними всем отрядом. Котис и Ремет проверят северную тропу. Остальные продолжат путь, но с удвоенной осторожностью.

Дракон посмотрел на сына.

— Ты не боишься попасть в засаду?

— Боюсь. Поэтому и не собираюсь отдавать противнику весь отряд.

Они двинулись дальше.

Когда Спартак вернулся домой, Мирта встретила его у ворот. Она заметно обрадовалась, но сразу же спросила:

— Ты надолго?

— Пока не знаю.

— Значит, опять что-то случилось.

Он рассказал ей об исчезновении Эвандера и о нападении на обоз.

Мирта слушала молча.

— Ты ведь понимаешь, что Варрон не остановится? — наконец произнесла она.

— Понимаю.

— И что однажды он может ударить по тебе самому?

— Понимаю и это.

Она отвернулась к саду.

— Я не прошу тебя отказаться от всего. Я знаю, что ты не сможешь. Но мне хочется, чтобы ты хотя бы иногда думал о том, что будет после этой борьбы.

— А что ты видишь после неё?

Мирта повернулась к нему.

— Дом. Тебя. Детей, которые будут бегать по двору и спорить из-за игрушек. Обычные дни, когда никто не будет ждать у ворот гонца с плохими новостями.

Спартак улыбнулся.

— Ты умеешь говорить о будущем так, будто оно уже существует.

— Потому что иначе я не смогла бы ждать.

Он обнял её.

— Я тоже хочу этого, Мирта.

Она прижалась к нему, но в её глазах оставалась тревога. Она чувствовала, что любимый человек постепенно становится частью событий, которые уже не сможет контролировать один человеческий выбор.

Тем временем в римском лагере Эвандер предстал перед Варроном.

Молодой человек был измучен дорогой, но держался уверенно. Он передал сведения о совете, о новом соглашении и о людях, которые поддерживали Спартака.

Варрон внимательно изучил записи.

— Значит, они всё-таки договорились.

— Да, господин.

— И кто возражал?

— Фрагон сначала был против, но потом согласился. Берик поддержал соглашение. Пелагон тоже. Спартак не требует для себя особой власти.

Варрон усмехнулся.

— Вот это мне и не нравится.

Эвандер поднял глаза.

— Почему?

— Потому что человек, который требует власти, обычно имеет противников. А тот, кто отказывается от неё, может получить гораздо больше доверия.

Он подошёл к карте.

— Спартак начинает понимать политику. Значит, теперь мы должны показать ему, что союз — это не только обещание взаимной помощи, но и ответственность за чужие ошибки.

— Что вы намерены сделать?

— Пока ничего. Пусть они сами начнут строить свою новую жизнь. Мы только немного поможем им увидеть, насколько трудно это сделать.

Варрон повернулся к молодому человеку.

— Ты хорошо выполнил поручение. Но у меня есть для тебя ещё одно дело.

— Какое?

— Ты вернёшься к ним.

Эвандер удивился.

— Но они знают, что я исчез.

— Они знают только, что ты уехал. Ты можешь сказать, что испугался, что тебя заставили помогать римлянам, что теперь ты хочешь исправить свою ошибку.

— А если они не поверят?

Варрон улыбнулся.

— Тогда придётся сделать так, чтобы поверили.

Через два дня в поселение Спартака пришёл незнакомец.

Он был ранен, одежда его покрылась дорожной пылью. Увидев стражу, он поднял руки.

— Мне нужно поговорить со Спартаком.

Его отвели к дому, где находился молодой фракиец.

Незнакомец назвался Тарисом. Он сообщил, что служил проводником при римском торговом посту и теперь хочет рассказать о планах Варрона.

— Почему ты пришёл именно ко мне? — спросил Спартак.

— Потому что видел, что ты сделал в Артабе. Ты не убивал пленных, не позволил своим людям грабить римлян и вернул наших из плена.

— И что же ты хочешь взамен?

— Ничего. Я хочу, чтобы римляне ушли.

Спартак внимательно посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь о планах Варрона?

— Я слышал разговоры его офицеров. Они собираются напасть на одно из восточных поселений. Но не сразу. Сначала хотят подослать туда людей, которые устроят ссору между жителями и союзниками.

— Какое поселение?

— Название мне неизвестно. Но я знаю, что нападение должно произойти после того, как туда прибудет обоз с зерном.

Спартак переглянулся с Севтом.

— Ты понимаешь, что это очень серьёзное обвинение?

— Понимаю.

— И готов повторить свои слова перед старейшинами?

Тарис кивнул.

— Да.

Спартак распорядился дать ему еду, воду и место для отдыха. Но когда незнакомца увели, Севт подошёл к другу.

— Ты ему веришь?

— Пока нет.

— Но ты собираешься использовать его сведения?

— Я собираюсь проверить их.

Севт усмехнулся.

— Вот теперь ты действительно начинаешь думать как Варрон.

Спартак покачал головой.

— Нет, Севт. Я просто не хочу больше принимать чужие слова за правду, пока не увижу доказательств.

Ночью Спартак долго не мог заснуть.

Он вышел во двор и остановился возле старого дерева. Ветер шелестел листьями, где-то вдалеке перекликались ночные птицы.

Ему вспомнился разговор с матерью, слова отца, обещание Мирте. Он думал о людях, которые ждали от него решений, и о тех, кто уже заплатил за его первые победы собственной кровью.

Впервые он ясно почувствовал, что опасность заключается не только в силе Рима. Она была ещё и в том, что каждый новый шаг втягивал в борьбу всё больше людей, которым хотелось простой жизни.

Из дома вышла Мирта.

— Ты опять не спишь?

— Не получается.

Она подошла к нему.

— О чём думаешь?

— О том, сколько людей могут погибнуть из-за решения, которое приму я.

Мирта некоторое время молчала.

— Ты не можешь отвечать за всё, что делают другие люди.

— Но если я поведу их за собой, то не смогу притворяться, будто их судьбы меня не касаются.

Она взяла его за руку.

— Тогда помни ещё одну вещь. Ты не обязан быть бесстрашным, чтобы люди могли тебе доверять. Им гораздо важнее знать, что ты не бросишь их ради собственной славы.

Спартак посмотрел на неё.

— Я не хочу славы.

— Знаю. Но иногда она сама находит человека, который её не ищет.

Они долго стояли рядом, пока над горами не начали бледнеть первые звёзды.

А далеко на востоке, в римском лагере, Варрон уже получил известие о том, что к Спартаку прибыл новый человек с важными сведениями. Он выслушал доклад и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, Тарис добрался.

Офицер удивлённо посмотрел на него.

— Вы знали, что он отправится к фракийцам?

— Конечно. Я сам приказал ему это сделать.

— А если Спартак раскроет обман?

Варрон подошёл к карте и указал на восточное поселение.

— Тогда он потеряет время. А если поверит — сделает всё, что нам нужно.

Он обернулся к офицеру.

— Иногда, чтобы заставить человека идти по нужной дороге, не нужно его толкать. Достаточно поставить впереди того, кому он захочет поверить.

И в этот момент Спартак ещё не знал, что человек, которого он собирался проверить, уже был частью ловушки, подготовленной специально для него.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЛОВУШКА В ТУМАНЕ

Рассвет выдался холодным и сырым. Ночью над долиной прошёл дождь, и теперь низкие облака цеплялись за вершины гор, скрывая дальние склоны. Вода стекала по камням, наполняла ручьи, а узкие тропы превратились в скользкие полосы грязи.

Спартак стоял у входа в своё жилище и смотрел на север. Слова Тариса не давали ему покоя. Если римляне действительно собирались напасть на восточное поселение, промедление могло стоить людям жизни. Но и поспешность была опасна. За последние недели он слишком хорошо узнал, насколько умело Варрон обращался с человеческим страхом, жадностью и доверием.

— Ты опять не спал? — спросил Дракон, выходя из дома.

— Немного.

Отец остановился рядом.

— Значит, пришло время решить, чему верить.

— Я верю, что Тарис знает римский лагерь. Но пока не знаю, зачем он пришёл к нам.

Дракон внимательно посмотрел на сына.

— Это уже разумнее, чем поверить ему или отвергнуть его слова только потому, что они тебе неприятны.

Спартак улыбнулся.

— Ты всегда находишь способ сказать то же самое, что я думаю, но другими словами.

— Потому что я старше. Мне приходится тратить больше слов, чтобы молодые люди наконец услышали простую мысль.

Оба негромко рассмеялись. Но улыбка быстро исчезла с лица Спартака.

— Я отправлю Котиса и Ремета к восточной дороге. Пусть проверят, был ли там римский обоз. Севт поговорит с людьми Фрагона. Если предупреждение Тариса правдиво, кто-нибудь должен был заметить приготовления.

— А сам?

— Я останусь здесь, пока не получу сведения. Не хочу вести людей туда, куда меня зовёт неизвестный человек.

Дракон одобрительно кивнул.

— Вот теперь ты начинаешь понимать цену командования. Вождь отвечает не только за тех, кто идёт за ним, но и за тех, кого он решил не подвергать опасности.

Вскоре Спартак собрал небольшой совет. Присутствовали Севт, Орест, Берик и Тир. Тариса привели отдельно и оставили под присмотром двух воинов.

— Я рассказал вам всё, что знаю, — произнёс он, когда Спартак пригласил его к огню. — Римляне собираются ударить по восточному поселению. Обоз с зерном должен пройти через нижнюю дорогу. Они хотят захватить его и использовать людей как заложников.

— Когда это должно произойти? — спросил Спартак.

— В ближайшие два дня.

— Сколько воинов?

— Не меньше шестидесяти. Возможно, больше.

— Кто командует?

Тарис помедлил.

— Человек по имени Гай.

Север резко повернулся к Спартаку.

— Гай?

— Ты знаешь его? — спросил Орест.

— Мы уже слышали это имя. Молан говорил, что именно Гай собирал сведения о наших людях и передавал поручения Варрона.

Спартак снова посмотрел на Тариса.

— Ты видел его?

— Да. Несколько раз. Он не любит показываться перед простыми солдатами, но в лагере его знают.

— Как выглядит?

Тарис описал невысокого мужчину с узким лицом, тёмной бородой и заметным шрамом возле левого уха.

Север нахмурился.

— Молан говорил о таком человеке. Но мы не знаем, действительно ли это один и тот же Гай.

— Поэтому и проверим, — ответил Спартак.

Он обратился к Тарису:

— Ты утверждаешь, что знаешь дорогу, по которой должен пройти обоз?

— Знаю.

— Нарисуешь её на земле.

Тарис присел и палочкой начертил несколько линий. Он обозначил реку, лесистый склон, старую каменную дорогу и место, где, по его словам, римляне собирались устроить засаду.

Спартак долго рассматривал рисунок.

— Здесь ты ошибся.

Тарис поднял голову.

— В чём?

— Ты провёл дорогу через старую переправу. Но после осенних дождей она почти непроходима. Даже наши повозки там не проходят.

— Возможно, римляне знают другой путь.

— Возможно. Но ты сказал, что лично видел приготовления. Значит, должен был знать, что эта переправа непригодна.

На лице Тариса мелькнуло раздражение, однако он быстро овладел собой.

— Я не утверждал, что знаю каждый камень на этой дороге.

— Конечно, — спокойно ответил Спартак. — Но я хочу знать, где заканчиваются твои сведения и начинаются предположения.

После совета Спартак приказал Котису и Ремету отправиться к восточной дороге. Они должны были проверить не только следы обоза, но и состояние переправы, а также выяснить, появлялись ли там римские разведчики.

Север тем временем отправился к Фрагону.

Тариса оставили в поселении. Ему разрешили свободно передвигаться в пределах нескольких домов, но сопровождение не снимали.

Когда Спартак остался с отцом, он рассказал ему о рисунке.

— Ты думаешь, он лжёт?

— Думаю, что он не рассказал всего. Возможно, действительно видел римские приготовления. Но почему ошибся в дороге? Может быть, хотел направить нас к переправе.

Дракон задумался.

— А если это ловушка?

— Тогда она должна быть рассчитана на то, что мы поспешим. Варрон знает, что мы не оставим восточных людей без помощи.

— И что ты собираешься делать?

Спартак посмотрел на горы.

— Узнать, чего именно ждёт от нас Варрон.

В римском лагере Варрон принимал донесения у себя в шатре. На столе лежала карта местности, придавленная по углам небольшими камнями.

Гай стоял напротив него.

— Тарис передал сведения? — спросил Варрон.

— Да. Он рассказал Спартаку о нападении на восточное поселение.

— И тот поверил?

— Не сразу. Он отправил разведчиков.

Варрон усмехнулся.

— Значит, наш молодой фракиец всё-таки учится.

— Тарис допустил небольшую ошибку в описании переправы. Спартак это заметил.

— Хорошо.

Гай удивлённо взглянул на него.

— Хорошо, господин?

— Разумеется. Если бы Тарис знал всё безупречно, это было бы подозрительнее. Теперь Спартак будет проверять его слова. А пока он проверяет, мы получим время.

Варрон подошёл к карте и провёл пальцем вдоль восточной дороги.

— Нам не обязательно захватывать поселение. Достаточно заставить Спартака собрать людей и направить их сюда.

— А затем?

— Затем он обнаружит, что врага нет. Но за время его отсутствия мы займём другую позицию.

— Какую именно?

Варрон указал на узкое ущелье к северу от Орестеи.

— Здесь проходит дорога, соединяющая несколько поселений. Если мы установим там укреплённый пост, союз фракийцев окажется разорванным на две части. Они будут вынуждены либо атаковать нас, либо отказаться от свободного сообщения между собой.

Гай внимательно изучил карту.

— Это опасное место. Спартак может успеть собрать достаточно людей.

— Поэтому мы должны действовать раньше, чем он поймёт настоящий замысел.

Варрон помолчал и добавил:

— А Тарис пусть продолжает играть свою роль. Если Спартак ему не поверит, тот должен найти другой способ приблизиться к нему.

К полудню Котис и Ремет вернулись.

Их лица были серьёзными.

— На восточной дороге действительно есть следы, — сообщил Котис. — Несколько повозок прошли там недавно. Но следы ведут не к поселению, а в сторону старой каменоломни.

— Римские? — спросил Спартак.

— Похоже. Мы нашли остатки костра и следы большого отряда. Но никаких признаков подготовки к нападению на обоз нет.

— А переправа?

Ремет покачал головой.

— Тарис не ошибся в одном: дорога там существует. Но после дождей она непригодна для повозок. Пехота пройти может, хотя и с трудом.

Спартак задумался.

— Сколько людей прошло?

— Трудно сказать. Не меньше двадцати, возможно, больше.

— И куда они направились?

— К северному ущелью.

Спартак резко поднял голову.

Он подошёл к карте, которую оставил на столе Орест, и долго изучал знакомые места.

— Значит, Тарис сообщил нам об одном направлении, а римляне двигаются по другому.

— Ты думаешь, он специально отвёл наше внимание? — спросил Котис.

— Пока не знаю. Но теперь мы должны проверить ущелье.

В этот момент в помещение вошёл Севт. Он вернулся от Фрагона и, услышав последние слова, сразу спросил:

— Что произошло?

Спартак рассказал ему о найденных следах.

Севт выслушал и произнёс:

— Фрагон тоже получил тревожные сведения. Двое пастухов видели римских солдат у северной дороги. Они не приближались к поселению, но внимательно осматривали склоны.

— Значит, Варрон готовит что-то там.

— Возможно, хочет ударить по дороге, пока мы будем искать несуществующий обоз.

Спартак посмотрел на Тариса, которого привели в помещение по его приказу.

— Ты говорил, что римляне собираются напасть на восточное поселение. Но следы их отряда ведут к северному ущелью. Объясни.

Тарис побледнел.

— Я передал то, что слышал.

— От кого?

— От одного римского солдата.

— Имя?

— Не знаю.

— Где ты его встретил?

Тарис не ответил сразу.

Спартак подошёл ближе.

— Ты хочешь, чтобы мы поверили тебе. Но пока каждое новое сведение заставляет нас задавать всё больше вопросов.

— Я рисковал жизнью, чтобы прийти сюда!

— Возможно. Но риск сам по себе ещё не доказывает правду.

Тарис опустил глаза.

— Я не могу сказать больше.

— Тогда пока останешься здесь.

Спартак приказал вернуть его под охрану, а затем обратился к Севту:

— Собери двадцать лучших воинов. Мы пойдём к ущелью, но не станем входить туда, пока не осмотрим высоты.

— А если римляне уже заняли проход?

— Тогда мы узнаем, сколько их и чего они хотят. Но не позволим им выбрать место и время нашей гибели.

К вечеру небольшой отряд достиг северных склонов. Солнце уже клонилось к горам, и тени от деревьев вытянулись вдоль каменистой дороги.

Спартак остановил людей перед узким участком ущелья.

— Котис, возьми троих и поднимись по западному склону. Ремет, с тобой ещё трое — осмотрите восточную сторону. Не вступайте в бой. Если увидите римлян, возвращайтесь.

Сам он остался с Севтом и остальными воинами.

Они ждали почти час.

Наконец со стороны западного склона показался Котис. Он спускался быстро, но старался не производить шума.

— Наверху римляне, — сообщил он. — Около тридцати человек. Они рубят кустарник и готовят заграждение.

— А с другой стороны?

— Ремет ещё не вернулся.

Спартак посмотрел на ущелье. Теперь становилось ясно: римляне действительно намеревались занять проход. Но их было недостаточно для крупного наступления. Скорее всего, это был передовой отряд, которому предстояло удерживать дорогу до прибытия подкрепления.

— Они знают, что мы здесь? — спросил Севт.

— Пока нет, — ответил Котис.

Внезапно со стороны восточного склона раздался короткий свист. Через несколько мгновений появился Ремет. Он был ранен в руку, но шёл самостоятельно.

— Там ещё один отряд, — выдохнул он. — Больше сорока человек. Они заняли высоту и ждут.

Спартак медленно повернулся к Севту.

— Значит, Варрон не просто хочет перекрыть дорогу. Он собирается заманить сюда тех, кто попытается её освободить.

— И если мы войдём в ущелье, окажемся между двумя отрядами, — закончил Севт.

Спартак посмотрел на своих людей. Все понимали, что произошло. Римляне рассчитывали на их поспешность, но вместо этого получили разведчиков, которые обнаружили засаду прежде, чем она захлопнулась.

— Мы не будем атаковать, — сказал он. — Отходим к лесу. Нужно сообщить старейшинам, что северная дорога под угрозой.

— А Тарис? — спросил Севт.

Спартак на мгновение задумался.

— Теперь я хочу знать не только то, кто его послал. Я хочу понять, зачем Варрон так настойчиво старается, чтобы мы поверили именно ему.

Когда отряд уходил с горного склона, Спартак ещё раз оглянулся на ущелье. Внизу, среди вечернего тумана, уже зажигались костры римлян. Они пришли не за зерном и не за скотом. Они пришли за дорогой, которая связывала фракийцев друг с другом.

И впервые Спартак понял, что Варрон готовит против них не очередной набег, а нечто гораздо более опасное: войну за саму возможность оставаться единым народом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ДОРОГА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ОТДАТЬ

Возвращение из северного ущелья заняло почти всю ночь. Раненого Ремета поддерживали под руки, остальные шли молча, внимательно прислушиваясь к каждому шороху в лесу. Спартак двигался впереди. Он понимал, что обнаруженная засада была лишь частью замысла Варрона. Римляне не стали бы посылать столько людей ради одной дороги, если бы не рассчитывали получить от этого что-то большее.

Уже на рассвете отряд достиг Орестеи.

Старейшина Орест не спал. Узнав о возвращении Спартака, он немедленно собрал совет. Вскоре в доме старейшин появились Севт, Дракон, Берик, Тир и прибывший из восточной долины Фрагон.

Ремета уложили возле очага. Аурелия, узнав о его ранении, принесла воду и чистую ткань, а затем вместе с другими женщинами занялась перевязкой.

— Сколько их? — спросил Фрагон.

— На западной высоте около тридцати, на восточной — не меньше сорока, — ответил Спартак. — Возможно, это только передовые отряды.

— Значит, Варрон решил перекрыть дорогу, — произнёс Берик.

— Не просто перекрыть, — возразил Спартак. — Он хочет, чтобы мы попытались выбить его людей из ущелья. Там нас встретят с двух сторон. Если мы потеряем там несколько десятков воинов, остальные поселения останутся без защиты.

Тир нахмурился.

— Но если мы ничего не предпримем, римляне укрепятся и будут распоряжаться нашими дорогами.

— Поэтому бездействовать мы тоже не можем.

Орест провёл рукой по седой бороде.

— Какой выход ты предлагаешь?

Спартак подошёл к столу, на котором лежала карта долины.

— Ущелье слишком узкое для большого сражения. Но римлянам придётся доставлять туда продовольствие, оружие и людей. Их передовые отряды не смогут долго держаться без подкрепления. Мы должны перекрыть дороги, которыми они пользуются, и лишить их возможности спокойно снабжать лагерь.

— Ты предлагаешь окружить их? — спросил Фрагон.

— Нет. Пока у нас недостаточно людей для настоящего окружения. Я предлагаю сделать их пребывание там трудным и опасным. Не нападать на укрепления, а контролировать подступы, наблюдать за передвижением и не позволять им расширять занятую территорию.

Дракон внимательно слушал сына.

— А если Варрон пошлёт подкрепление?

— Тогда мы должны знать об этом раньше, чем оно достигнет ущелья.

Севт поддержал его:

— У нас есть охотники, которые знают каждую тропу. Если старейшины выделят людей, мы сможем установить наблюдение на нескольких высотах.

— А восточное поселение? — спросил Фрагон. — Если римляне действительно собирались напасть на него?

Спартак посмотрел на него.

— Мы не должны забывать о нём. Но теперь я уверен, что рассказ о нападении на восточную долину был нужен Варрону, чтобы отвлечь нас от северного прохода. Пусть Фрагон укрепит дозоры, но не станет собирать все силы в одном месте.

— Согласен, — сказал старейшина.

Решение приняли быстро. Каждое поселение должно было выставить наблюдателей и подготовить небольшой отряд, способный прийти на помощь соседям. Старейшины договорились также отправлять друг другу гонцов при любом появлении римских подразделений.

Это было уже не просто обещание взаимной поддержки. Союз начинал приобретать реальные очертания.

После совета Спартак отправился домой. Мирта встретила его у дверей. Она заметила усталость на его лице и сразу поняла, что ночь была тяжёлой.

— Ты снова был там, где стреляют стрелы и свистят копья?

— На этот раз до стрел не дошло.

— Но ты всё равно мог не вернуться.

Спартак снял плащ и сел возле очага.

— Мирта, если римляне займут северную дорогу, они смогут разъединить наши поселения. Тогда каждое из них окажется перед врагом в одиночестве.

— Я понимаю.

— Нет, ты не должна думать, что я забыл о нас. Я помню каждый наш разговор. Помню, как ты говорила о доме, о детях, о будущем.

Она села рядом.

— Иногда мне кажется, что ты говоришь об этом только для того, чтобы я меньше боялась.

— Я не умею обещать то, чего не могу исполнить. Но я действительно хочу этой жизни.

Мирта положила голову ему на плечо.

— Тогда постарайся вернуться к ней, Спартак. Не превращайся в человека, который умеет только воевать.

Он обнял её и долго молчал.

За окном постепенно светлело. В соседнем доме просыпались дети, кто-то выводил скот на пастбище, у колодца разговаривали женщины. Обычная жизнь продолжалась, и именно ради неё Спартак был готов рисковать собственной.

В римском лагере Варрон выслушал донесение Гая с заметным неудовольствием.

— Он не вошёл в ущелье?

— Нет, господин. Спартак обнаружил оба отряда и отступил.

— Значит, он не только умеет сражаться, но и умеет отказаться от сражения.

— Он организует наблюдение на дорогах. Скорее всего, попытается нарушить снабжение наших людей.

Варрон подошёл к карте.

— Тогда мы должны изменить расчёт. Удерживать ущелье можно, но это не даст нам полного контроля над долиной. Нужно заставить старейшин усомниться в Спартаке.

— Каким образом?

— Через их собственные интересы. Каждый из них хочет сохранить своё поселение, своё имущество и своё влияние. Пока опасность касается всех, они держатся вместе. Но стоит одному решить, что ради него остальные готовы пожертвовать меньшим, союз начнёт трещать.

Гай задумался.

— У нас есть люди в нескольких поселениях.

— Тогда пора использовать их не для простого сбора сведений. Пусть каждый получит то, что давно хотел получить. Одному предложите защиту, другому — торговые привилегии, третьему — возвращение захваченного имущества.

— А Спартак?

Варрон усмехнулся.

— Спартак должен узнать, что его союзники ведут переговоры с Римом. Неважно, насколько далеко они зайдут. Важно, чтобы он начал подозревать их.

— Это может вызвать раскол.

— Именно.

Варрон указал на имя Фрагона.

— Начнём с него. Он до сих пор не уверен, что союз принесёт ему больше пользы, чем опасности.

Через два дня в восточную долину прибыл небольшой римский торговый обоз. Его сопровождали несколько солдат и человек в дорогом плаще, представившийся Марком Северием, представителем римского наместника.

Он попросил о встрече с Фрагоном.

Старейшина принял его в доме совета. Разговор проходил без свидетелей, хотя у входа стояли двое вооружённых фракийцев.

— Мы знаем, что ваше поселение не желает войны, — начал римлянин. — И готовы уважать это желание.

Фрагон холодно посмотрел на него.

— Когда римляне приходят с оружием, они всегда говорят о мире.

— Возможно, потому, что мир выгоден всем.

— Тогда почему ваши солдаты занимают наши дороги?

Северий развёл руками.

— Это военная необходимость. Рим не может оставлять без защиты свои владения.

— Мы не ваши владения.

Римлянин выдержал паузу.

— Именно поэтому я и приехал к вам отдельно. Нам известно, что Спартак собирает вокруг себя старейшин. Но разве он может гарантировать безопасность каждого поселения? Он молод, неопытен и уже заставил многих людей подвергнуть свои семьи опасности.

Фрагон не ответил.

— Рим предлагает вам другое решение, — продолжал Северий. — Ваше поселение не будет подвергаться нападениям. Вы сохраните торговлю, имущество и внутренние порядки. Взамен вам достаточно не участвовать в военных действиях против Рима.

— А если Спартак попросит нас о помощи?

— Это уже будет ваше решение.

Северий положил на стол небольшой кожаный мешочек.

— Здесь деньги. Не плата за предательство, как вы, вероятно, скажете. Это знак доброй воли.

Фрагон посмотрел на мешочек, но не прикоснулся к нему.

— Заберите это.

— Вы даже не хотите подумать?

— Я слишком долго живу, чтобы не понимать, что именно вы покупаете.

Римлянин убрал деньги.

— Подумайте ещё раз, старейшина. Иногда мудрость заключается не в том, чтобы идти за человеком, который обещает свободу, а в том, чтобы сохранить собственный дом.

После его ухода Фрагон долго сидел неподвижно. Предложение действительно было соблазнительным. Он отвечал за людей, которые не хотели погибать в чужой войне. И всё же он понимал: если сегодня он откажется помочь соседям, завтра никто не придёт на помощь ему.

Вечером к Спартаку прибыл гонец из восточной долины.

— Фрагон просит тебя приехать. Сегодня к нему приходил римский посланник.

Спартак выслушал сообщение и сразу посмотрел на Севта.

— Началось.

— Что именно?

— Варрон понял, что силой не может быстро разрушить наш союз. Теперь он будет предлагать каждому спасение по отдельности.

Дракон, стоявший рядом, сказал:

— Не торопись обвинять Фрагона. Выслушай его самого.

— Я не собираюсь его обвинять.

Спартак надел плащ и позвал двух воинов.

— Поедем сейчас.

Фрагон встретил его у входа в дом. На столе перед старейшиной лежал тот самый мешочек с деньгами.

— Они предлагают нам мир, — сказал Фрагон.

— А остальным?

— Остальные их не интересуют. Пока.

Спартак взял мешочек, взвесил его в руке и положил обратно.

— Что ты ответил?

— Отказал.

— Тогда почему ты позвал меня?

Фрагон поднял на него усталые глаза.

— Потому что впервые за долгое время я испугался не римлян, а собственного решения. Я старейшина. Если завтра мои люди начнут погибать, они спросят, почему я не принял предложение, которое могло сохранить им жизнь.

Спартак сел напротив него.

— И ты будешь обязан им ответить. Но скажи мне, Фрагон: если ты примешь это предложение, что произойдёт с людьми в соседних поселениях? Когда римляне укрепятся здесь, они придут к ним. Потом к другим. И однажды ты останешься один перед теми, кому сегодня помог открыть дорогу.

Фрагон опустил голову.

— Я знаю.

— Я не могу обещать тебе победу. Не могу обещать, что никто не погибнет. Но могу обещать, что мы не оставим друг друга без помощи.

Старейшина долго смотрел на него, словно пытался разглядеть в молодом воине не только будущего вождя, но и человека, которому можно доверить судьбу собственного народа.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Да.

— Тогда я останусь в союзе. Но теперь ты должен помнить: люди идут за тобой не потому, что ты сильнее всех. Они идут, потому что надеются, что ты не станешь распоряжаться их жизнями, как римляне распоряжаются своими рабами.

Спартак медленно кивнул.

Он не сразу нашёл ответ. Возможно, потому, что впервые услышал от старейшины не просьбу о защите и не слова поддержки, а предупреждение о той ответственности, которая могла оказаться тяжелее любого сражения.

Когда Спартак вышел из дома Фрагона, над восточными горами уже поднималась луна. Впереди лежала дорога к Орестее, где его ждали другие старейшины, новые решения и, вероятно, новые испытания.

А в римском лагере Варрон уже получил известие: Фрагон отказался от предложения.

Он выслушал гонца, не проявив ни удивления, ни гнева.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Значит, теперь мы узнаем, насколько крепка верность тех, кто пока ещё называет себя союзниками Спартака.

И приказал Гаю подготовить следующий ход — такой, после которого фракийцам придётся выбирать между спасением собственных близких и общей борьбой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЗАЛОЖНИКИ ЧУЖОЙ ВОЛИ

Весть о предложении римлян Фрагону быстро разошлась по окрестным поселениям. Одни одобряли старейшину за отказ, другие считали, что он подверг опасности собственных людей. Спартак понимал обе стороны. Нельзя было требовать от каждого одинакового мужества, не принимая во внимание, что у каждого за спиной стояли семья, дом и дети.

Но Варрон не собирался ждать, пока фракийцы окончательно договорятся между собой.

На следующий день в Орестею прибыл гонец из Артаба. Он был без плаща, запылённый, с рассечённой бровью. Его появление вызвало тревогу ещё до того, как он успел произнести первые слова.

— Римляне захватили людей, — сообщил он, едва отдышавшись. — Вчера вечером у южной дороги. Они остановили повозки, забрали четверых мужчин и увели их к своему посту.

— Кто эти люди? — спросил Тир.

— Мой брат, двое кузнецов и сын старейшины.

Тир поднялся.

— Они были вооружены?

— Нет. Везли железо и инструменты на обмен.

— Кто командовал римлянами?

— Я не знаю. Но один из солдат сказал, что пленных отправят в лагерь Варрона.

Спартак переглянулся с Севтом.

— Они потребовали выкуп?

— Пока нет. Но оставили сообщение: если фракийцы продолжат помогать Спартаку, пленные будут отправлены на юг.

В доме повисла тишина.

— Это уже не обычный набег, — сказал Орест. — Они берут наших людей, чтобы заставить нас отказаться от союза.

— Именно этого Варрон и добивается, — ответил Спартак.

Берик сжал кулаки.

— Значит, нужно собрать всех воинов и ударить по римскому посту.

— И позволить им использовать пленников как щит? — спросил Спартак.

— А что ты предлагаешь? Ждать, пока их уведут?

— Нет. Но мы должны знать, где они находятся и сколько там охраны. Если бросимся на лагерь вслепую, погибнут и пленные, и наши люди.

Тир посмотрел на Спартака.

— Среди захваченных мой племянник. Ему всего двадцать лет. Я не могу сидеть здесь и рассуждать о военной осторожности.

Спартак подошёл к нему.

— Я понимаю. И обещаю, что мы сделаем всё возможное, чтобы вернуть их. Но не станем отдавать Варрону ещё больше жизней.

К вечеру Спартак и Севт отправились к южной дороге. Вместе с ними шли Котис и Ремет, уже оправившийся от ранения. Они двигались по лесной тропе, избегая открытых мест.

У старой каменоломни обнаружили следы лагеря. Несколько кострищ, отпечатки тяжёлых сандалий, обломки деревянных ящиков. Рядом лежала сломанная рукоять повозки.

Котис присел и провёл пальцами по земле.

— Здесь стояли недавно. Не больше суток назад.

— Сколько людей? — спросил Севт.

— Трудно сказать. Но отряд был немаленький.

Ремет указал на узкую тропу, уходившую к реке.

— А вот здесь следы нескольких человек. Их вели пешком.

Спартак внимательно осмотрел землю. На влажной почве сохранились отпечатки босых ступней и следы обуви конвоиров.

— Значит, пленники прошли здесь.

Они двинулись дальше и вскоре увидели внизу небольшой римский пост. Он располагался возле старого каменного моста. Несколько солдат стояли у ворот, ещё двое обходили ограду. За частоколом виднелись палатки.

— Это не главный лагерь Варрона, — тихо произнёс Севт.

— Нет. Здесь держат пленных до отправки.

— Нападём ночью?

Спартак долго наблюдал за постом.

— Пока нет. Нам нужно знать, где находятся пленники и как устроена охрана.

Вскоре из одной палатки вывели человека со связанными руками. Он шёл медленно, опираясь на плечо другого пленника. Спартак узнал его.

— Это сын Тира, — прошептал он.

Юноша был бледен, на лице виднелся синяк. Римский солдат толкнул его в спину, заставляя быстрее идти к колодцу.

Севт схватил Спартака за руку.

— Не сейчас.

Спартак не ответил. Он продолжал смотреть на пленников, и в его глазах появилось то выражение, которое Севт уже знал: решение было принято, хотя способ его исполнения ещё предстояло найти.

В римском лагере Варрон беседовал с Гаем.

— Пленные доставлены?

— Да. Четверо находятся на южном посту. Их охраняют двенадцать человек.

— Хорошо. Передай Тиру, что его племянник может вернуться домой, если Артаб перестанет поставлять людей Спартаку.

— А если он откажется?

— Тогда отправим пленников дальше. Пусть родственники сами объяснят своим старейшинам, почему их близкие страдают.

Гай усмехнулся.

— Вы рассчитываете, что Спартак попытается освободить их?

— Конечно. Он не оставит своих людей. Но если он нападёт, мы получим возможность уничтожить часть его воинов. Если не нападёт — старейшины начнут сомневаться в его обещаниях.

— А если он найдёт другой способ?

Варрон посмотрел на него.

— Тогда придётся признать, что мы имеем дело не с обычным горным вождём.

Гай положил на стол небольшую табличку.

— Есть ещё одна новость. Эвандер вернулся в Орестею.

— И?

— Его приняли настороженно, но он сумел убедить нескольких людей, что хочет искупить прежнюю вину. Говорит, что готов помогать Спартаку.

— Прекрасно.

— Но Спартак ему не доверяет.

Варрон улыбнулся.

— Доверие не всегда нужно получать сразу. Иногда достаточно, чтобы человек просто находился рядом и ждал подходящего момента.

На следующий день в Орестее собрались старейшины. Спартак рассказал им о расположении южного поста и о том, что видел пленников.

Тир слушал молча. Когда рассказ закончился, он поднялся.

— Я прошу разрешения собрать своих людей. Если никто не хочет идти со мной, я пойду один.

— Ты не пойдёшь один, — сказал Берик.

— И я не оставлю тебя, — добавил Фрагон.

Спартак поднял руку.

— Мы пойдём вместе, но не станем атаковать пост открыто. Сначала нужно выяснить, когда римляне собираются отправить пленников дальше.

— Откуда мы это узнаем? — спросил Орест.

— У нас есть человек, который знает римский лагерь.

Все посмотрели на него.

— Тарис? — спросил Севт.

— Возможно. Но прежде чем использовать его сведения, я хочу получить ответы на несколько вопросов.

Спартак приказал привести Тариса.

Тот вошёл в дом в сопровождении двух воинов. Он выглядел усталым, но держался уверенно.

— Ты говорил, что знаешь Гая, — начал Спартак. — Где он сейчас?

— В лагере Варрона.

— Ты можешь передать ему сообщение?

— Могу.

— Какое?

— Что именно?

Спартак посмотрел на Тира, затем снова на Тариса.

— Передай, что мы готовы обсуждать освобождение пленных.

Тир резко повернулся к нему.

— Ты собираешься договариваться с Варроном?

— Я собираюсь выяснить, чего он хочет.

Тарис внимательно слушал.

— А если он потребует отказаться от союза?

— Тогда мы узнаем, что для него важнее всего.

— Я могу доставить сообщение, — сказал Тарис.

— Но не один, — ответил Спартак. — С тобой отправится наш человек. Он будет наблюдать и вернётся с докладом.

Тарис слегка побледнел.

— Римляне не станут разговаривать, если увидят рядом сопровождающего.

— Тогда пусть разговаривают с тобой. Но наш человек будет неподалёку.

Тарис промолчал.

Спартак заметил его замешательство, однако не стал задавать новых вопросов. Он уже понимал, что этот человек был связан с Варроном, но пока не знал, насколько глубоко.

Вечером Тарис покинул Орестею вместе с молодым фракийцем по имени Дамет. Они направились к южной дороге.

Спартак не стал следовать за ними. Вместо этого он поручил Котису наблюдать за дорогой с холма.

— Если Тарис попытается уйти от Дамета, не задерживай его сразу. Сначала выясни, куда он направится.

— А если он приведёт римлян?

— Тогда отступай. Мне нужен не его плен, а правда.

Ночью Котис вернулся с тревожным сообщением.

— Тарис встретился с римским всадником за старой каменоломней. Они разговаривали недолго. Потом всадник уехал, а Тарис вернулся к дороге.

— Дамет видел встречу?

— Да. Но Тарис сказал ему, что это был торговец.

Спартак медленно кивнул.

— Значит, наш гость действительно передаёт сведения Варрону.

— Что будем делать?

— Пока ничего. Пусть думает, что мы не заметили.

Севт, стоявший рядом, нахмурился.

— Ты хочешь использовать его против Варрона?

— Возможно. Но сначала мы должны освободить пленников.

Поздней ночью Спартак снова вышел к реке. Вода отражала холодный свет луны. На противоположном берегу темнели деревья, а за ними начиналась дорога к римскому посту.

К нему подошёл Дракон.

— Ты собираешься идти туда?

— Да. Но не сегодня.

— Почему?

— Потому что Варрон ждёт нападения. Он уверен, что я не оставлю пленных. Если мы придём к его посту так, как он рассчитывает, он получит именно то, чего хочет.

Дракон некоторое время молчал.

— А если пленников уведут раньше?

— Тогда придётся действовать немедленно.

Отец положил руку сыну на плечо.

— Помни, Спартак: иногда самый трудный выбор — не между храбростью и страхом, а между двумя обязанностями, каждая из которых требует от тебя всего.

Спартак посмотрел на тёмную воду.

Он знал, что за частоколом римского поста находятся четверо людей, ожидающих спасения. Он знал и другое: Варрон намеренно поставил их между собой и фракийцами, рассчитывая, что любовь к близким заставит Спартака совершить ошибку.

Но римлянин не учёл одного. Для Спартака эти пленники были не средством давления и не фигурками на военной карте. Это были люди, за которых он чувствовал ответственность. И он собирался вернуть их домой. Даже если ради этого придётся обмануть самого Варрона.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. НОЧЬ БЕЗ ЗВЁЗД

Ночь опустилась на долину раньше обычного. Тучи, пришедшие с юга, закрыли небо, и даже луна не могла пробиться сквозь их плотную пелену. Ветер гнал по склонам влажный воздух, раскачивал ветви деревьев и временами приносил издалека глухой собачий лай.

Для Спартака такая погода была подарком.

Он сидел в доме Ореста вместе с Севтом, Драконом, Котисом и Тиром. Перед ними лежала карта окрестностей римского поста. Её начертил Котис, который несколько раз наблюдал за укреплением с разных высот.

— Главные ворота находятся здесь, — объяснял он, указывая на рисунок. — С востока частокол почти примыкает к скале. Там пройти трудно, но зато солдаты редко смотрят в ту сторону. С юга начинается овраг, который спускается почти к самой реке.

— А пленные? — спросил Тир.

— Я видел их возле большой палатки. Но не знаю, держат ли их там ночью.

— Сколько охраны? — поинтересовался Севт.

— У ворот двое. На стене ещё двое. Остальные, вероятно, отдыхают внутри.

Спартак внимательно изучал карту.

— Мы не станем нападать на ворота. Это слишком очевидно. Котис, ты и Ремет подойдёте к восточной стороне. Найдите место, где можно незаметно пересечь частокол. Севт возьмёт шесть человек и останется у оврага. Если начнётся тревога, он должен перекрыть дорогу к реке.

— А ты? — спросил Дракон.

— Я пойду к палатке с пленными вместе с Тиром и ещё четырьмя воинами.

Тир поднялся.

— Я иду с тобой.

— Я не собираюсь тебя останавливать, — ответил Спартак. — Но ты должен понимать: если возникнет опасность, мы прежде всего выведем пленников. Месть подождёт.

Старейшина стиснул губы, однако кивнул.

— Хорошо.

Дракон некоторое время молчал, затем сказал:

— Я останусь с резервом на северной тропе. Если римляне пошлют подкрепление, мы должны успеть предупредить остальных.

Спартак посмотрел на отца.

— Ты уверен, что хочешь идти?

— Я не настолько стар, чтобы смотреть, как мой сын отправляется в опасность, и оставаться дома.

Спартак ничего не ответил. Он лишь крепко пожал отцу руку.

В римском лагере в это время царило необычное оживление. Варрон получил донесение от Тариса и был доволен.

— Спартак собирается атаковать пост, — сообщил Гай.

— Разумеется. Он не может оставить пленных.

— Тарис утверждает, что нападение произойдёт ночью.

Варрон подошёл к карте.

— Тогда усилим охрану у ворот. Пусть солдаты приготовят оружие, но не показывают, что знают о нападении. Когда фракийцы войдут, мы должны захлопнуть западный проход.

— А если они пойдут через овраг?

— Там их встретят лучники. Я хочу взять Спартака живым, если это окажется возможным.

Гай посмотрел на него с удивлением.

— Вы хотите захватить его?

— Я хочу понять, почему вокруг него собираются люди. Он ещё молод, но уже заставил нескольких старейшин забыть о собственных разногласиях. Такой человек может оказаться полезнее в цепях, чем мёртвый.

— А остальные?

— Остальные должны увидеть, что происходит с теми, кто бросает вызов Риму.

Варрон отвернулся от карты.

— И ещё, Гай. Пусть Тарис не приближается к посту. Если Спартак узнает о его связи с нами, тот перестанет быть полезен.

Около полуночи фракийцы достигли реки.

Дождь к тому времени усилился. Капли стучали по камням, шум воды заглушал шаги. Спартак остановился и жестом приказал людям присесть.

— Отсюда идём без разговоров, — прошептал он. — Если увидите римского солдата, не поднимайте тревогу раньше времени. Сначала оцените, можно ли обойти его.

Котис и Ремет отделились от основной группы и исчезли среди деревьев.

Через некоторое время от восточной стороны поста донёсся условный свист.

Спартак поднял руку.

— Путь свободен.

Они двинулись вдоль оврага. У самой ограды Тир заметил движение за частоколом. Двое римских солдат разговаривали возле небольшого костра.

— Если они поднимут тревогу, — прошептал он, — мы не успеем добраться до палатки.

— Не поднимут, — тихо ответил Спартак.

Они дождались, пока один из солдат отправится к воротам, а второй отвернётся. Затем быстро пересекли открытое пространство и скрылись за хозяйственной постройкой.

Внутри лагеря пахло мокрой кожей, дымом и лошадиным потом. Из палаток доносился храп. У одной из них стоял часовой, опираясь на копьё.

Спартак показал Тиру на узкий проход между палатками. Они обошли часового и приблизились к месту, где Котис ранее видел пленников.

Палатка оказалась пустой.

На земле лежали остатки еды, возле входа стояла деревянная бочка. Но людей не было.

Тир побледнел.

— Где они?

Спартак внимательно осмотрел помещение. На земле виднелись следы, ведущие к задней стороне поста.

— Их перевели.

— Значит, мы опоздали?

— Пока нет.

Он вышел наружу и увидел вдалеке слабый свет. За складом, возле конюшни, двигались две фигуры.

— Тир, оставайся здесь с людьми. Я проверю.

Спартак вместе с одним воином приблизился к конюшне. Внутри находились несколько лошадей и двое римских солдат. Один из них держал в руке факел, другой что-то говорил человеку, сидевшему на земле.

Спартак узнал голос.

— …утром отправим их дальше. Варрон приказал не задерживаться.

Это был один из пленных.

— А куда нас повезут? — спросил юноша.

— Тебе не обязательно знать.

Спартак подождал, пока солдат отвернётся, затем бросился вперёд. Первый римлянин даже не успел поднять оружие. Второй попытался крикнуть, но фракиец ударил его рукоятью меча по голове.

— Быстрее! — прошептал Спартак.

Он перерезал верёвки на руках пленника.

— Ты можешь идти?

— Могу.

— Где остальные?

— В соседней конюшне. Их собирались перевезти перед рассветом.

Спартак кивнул своему спутнику.

— Иди за Тиром. Пусть приведёт остальных.

Но едва они вышли из конюшни, как со стороны ворот раздался тревожный крик.

— Тревога! К оружию!

Спартак понял, что скрытность закончилась.

Севт услышал тревогу у оврага. Он сразу поднял своих людей.

— Началось. К воротам не идти! Перекрыть дорогу к реке!

Несколько римских солдат выбежали из лагеря, пытаясь обойти укрепление с южной стороны. Фракийцы встретили их у узкого прохода. Завязалась короткая схватка. Римляне отступили, но один из них успел подать сигнал рогом.

На северной тропе Дракон услышал этот звук и понял, что сыну нужна помощь.

— Вперёд! — приказал он своим людям.

Тем временем Спартак добрался до второй конюшни. Там находились ещё трое пленников. Двое были связаны, третий лежал на соломе, с трудом поднимая голову.

Тир появился почти одновременно с ним.

— Вот ты где!

Он увидел племянника, бросился к нему и опустился на колени.

— Живой, мальчик!

Юноша попытался улыбнуться.

— Я знал, что вы придёте.

Тир освободил его, а Спартак помог подняться остальным.

— Уходим через восточную сторону, — сказал он. — Котис уже должен ждать нас.

Но из-за палаток показались римские солдаты. Их было около десятка. Впереди шёл офицер с обнажённым мечом.

— Бросить оружие! — крикнул он. — Вы окружены!

Спартак выставил щит.

— Уходите с дороги, и никто больше не пострадает.

Офицер рассмеялся.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь диктовать условия Риму?

— Я думаю, что ты не хочешь умирать за чужую гордость.

На мгновение римлянин замешкался, но затем поднял меч.

Схватка оказалась короткой и жестокой. Фракийцы сражались, прикрывая пленников, и не позволяли римлянам окружить их. Спартак отбил удар офицера, шагнул в сторону и выбил у него меч. Тот упал на колени.

— Убей его! — крикнул Тир.

Но Спартак остановил старейшину.

— Нет. Нам нужно уходить.

Он приказал римлянину отступить и не преследовать их. Затем фракийцы вместе с освобождёнными пленниками двинулись к восточной ограде.

Там их уже ждали Котис и Ремет. В одном месте они успели раздвинуть деревянные колья, создав узкий проход.

Когда последний пленник оказался за оградой, из лагеря донёсся новый звук рога.

— Они готовят погоню, — сказал Ремет.

— Пусть попробуют, — ответил Котис.

Спартак оглянулся. На фоне дождливого неба виднелись факелы, мечущиеся между палатками. Римский пост просыпался, но фракийцы уже уходили в лес.

К рассвету они достигли безопасной стоянки, где их ожидал Дракон. Освобождённые пленники были измучены, один из них едва держался на ногах. Аурелия, которую Спартак заранее попросил отправить с небольшой группой женщин, принесла воду и тёплые плащи.

Тир обнял племянника и долго не отпускал его.

— Я думал, что больше тебя не увижу.

— Я тоже, дядя.

Спартак отошёл в сторону. Севт подошёл к нему.

— Хорошо сработали. Но Варрон теперь знает, что ты можешь проникнуть даже в его укрепление.

— Он и прежде знал, что мы не отступим.

— Теперь он станет осторожнее.

Спартак посмотрел на освобождённых людей.

— И мы тоже.

Вскоре к ним привели Тариса. Его задержали на дороге неподалёку от римского поста. При нём нашли небольшую восковую табличку с короткой записью, предназначенной Гаю.

Спартак прочитал её дважды.

Там было всего несколько слов:

«Пленные останутся приманкой. Спартак придёт. Остальное — дело времени».

Севт молча посмотрел на Тариса.

— Значит, ты знал, что Варрон собирается использовать пленников?

Тарис не ответил.

— Ты привёл нас к ловушке, — произнёс Спартак.

— Я не хотел, чтобы кто-нибудь погиб.

— Но ты помогал людям, которые держали их в цепях.

Тарис опустил голову.

— У меня не было выбора.

Спартак долго смотрел на него.

— Выбор был. Просто ты решил, что твоя жизнь дороже чужой свободы.

Он приказал отвести Тариса под охрану. Не убивать и не подвергать пыткам, но и не отпускать.

Когда люди разошлись, Дракон подошёл к сыну.

— Ты вернул пленников. Но теперь Варрон будет искать возмездия.

— Пусть ищет.

— Ты слишком уверен.

Спартак покачал головой.

— Нет, отец. Я просто больше не хочу жить так, словно каждый наш шаг должен быть разрешён Римом.

Он посмотрел на долину, где постепенно поднимался туман. За горами просыпались поселения, и люди ещё не знали, что этой ночью несколько их земляков вернулись домой.

А в римском лагере Варрон стоял перед опустевшей конюшней. На земле лежал разбитый факел, у стены темнели следы крови. Один из офицеров докладывал о случившемся, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Они освободили всех? — спросил Варрон.

— Да, господин.

— И сколько наших погибло?

— Четверо. Ещё двое ранены.

Варрон медленно повернулся к карте.

— Значит, он сумел проникнуть в укрепление, вывести пленников и уйти, не потеряв почти никого.

Он помолчал.

— Теперь я понимаю, почему его имя всё чаще произносят в этих горах.

Гай стоял у входа и ждал приказа.

— Найди мне человека, который знает Спартака с детства, — произнёс Варрон. — Не очередного наёмника и не случайного перебежчика. Мне нужен тот, кому он доверял задолго до того, как начал воевать с Римом.

Гай понял, что речь идёт о гораздо более опасной игре. А Варрон уже смотрел на карту не как на схему дорог и укреплений. Он искал на ней путь к самому сердцу своего противника.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ТЕ, КТО ЗНАЮТ ЕГО СЕРДЦЕ

Возвращение пленников стало событием, которое ещё долго обсуждали в окрестных поселениях. Люди приходили в Артаб и Орестею, расспрашивали о ночном нападении, слушали рассказы освобождённых и удивлялись тому, как небольшой отряд сумел проникнуть в римское укрепление и вывести людей из-под охраны.

Но Спартак не разделял всеобщего торжества.

Он понимал, что победа была небольшой, а цена следующего столкновения могла оказаться гораздо выше. Варрон потерял людей, оружие и уверенность в том, что фракийцев можно запугать пленением нескольких жителей. Теперь римлянин должен был искать другой способ воздействия.

И Спартак чувствовал, что этот способ будет связан не с оружием.

Утром он пришёл к отцу. Дракон сидел возле дома и чинил старую кожаную перевязь.

— Варрон приказал найти человека, который знал меня с детства, — сказал Спартак.

Дракон поднял глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Мы нашли табличку Тариса. В ней говорилось, что после освобождения пленников Варрон собирается искать кого-то из моих прежних знакомых.

Отец отложил работу.

— Значит, он решил, что через тебя самого ему не пройти.

— Он хочет найти того, кто сможет приблизиться ко мне без подозрений.

Дракон долго молчал.

— В детстве у тебя было много друзей.

— Но не все они остались здесь.

— И не все ушли по своей воле.

Спартак внимательно посмотрел на отца.

— Ты кого-то подозреваешь?

Дракон покачал головой.

— Нет. Но я помню одного человека. Его звали Ликон. Вы с ним вместе росли, охотились, учились владеть оружием. После смерти его отца он ушёл на юг, к родственникам. Это было несколько лет назад.

— Ликон… — повторил Спартак. — Я давно о нём не слышал.

— Он был тебе ближе многих. Когда ты однажды провалился под лёд в горном ручье, именно он вытащил тебя. А потом ещё долго смеялся над тем, как ты пытался доказать, что вовсе не испугался.

Спартак невольно улыбнулся.

— Помню. Он тогда сказал, что если бы я утонул, Мирта никогда бы не согласилась стать моей женой.

Дракон тоже улыбнулся, но почти сразу посерьёзнел.

— Если Варрон узнает о Ликоне, он может попытаться использовать его.

— Но Ликон давно уехал. Возможно, он уже далеко.

— Возможно.

Спартак встал.

— Я отправлю гонца к южным родственникам. Нужно узнать, где он сейчас.

Тем временем в римском лагере Гай получил приказ Варрона и приступил к поискам.

Он расспрашивал торговцев, бывших воинов и людей, которые когда-либо бывали в северных поселениях. Наконец один из местных проводников сообщил ему, что человек по имени Ликон действительно живёт неподалёку от римского торгового поста.

— Он фракиец? — уточнил Гай.

— Да. Когда-то жил в горах. Теперь работает с караванами. Знает несколько языков, умеет договариваться с людьми.

— Он знаком со Спартаком?

— Говорят, они вместе росли.

Гай передал сведения Варрону.

Тот долго рассматривал имя на табличке.

— Приведите его ко мне.

— Насильно?

— Нет. Пока нет. Сначала предложите работу. Деньги, защиту, возможность вернуться домой.

— А если откажется?

Варрон посмотрел на него холодно.

— Тогда выясните, что для него дороже всего.

Через несколько дней Ликон получил приглашение от римского представителя. Его попросили прибыть в лагерь для разговора о сопровождении торговых обозов.

Предложение показалось ему обычным. За последние годы он несколько раз работал с римскими купцами и не видел в этом ничего необычного.

Однако, когда он вошёл в шатёр Варрона, то сразу заметил, что разговор будет не о торговле.

— Ликон, — произнёс римлянин, приветливо улыбаясь. — Я слышал о тебе хорошие отзывы.

— Надеюсь, не только от тех, кому я помогал таскать тяжёлые ящики.

Варрон усмехнулся.

— Говорят, ты знаешь фракийские горы лучше многих местных жителей.

— Когда-то знал.

— А ещё говорят, что ты был близок со Спартаком.

Ликон замолчал.

— Мы вместе росли, — наконец ответил он. — Но это было давно.

— Он изменился?

— Все меняются.

— Теперь он собирает вокруг себя людей и выступает против Рима. Ты понимаешь, что его действия могут привести к большой беде?

Ликон пожал плечами.

— Я не участвую в его войне.

Варрон внимательно посмотрел на него.

— Именно поэтому ты можешь оказаться полезным. Нам нужны люди, способные вести переговоры с горными старейшинами. Ты знаешь их язык, обычаи и дороги.

— А Спартак?

— Возможно, однажды тебе придётся поговорить и с ним.

Ликон почувствовал, что попал в неприятное положение.

— Я не знаю, чего вы от меня хотите.

— Пока только работы. Хорошей оплаты. Спокойной жизни.

Варрон сделал знак слуге, и тот поставил на стол небольшой мешочек с серебром.

Ликон не прикоснулся к нему.

— Я подумаю.

— Разумеется. Никто не требует ответа немедленно.

Когда Ликон вышел, Гай спросил:

— Он согласится?

— Не знаю. Но он заинтересовался.

— А если предупредит Спартака?

Варрон усмехнулся.

— Тогда мы узнаем, насколько сильно он ему предан.

В Орестею гонец вернулся на пятый день.

Он сообщил, что Ликон действительно находится неподалёку от римского торгового поста. Более того, его видели в компании римских людей.

Спартак выслушал рассказ и ничего не сказал.

Севт, сидевший рядом, нахмурился.

— Значит, Варрон уже добрался до него.

— Или пытается добраться.

— Ты хочешь отправиться к нему?

— Да.

— Это может быть опасно.

— Я знаю.

Севт некоторое время смотрел на друга.

— А если Ликон согласился работать на римлян?

Спартак поднял глаза.

— Тогда я должен услышать это от него самого.

Дракон, присутствовавший при разговоре, вмешался:

— Не забывай, что человек, которого ты помнишь, и тот, кого встретишь сейчас, могут оказаться разными людьми.

— Я понимаю, отец.

— Тогда возьми с собой не больше двух человек. И не позволяй воспоминаниям заменить осторожность.

Дорога к торговому посту проходила через небольшую долину, где когда-то стояли пастушьи хижины. Спартак узнал несколько мест, хотя за прошедшие годы многое изменилось. Старый мост был частично разрушен, возле ручья выросли молодые деревья, а на склоне появились новые виноградники.

Ликон жил в небольшом доме неподалёку от поста. Когда Спартак подошёл к воротам, хозяин как раз чинил деревянную телегу.

Сначала Ликон не узнал его.

Потом выпрямился, выронил инструмент и долго смотрел на гостя.

— Спартак?

— Здравствуй, Ликон.

Несколько мгновений они молчали, а затем крепко обнялись.

— Сколько лет прошло! — воскликнул Ликон. — Я думал, ты давно забыл обо мне.

— Я помню гораздо больше, чем ты думаешь.

Они вошли в дом. Ликон поставил на стол хлеб, сыр и кувшин с вином. Разговор начался с воспоминаний о детстве, об охоте, о старых друзьях, о людях, которых уже не было в живых.

Но постепенно весёлые истории уступили место настоящему.

— Я слышал, что ты теперь воюешь с римлянами, — сказал Ликон.

— Мы защищаем свои дома.

— Ты всегда был упрямым.

— А ты всегда считал, что упрямство мешает человеку жить спокойно.

Ликон улыбнулся.

— Возможно, я был прав.

Спартак посмотрел на него.

— Варрон приглашал тебя к себе?

Улыбка исчезла.

— Да.

— Что он предлагал?

— Работу. Хорошую оплату. Сопровождение обозов и переговоры с горными старейшинами.

— Он говорил обо мне?

Ликон не стал отводить взгляд.

— Да.

— И что ты ответил?

— Что подумаю.

Спартак медленно кивнул.

— Ты уже решил?

Ликон подошёл к окну.

— Я не хочу войны, Спартак. Я видел, что делают римляне, но видел и другое. Торговля, дороги, рынки. Люди могут жить, не убивая друг друга. Почему ты считаешь, что единственный путь — сопротивление?

— Потому что я видел, что происходит с теми, кто отказывается подчиняться. Ты называешь это миром, но если человек должен отдать чужому народу свой дом, землю и свободу, чтобы его оставили в покое, это не мир.

— А сколько людей погибнет из-за твоего сопротивления?

Спартак не ответил сразу.

— Я не знаю. И не стану притворяться, будто знаю. Но если мы сейчас покоримся, наши дети вырастут, не понимая, что значит распоряжаться собственной жизнью.

Ликон повернулся к нему.

— Ты говоришь так, будто уже несёшь ответственность за весь народ.

— Я не просил этой ответственности.

— Но принял её.

— Да.

Ликон долго смотрел на друга.

— Варрон предложил мне деньги. Много денег. Я не взял их.

— Почему?

— Потому что не хочу продавать человека, с которым когда-то делил последний кусок хлеба.

Спартак поднялся и подошёл к нему.

— Тогда не продавай и сейчас.

Ликон пожал ему руку.

— Я не стану работать против тебя. Но и воевать за тебя не обещаю.

— Мне не нужны обещания, которые ты не можешь выполнить.

Они снова сели за стол.

Однако разговор уже не был прежним. Между ними возникло что-то новое — не вражда, но осторожность двух людей, которые поняли, насколько далеко разошлись их жизненные дороги.

Когда Спартак и его спутники покинули дом Ликона, за ними наблюдали издалека.

Вечером Гай получил сообщение.

— Он встречался со Спартаком, — доложил посыльный.

— И что произошло?

— Они долго разговаривали. Потом Спартак уехал.

Гай передал новость Варрону.

Тот выслушал его и неожиданно улыбнулся.

— Прекрасно. Значит, Ликон действительно имеет к нему доступ.

— Но он отказался работать на нас.

— Пока отказался.

— Что теперь?

Варрон подошёл к карте и указал на торговый пост.

— Теперь мы не будем просить его предать друга. Это слишком грубо. Мы предложим ему нечто другое.

— Что именно?

— Возможность спасти Спартака от самого себя.

Гай не сразу понял смысл этих слов.

Варрон продолжил:

— Пусть Ликон передаст ему, что в Риме есть люди, готовые обсуждать прекращение столкновений. Что Спартаку могут предложить безопасность для его семьи и сохранение некоторых прав фракийских поселений.

— Вы собираетесь вести переговоры?

— Нет, Гай. Я собираюсь заставить его поверить, что переговоры возможны.

Тем временем Спартак возвращался в Орестею с тяжёлым чувством.

Он был рад встрече с Ликоном, но понимал, что их дружба уже не могла быть такой беззаботной, как прежде. Каждый теперь жил в мире, где любой выбор имел цену.

У самой деревни их догнал молодой гонец.

— Спартак! Тебя ждут!

— Что случилось?

— Прибыл человек из римского лагеря. Он принёс письмо от Варрона.

Спартак взял свиток.

Печать была целой. Он разломил её и развернул письмо.

Там было написано:

«Спартаку, сыну Дракона.

Ты доказал, что умеешь сражаться. Но сражение не всегда приносит пользу тем, ради кого оно ведётся.

Рим готов обсуждать прекращение столкновений и условия, при которых ваши поселения смогут сохранить свои внутренние порядки.

Я предлагаю встретиться без оружия и выслушать друг друга.

Луций Варрон».

Спартак прочитал письмо ещё раз.

Севт, заглянув через его плечо, усмехнулся:

— Теперь он предлагает мир?

— Да.

— После того как захватывал людей, подсылал шпионов и устраивал засады?

Спартак свернул письмо.

— Возможно, он действительно хочет поговорить. А возможно, готовит новую ловушку.

— Ты поедешь?

Спартак посмотрел на дорогу, уходившую к римским владениям.

— Пока не знаю. Но если Варрон решил говорить о мире, я хочу услышать, что именно он называет миром.

Вечером он положил письмо перед отцом. Дракон долго читал его, затем поднял глаза.

— Запомни, сын: не всякая протянутая рука предлагает дружбу. Иногда она просто хочет проверить, насколько близко ты позволишь ей подойти к своему горлу.

Спартак молча сложил письмо.

Он ещё не знал, что за этим предложением скрывалась самая опасная из всех приготовленных Варроном ловушек. На этот раз римлянин рассчитывал не на страх и не на жадность. Он собирался воспользоваться надеждой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ЦЕНА МИРА

Письмо Варрона не давало Спартаку покоя. Он перечитывал его не потому, что сомневался в смысле написанного, а потому, что пытался понять, какую именно игру затеял римлянин.

Предложение о переговорах могло быть очередной уловкой. Но отвергнуть его, не узнав условий, означало бы лишить себя возможности понять намерения противника. К тому же за последние недели Спартак всё чаще думал о людях, которые не желали воевать. Они не были трусами. Они просто хотели жить, растить детей, обрабатывать землю и не просыпаться каждое утро в ожидании очередного римского отряда.

Разве ради этого он не начинал сопротивление?

Вечером он собрал небольшой совет. В доме Ореста присутствовали Дракон, Севт, Берик, Тир и Фрагон.

— Варрон предлагает встретиться, — сказал Спартак. — Без оружия, чтобы обсудить прекращение столкновений.

— После всего, что он сделал? — возмутился Тир. — Он думает, что мы забыли Артаб? Забыл, как его солдаты уводили наших людей?

— Нет, — ответил Спартак. — Он прекрасно знает, что мы ничего не забыли.

Берик задумчиво потёр подбородок.

— Возможно, римляне действительно поняли, что не смогут легко подчинить нас. Если они предлагают переговоры, значит, наши действия принесли результат.

— А может быть, они хотят узнать, насколько мы готовы уступить, — заметил Фрагон.

Севт, сидевший у стены, наконец заговорил:

— Я бы не поехал. Варрон уже несколько раз пытался заманить нас в ловушку. Почему теперь должно быть иначе?

— Потому что на этот раз он предлагает не нападение, а разговор, — ответил Спартак. — Но я не собираюсь доверять ему только потому, что он написал несколько вежливых строк.

Дракон внимательно посмотрел на сына.

— Чего ты хочешь добиться этой встречей?

— Узнать, готов ли Рим признать право наших поселений жить по собственным законам. Если готов, пусть скажет это прямо. Если нет, пусть хотя бы перестанет притворяться, будто речь идёт о мире.

Орест медленно кивнул.

— Значит, ты собираешься ехать?

— Да. Но не один. Со мной будут Севт и два человека из совета. Остальные останутся неподалёку, за пределами места встречи.

— А если Варрон нарушит слово? — спросил Тир.

— Тогда он сам покажет, чего стоят его обещания.

Решение было принято, хотя согласились с ним не все.

На следующий день Спартак отправил Варрону ответ.

Он написал коротко: готов встретиться на нейтральной территории, при условии, что обе стороны прибудут без больших вооружённых отрядов, а переговоры не станут поводом для задержания или нападения.

Место встречи выбрали у старого каменного моста, неподалёку от границы римских владений. Когда-то здесь проходила оживлённая торговая дорога. Теперь мостом почти не пользовались: после нескольких столкновений купцы предпочитали объезжать опасный участок через южную долину.

Варрон согласился на предложенные условия.

Однако перед отъездом он вызвал Гая.

— Спартак принял приглашение, — сообщил он.

— Вы действительно собираетесь договариваться?

Варрон посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Гай, ты до сих пор не понимаешь, что переговоры — это тоже оружие?

— Понимаю, господин.

— Нет. Если бы понимал, не задавал бы таких вопросов. Я хочу узнать, чего он боится потерять больше всего.

— Свою свободу?

— Это слишком очевидно. Меня интересует другое. Он молодой человек, у него есть семья, любимая женщина, родители, друзья. Он уже отвечает за множество людей, но пока ещё не научился отделять личные чувства от решений вождя.

Гай понял, куда клонит Варрон.

— Вы хотите предложить ему безопасность семьи?

— Именно.

— А если он откажется?

— Тогда мы узнаем, что его нельзя купить обещанием спокойной жизни. Но, возможно, он согласится хотя бы выслушать.

Варрон подошёл к карте.

— И ещё. Подготовьте небольшую группу солдат. Не показывайте её до моего сигнала. Я не собираюсь нарушать договорённость о встрече, но хочу иметь возможность быстро отреагировать, если Спартак решит сыграть по-своему.

Утром Спартак попрощался с Миртой.

Она заметила, что он собирается в дорогу, ещё до того, как он произнёс первое слово.

— Ты едешь к Варрону?

— Да.

— Один?

— С Севтом и двумя старейшинами. Остальные будут неподалёку.

Мирта поправила складку на его плаще.

— А если он не отпустит тебя?

— Тогда Севт знает, что делать.

— Ты всегда говоришь так, будто всё предусмотрел.

Спартак взял её за руки.

— Я ничего не могу предусмотреть до конца. Но постараюсь вернуться.

Она внимательно посмотрела ему в глаза.

— Знаешь, чего я боюсь больше всего?

— Чего?

— Не того, что ты погибнешь. Хотя и этого тоже. Я боюсь, что однажды ты вернёшься домой, но я уже не узнаю тебя. Что все эти сражения, предательства и смерти сделают тебя чужим даже для тех, кто любит тебя.

Спартак опустил голову.

— Я тоже иногда этого боюсь.

— Тогда помни, кем ты был до всего этого.

Он обнял её.

— Помню. И именно поэтому еду.

К старому мосту Спартак прибыл незадолго до полудня.

Варрон уже ждал его. Рядом стояли двое римских офицеров, а чуть поодаль — несколько сопровождающих. На этот раз римлянин был одет не в военные доспехи, а в простой тёмный плащ. Его лицо выражало спокойствие человека, который привык считать себя хозяином положения.

Спартак подошёл к нему.

— Луций Варрон.

— Спартак, сын Дракона.

Они обменялись сдержанными приветствиями.

— Я рад, что ты принял моё предложение, — сказал Варрон.

— Я приехал не ради твоего удовольствия.

Римлянин усмехнулся.

— Прямота — хорошее качество. Иногда она мешает, но в переговорах бывает полезна.

— Тогда не будем тратить время.

Они расположились у каменного основания моста. Севт остался неподалёку, вместе с двумя старейшинами. Римские офицеры заняли противоположную сторону.

Варрон первым заговорил о положении в долине.

— За последнее время произошло слишком много столкновений. Погибли люди. Разрушены хозяйства. Торговые дороги стали опасными. Рим не заинтересован в постоянной войне с горными племенами.

Спартак посмотрел на него.

— Тогда зачем твои солдаты приходили в наши поселения?

— Для обеспечения порядка.

— Забирали зерно?

— По распоряжению военного командования.

— Уводили людей?

— Некоторые были задержаны по подозрению в нападениях на римские подразделения.

Спартак усмехнулся.

— Ты умеешь называть вещи так, чтобы они переставали быть похожими на то, чем являются.

Варрон не изменился в лице.

— Хорошо. Давай говорить прямо. Рим обладает силой, которую ваши поселения не смогут преодолеть. Рано или поздно вы будете вынуждены признать это.

— Сила ещё не означает право.

— Но она определяет, кто устанавливает правила.

— Тогда ты предлагаешь нам покориться?

Варрон немного помолчал.

— Я предлагаю признать присутствие Рима и прекратить нападения на его людей. Взамен ваши поселения смогут сохранить старейшин, собственные обычаи и внутренний порядок. Мы не станем вмешиваться в ваши семейные дела и местные споры.

— А налоги?

— Разумные поставки продовольствия.

— А оружие?

— Оно должно находиться под контролем местных старейшин, а не использоваться для нападений на римские подразделения.

— А дороги?

— Римские военные отряды должны иметь право прохода.

Спартак внимательно слушал. Условия звучали мягче прежних требований, но смысл оставался прежним: фракийцы должны были признать власть Рима, отдавать ему часть своего имущества и не сопротивляться передвижению чужих войск.

— Ты называешь это миром? — спросил он.

— Я называю это разумным соглашением.

— А если мы откажемся?

Варрон посмотрел на него почти сочувственно.

— Тогда война продолжится. И я не могу обещать, что она не затронет ваши семьи.

Севт сделал шаг вперёд, но Спартак остановил его взглядом.

— Ты угрожаешь женщинам и детям?

— Я предупреждаю о последствиях. Когда люди начинают войну, они должны понимать, что она не выбирает, кого затронуть.

Спартак поднялся.

— Мы не начинали эту войну, Варрон. Мы лишь отказались принять её условия.

Некоторое время они молчали.

Ветер пробегал по сухой траве у дороги, а внизу под мостом шумела вода.

Затем Варрон заговорил другим тоном:

— Я хотел бы обсудить ещё один вопрос. Личный.

Спартак не ответил.

— Я знаю, что у тебя есть отец, мать и женщина, которую ты любишь. Знаю, что ты мечтаешь о семье и спокойной жизни.

— Не тебе судить о моих мечтах.

— Возможно. Но я могу предложить тебе то, чего ты не получишь продолжением войны.

Варрон сделал знак одному из сопровождающих. Тот достал небольшой свиток.

— Рим готов гарантировать безопасность твоей семьи. Твоему отцу и матери никто не причинит вреда. Мирта сможет жить спокойно, без угрозы набегов и военных столкновений. Ты сам получишь возможность покинуть эти земли и начать новую жизнь.

Спартак медленно поднял глаза.

— А мой народ?

— Поселения останутся под управлением старейшин. Им придётся признать римскую власть, но никто не требует от тебя отвечать за каждого человека.

— То есть я должен уйти, а остальных оставить на милость Рима?

— Ты должен понять, что не можешь спасти всех.

Спартак долго смотрел на Варрона.

— Ты ошибаешься в одном.

— В чём?

— Я никогда не обещал спасти всех. Я обещал не отдавать людей на продажу только потому, что кому-то захотелось владеть их землёй.

Варрон убрал свиток.

— Подумай. Я не требую ответа сегодня.

— Мой ответ не изменится.

— Ты слишком молод, чтобы так уверенно говорить о будущем.

— А ты слишком давно привык, что люди соглашаются из страха.

Варрон впервые за время разговора нахмурился.

Переговоры завершились без соглашения.

Однако перед тем как разойтись, Варрон неожиданно спросил:

— Ты виделся с Ликоном?

Спартак внимательно посмотрел на него.

— Виделся.

— Хороший человек. Рассудительный. Он понимает, что Рим не исчезнет из этих земель только потому, что несколько горных поселений решили сопротивляться.

— Ликон сам разберётся, что ему понимать.

— Надеюсь. Мне бы не хотелось, чтобы его постигла участь людей, которые оказываются между двумя сторонами.

Спартак сделал шаг к римлянину.

— Если с Ликоном что-нибудь случится, я буду знать, кого благодарить.

Варрон развёл руками.

— Ты приписываешь мне слишком много возможностей.

— Нет. Я только начинаю понимать, как ты ими пользуешься.

Они разошлись.

На обратном пути Севт долго молчал. Лишь когда римский пост остался далеко позади, он заговорил:

— Он хотел купить тебя.

— Да.

— И даже не пытался скрыть, что готов использовать твою семью.

Спартак посмотрел на дорогу.

— Он хотел, чтобы я представил, как мог бы жить, если бы перестал сопротивляться.

— А ты представил?

Спартак не сразу ответил.

— Да. Представил.

— И?

— Дом. Мирту. Отца и мать. Утро без тревожных гонцов. Людей, которые возвращаются с полей, а не сражений. Детей, которые играют возле реки и не знают, что такое римский меч.

Север ничего не сказал.

— Вот только Варрон не понимает, — продолжил Спартак, — что я хочу этого не только для себя. Я хочу, чтобы так жили все наши люди.

— Он понимает, — тихо ответил Север. — Просто надеется, что ты согласишься оставить остальных за пределами своего счастья.

Спартак повернулся к другу.

— Вот именно.

Когда они вернулись в Орестею, у входа в дом старейшин их ожидал гонец из южной долины.

Он передал Спартаку небольшую табличку. На ней было написано несколько строк рукой, которую тот сразу узнал.

Это было письмо от Ликона.

«Спартак.

Сегодня ко мне приходили люди Варрона. Они сообщили, что после твоего отказа от соглашения римляне могут принять меры против тех, кто помогал тебе.

Я не знаю, что именно они задумали, но мне кажется, что речь идёт не только о военных действиях.

Будь осторожен. И не доверяй людям, которые слишком хорошо знают, чего ты хочешь.

Ликон».

Спартак перечитал письмо и передал его Северу.

— Значит, Ликон всё-таки решил нас предупредить, — сказал тот.

— Да. И теперь я начинаю опасаться за него.

Он позвал гонца.

— Отправляйся обратно. Передай Ликону, чтобы он не оставался возле торгового поста. Пусть уедет к своим родственникам на юг и пока не возвращается.

Гонец отправился в путь.

Но было уже поздно.

В тот же вечер, когда Ликон вышел из своего дома, возле дороги его ожидали двое вооружённых мужчин. Один из них назвал его по имени и попросил пройти с ними к римскому представителю.

Ликон отказался.

Тогда второй мужчина показал ему короткий кинжал.

— Не заставляй нас применять силу.

— Передайте Варрону, что я не собираюсь служить ему против своих земляков.

— Мы не обсуждаем с тобой службу.

Они схватили Ликона и увели в сторону старого торгового поста.

А далеко в Орестее Спартак ещё не знал, что его предупреждение пришло слишком поздно и что человек, которого он считал другом детства, уже оказался в руках его врагов.

Варрон проиграл переговоры, но получил новую возможность приблизиться к Спартаку.

На этот раз он собирался заставить его выбирать не между свободой и покорностью, а между верностью своему народу и верностью человеку, которого тот когда-то называл братом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ

Ликона вели по узкой дороге, проложенной между скалами. Руки его были связаны за спиной, но шагал он спокойно, стараясь не показывать людям, которые его схватили, насколько сильно его тревожило происходящее.

Он не сопротивлялся, когда двое вооружённых мужчин ворвались в его дом. Не потому, что испугался, а потому, что сразу понял: драка в тесном помещении закончится либо его смертью, либо гибелью одного из нападавших. А мёртвым он никому уже не сможет помочь.

— Куда вы меня ведёте? — спросил он, когда дорога свернула к южному посту.

— Там узнаешь.

— Значит, вы сами не знаете, — усмехнулся Ликон.

Один из конвоиров ударил его рукоятью копья между лопаток.

— Помолчи.

Ликон покачнулся, но удержался на ногах.

Он вспомнил Спартака. Их детство, первые совместные походы в горы, холодные ночёвки у костра, разговоры о будущем. Тогда им обоим казалось, что впереди целая жизнь, в которой ещё будет достаточно времени для всего, что они задумали.

Но жизнь редко спрашивает человека, готов ли он к испытанию.

В римском лагере Ликона встретил не Варрон, а Гай.

Тот внимательно осмотрел пленника, словно хотел убедиться, что перед ним именно тот человек, которого ему поручили доставить.

— Ликон?

— Если ты уже знаешь моё имя, незачем спрашивать.

— Тебя ждут.

— Кто?

— Человек, который считает, что ты можешь оказаться полезным.

Ликон посмотрел на него с нескрываемым презрением.

— Передай своему хозяину, что я не товар на рынке.

Гай усмехнулся.

— Все люди становятся товаром, когда за них назначают цену.

— Тогда ты, должно быть, самый дорогой из них. Ведь столько лет продаёшь чужие жизни.

Улыбка исчезла с лица римлянина.

— Осторожнее, фракиец. Здесь твоя дерзость никого не впечатлит.

— Я не собирался никого впечатлять.

Гай приказал отвести пленника в отдельное помещение и доложить Варрону о его прибытии.

Варрон пришёл ближе к вечеру.

Он не стал сразу говорить о Спартаке. Приказал принести воду и пищу, предложил Ликону сесть. Его поведение было почти приветливым, и именно эта приветливость вызывала у пленника большее недоверие, чем открытая угроза.

— Надеюсь, дорога не слишком тебя утомила, — произнёс римлянин.

— Я бы предпочёл пройти её по собственной воле.

— Воля — вещь любопытная. Человек часто считает себя свободным, пока обстоятельства не заставят его сделать выбор.

— Ты называешь свободой возможность выбирать между двумя неприятностями?

Варрон чуть улыбнулся.

— Я называю это жизнью.

Он сел напротив.

— Ты знаешь, зачем я тебя пригласил?

— Думаю, ты хочешь снова предложить мне деньги.

— Деньги — лишь одно из средств. Я могу предложить тебе безопасность, работу, дом на юге. Ты сможешь жить спокойно, заниматься караванами, забыть о раздорах между Римом и фракийцами.

— А взамен?

— Ты поможешь мне убедить Спартака отказаться от сопротивления.

Ликон долго смотрел на него.

— Значит, ты всё-таки не понял.

— Что именно?

— Я не могу убедить его в том, чего сам не считаю правильным.

Варрон сцепил пальцы.

— Ты не обязан разделять его убеждения. Достаточно объяснить ему, что сопротивление принесёт гибель тем, кого он любит.

— Он и без меня это знает.

— Тогда тем более должен меня услышать.

Ликон наклонился вперёд.

— Ты ошибаешься в одном, Варрон. Спартак не потому сопротивляется, что не понимает цену войны. Он сопротивляется потому, что понимает цену покорности.

На этот раз римлянин не ответил сразу.

Он внимательно изучал лицо пленника, пытаясь найти в нём страх, сомнение или хотя бы желание договориться. Но перед ним сидел человек, который не был воином и не стремился им стать, однако имел то качество, которое Варрон особенно не любил в противниках: внутреннюю независимость.

— Ты считаешь его своим другом, — наконец произнёс он. — А если именно из-за тебя он потеряет людей?

Ликон опустил глаза. Это был первый вопрос, который действительно причинил ему боль.

— Я не хочу, чтобы он погиб.

— Тогда помоги ему.

— Ты предлагаешь мне спасти его, предав?

— Я предлагаю тебе сохранить ему жизнь.

— Человек может остаться живым и всё-таки потерять себя.

Варрон поднялся.

— Посмотрим, насколько долго ты будешь придерживаться этой красивой мысли.

В Орестее Спартак узнал о задержании Ликона только на следующее утро.

Гонец прибыл из южной долины измученным дорогой. Он привёз короткое сообщение от человека, который видел, как вооружённые незнакомцы увели Ликона от его дома.

Спартак прочитал записку дважды.

— Когда это случилось? — спросил он.

— Вчера, ещё до полудня.

— Куда его повели?

— К южному римскому посту. Больше я ничего не знаю.

Севт, стоявший рядом, нахмурился.

— Значит, Варрон добрался до него раньше, чем мы успели предупредить.

Спартак молчал.

В памяти возник их последний разговор. Ликон говорил, что не хочет войны, но не станет продавать друга. Тогда Спартак понял его и не стал требовать большего. Теперь же эта честность могла обернуться для Ликона настоящей бедой.

— Нужно идти за ним, — сказал Севт.

— Нужно сначала узнать, что именно задумал Варрон.

— А если он уже начал пытать его?

Спартак резко повернулся.

— Не говори того, чего мы не знаем.

Севт отвёл взгляд. Он понимал, что друг прав, но тревога за Ликона не позволяла ему спокойно ждать.

Вскоре к ним присоединился Дракон.

Выслушав гонца, он некоторое время молчал, затем спросил:

— Варрон знает, насколько дорог тебе этот человек?

— Теперь знает.

— Тогда он будет использовать его не только как пленника.

— Я понимаю.

— Нет, сын. Ты пока понимаешь лишь то, что он может причинить Ликону боль. Но Варрону нужно другое. Он хочет, чтобы ты сам причинил боль своему народу ради спасения друга. Или, наоборот, чтобы ты отказался от друга ради народа. В любом случае он надеется увидеть, как ты разрываешься между двумя верностями.

Спартак подошёл к окну. За ним открывалась долина, залитая утренним светом. По дороге двигались люди, внизу работали женщины, возле загонов переговаривались пастухи. Всё это было обычной жизнью, которую он когда-то считал вечной.

— Я не позволю ему выбирать за меня, — произнёс Спартак.

— Это правильные слова. Но помни: иногда самое трудное — не выбрать между двумя дорогими людьми, а найти путь, при котором не придётся приносить одного в жертву другому.

К полудню собрался совет.

Орест, Тир, Берик, Фрагон и Пелагон выслушали сообщение гонца. Каждый понимал, что случившееся касается не только Спартака. Если Варрон сумеет использовать его дружбу с Ликоном, завтра он может захватить родственника любого старейшины и потребовать того же.

— Мы должны потребовать освобождения Ликона, — сказал Тир.

— Потребовать можно, — ответил Берик. — Но что мы предложим взамен?

— Ничего, — произнёс Спартак. — Ликон не совершил преступления. Он не участвовал в нападениях на римлян и не командовал нашими людьми. Его задержали потому, что он отказался помогать Варрону.

Фрагон тяжело вздохнул.

— Римляне не станут слушать наши объяснения. Для них человек, который не служит Риму, уже подозрителен.

— Тогда пусть услышат другое, — сказал Орест. — Если они думают, что смогут по одному забирать наших близких и заставлять нас подчиняться, они должны знать, что ошибаются.

Пелагон предложил отправить к Варрону посланника с требованием освободить Ликона. Совет поддержал его предложение.

Но Спартак добавил:

— Одновременно нужно узнать, где его держат и сколько людей охраняет пост. Не для того, чтобы немедленно нападать. Мы должны быть готовы, если переговоры окажутся бесполезными.

Севт кивнул.

— Я займусь разведкой.

— Нет, — остановил его Спартак. — Ты отправишься с посланником, а Котис и Ремет осмотрят окрестности поста. Нам нужны точные сведения, а не догадки.

Решение было принято.

И впервые за долгое время старейшины почувствовали, что союз становится не просто соглашением о взаимной помощи, а настоящей необходимостью. Угроза уже касалась не отдельных поселений. Она приближалась к каждому дому.

Вечером Спартак пришёл к Мирте.

Она заметила его состояние ещё до того, как он заговорил.

— Что случилось?

Он сел рядом и рассказал о Ликоне.

Мирта слушала внимательно. Она знала, насколько важен этот человек для Спартака, хотя никогда не была с ним особенно близка.

— Ты должен его спасти, — тихо сказала она.

— Я постараюсь.

— Нет, Спартак. Не просто постараешься. Ты должен сделать всё возможное.

Он посмотрел на неё.

— А если для этого придётся подвергнуть опасности других?

Мирта не ответила сразу.

— Тогда ты должен найти способ не подвергать. Но не убеждай себя, что жизнь одного человека ничего не значит только потому, что от тебя ждут решения.

Спартак взял её за руку.

— Иногда мне кажется, что каждый день от меня требуют отдать что-нибудь, что я люблю.

— А ты не отдавай всё сразу, — сказала она. — И не забывай, что у тебя самого тоже есть жизнь. Не только долг.

Он прижал её руку к губам.

В этот вечер они долго сидели рядом, не пытаясь заполнить молчание словами. За стенами дома продолжалась обычная жизнь, но обоим казалось, что она стала хрупкой, словно тонкая нить, которую кто-то невидимый медленно натягивал между двумя берегами.

В римском лагере Варрон получил донесение о посланнике, которого Спартак собирался отправить к нему.

Он прочитал сообщение и отложил табличку.

— Значит, он не бросился сюда с оружием, — заметил Гай.

— Нет. Он начинает понимать, что я хочу от него.

— Следует освободить Ликона?

Варрон посмотрел на него.

— Пока нет.

— А если Спартак откажется от переговоров?

— Он уже отказался от моих условий. Теперь я хочу узнать, способен ли он отказаться от своего гнева.

— Что вы намерены сделать?

— Ничего такого, что нельзя было бы представить как следствие его собственного выбора.

Гай нахмурился.

Варрон подошёл к столу, взял чистую восковую табличку и начал писать.

Он решил передать Спартаку приглашение на новую встречу. На этот раз речь пойдёт не о признании римской власти и не о поставках зерна. Варрон предложит обменять Ликона на прекращение сопротивления в одной из долин — на короткий срок, якобы ради проверки доброй воли обеих сторон.

Он рассчитывал, что Спартак увидит в этом возможность спасти друга. И, возможно, впервые согласится на уступку, которую прежде считал недопустимой.

Но Варрон не учёл одного обстоятельства.

Спартак уже перестал воспринимать его предложения как отдельные события. За каждым обещанием он видел скрытое условие, за каждым жестом — расчёт. И чем больше римлянин пытался управлять его чувствами, тем яснее становилось молодому фракийцу: борьба идёт не только за землю и свободу поселений.

Она идёт за право человека самому решать, кем ему быть и кого считать своим другом.

А Ликон, находившийся за стенами римского лагеря, ещё не знал, что его судьба вскоре станет испытанием не только для Спартака, но и для самого Варрона.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ОБМЕН, КОТОРОГО НЕ БУДЕТ

На рассвете к южному римскому посту прибыл фракийский посланник. Им оказался пожилой воин по имени Эврит, много лет проживший в приграничной долине и знавший римские обычаи лучше многих своих соплеменников. Он не был ни старейшиной, ни военачальником, но умел говорить с людьми, не унижая их и не позволяя унижать себя.

Его сопровождали двое всадников. У ворот их остановил римский караул.

— Кто вы и зачем прибыли? — спросил центурион.

— Мы пришли говорить с Луцием Варроном.

— По какому делу?

— По делу человека, которого ваши люди забрали из собственного дома.

Центурион переглянулся с солдатом и приказал ждать.

Варрон принял посланника спустя почти час. Он сидел за столом, перед ним лежали карты северных долин и несколько донесений. Появление Эврита, казалось, ничуть его не удивило.

— Ты представляешь Спартака? — спросил римлянин.

— Я представляю людей, которые хотят знать, почему Рим задержал Ликона.

— Ликон находится под нашей охраной.

— Охрана защищает человека от опасности. А кто защитит его от тех, кто сам его задержал?

Варрон усмехнулся.

— Ты умеешь подбирать слова.

— Я стар. Мне уже незачем тратить их впустую.

Римлянин отложил табличку.

— Хорошо. Скажи Спартаку, что Ликон жив и с ним обращаются достойно. Я готов обсудить его освобождение.

— На каких условиях?

— Спартак должен прекратить сопротивление в восточной долине и гарантировать безопасность римских торговых обозов. Взамен Ликон будет отпущен.

Эврит некоторое время смотрел на Варрона.

— Ты предлагаешь обменять свободу одного человека на покорность целой долины?

— Я предлагаю избежать ненужного кровопролития.

— Тогда отпусти его. И кровопролития станет меньше.

— Ты не понимаешь, с кем имеешь дело. Спартак должен научиться отвечать не только за собственные желания, но и за последствия своих решений.

— Он уже отвечает. А ты пытаешься заставить его отвечать ещё и за твои поступки.

Варрон поднялся.

— Передай ему мои слова. У него будет время подумать.

Эврит поклонился без почтения и направился к выходу.

Варрон проводил его взглядом. Посланник не дал ему ничего нового, но именно это раздражало римлянина. Он ожидал услышать просьбы, обещания или хотя бы готовность к торгу. Вместо этого получил спокойное напоминание о том, что не всякий человек готов превращать чужую жизнь в предмет сделки.

Ликон узнал о визите посланника от Гая.

— Спартак прислал человека, — сообщил тот. — Значит, ты ему небезразличен.

— Я никогда в этом не сомневался.

— Тогда тебе следует убедить его принять условия Варрона.

Ликон поднял голову.

— Ты действительно думаешь, что я стану просить его отказаться от свободы ради меня?

— Я думаю, что человек, оказавшийся в твоём положении, способен пересмотреть многие убеждения.

— Ты плохо знаешь людей.

— Возможно. Но я хорошо знаю страх.

— Страх знаком каждому. Только не каждый ему подчиняется.

Гай приблизился к пленнику.

— Ты можешь погибнуть здесь, Ликон. И Спартак будет знать, что не сделал ничего, чтобы тебя спасти.

— А ты можешь всю жизнь прожить рядом с сильными людьми и так и не понять, что такое достоинство.

Гай сжал челюсти, но промолчал.

Когда он ушёл, Ликон остался один. Он не знал, сколько продлится его плен, и не строил иллюзий относительно намерений Варрона. Однако одна мысль не давала ему покоя: если Спартак примет условия римлян, его собственное освобождение станет началом гораздо большей беды.

Ликон не хотел быть причиной такого решения.

Он подошёл к небольшому окну. За ним виднелась полоска земли, уходившая к горам. Там, за далёкими вершинами, находился его дом. Возможно, уже пустой. Возможно, разграбленный. Но пока он мог видеть горы, он не чувствовал себя окончательно оторванным от родной земли.

Эврит вернулся в Орестею ближе к вечеру.

Спартак встретил его у дома Ореста. Рядом стояли Дракон и Севт. Старейшины собрались в помещении совета, ожидая известий.

— Ликон жив, — сообщил посланник. — Варрон утверждает, что с ним обращаются достойно.

Спартак впервые за день свободно выдохнул.

— Что он требует?

— Чтобы ты прекратил сопротивление в восточной долине и гарантировал безопасность римских обозов. Взамен он обещает освободить Ликона.

Севт резко поднялся.

— Значит, всё повторяется! Сначала они требуют зерно, потом оружие, теперь хотят получить целую долину.

— Именно этого он и добивается, — сказал Спартак.

Тир ударил ладонью по столу.

— Мы не можем позволить, чтобы один человек решал судьбу всех поселений!

— А если бы на месте Ликона оказался твой племянник? — спросил Берик.

Тир замолчал.

— Тогда я пошёл бы за ним, — ответил он после короткого молчания. — Но не стал бы отдавать Риму свою землю.

Спартак посмотрел на старейшин.

— Я не собираюсь притворяться, будто судьба Ликона для меня не важна. Он мой друг. Я обязан сделать всё, чтобы вернуть его домой. Но я не могу покупать его жизнь свободой тысяч других людей. И не могу позволить Варрону выбирать, кого из нас он будет использовать следующим.

Фрагон задумчиво провёл рукой по седой бороде.

— Значит, ты отвергнешь предложение?

— Я отвергну условия. Но не переговоры.

— В чём разница? — спросил Пелагон.

— Мы потребуем немедленного освобождения Ликона без всяких уступок со стороны поселений. Если Варрон действительно хочет мира, пусть начнёт с того, что перестанет брать заложников.

Дракон внимательно посмотрел на сына. В его глазах мелькнуло одобрение, но он ничего не сказал.

Решение совета было единодушным.

В тот же вечер Котис и Ремет вернулись с южной дороги. Они осмотрели окрестности римского поста, нашли место, откуда хорошо просматривались ворота, и установили, что охрана усилена.

— Внутри не меньше пятидесяти воинов, — доложил Котис. — На стене постоянный дозор. У ворот меняют караул каждые несколько часов.

— А со стороны ущелья? — спросил Спартак.

— Там старая дорога к каменоломне. Почти не используется. Но пройти по ней можно.

— Есть ли там охрана?

— Два человека у поворота. Возможно, ещё один пост дальше.

Спартак подошёл к карте.

— Значит, они ждут нападения со стороны главной дороги.

— Или хотят, чтобы мы так думали, — заметил Севт.

— Верно. Поэтому никакого нападения, пока мы не знаем, где находится Ликон.

Котис кивнул.

— Мы можем попробовать выяснить это через местных торговцев.

— Только осторожно. Не подвергайте их опасности. Я не хочу, чтобы из-за нашей попытки спасти Ликона пострадали невиновные.

Севт посмотрел на друга.

— Ты понимаешь, что Варрон может не освободить его даже после всех наших требований?

— Понимаю.

— И всё равно не хочешь идти на пост?

Спартак провёл пальцем по карте.

— Если мы нападём сейчас, Варрон может убить Ликона прежде, чем наши люди доберутся до него. А если не нападём, у нас останется время найти другой путь. Я не собираюсь облегчать Варрону его задачу.

На следующий день в римский лагерь прибыл ответ Спартака.

Посланник передал Варрону небольшую деревянную дощечку с вырезанными словами:

«Ликон не совершил преступления против Рима. Освободи его, и ты докажешь, что действительно хочешь избежать кровопролития. Но если ты продолжишь удерживать невиновного человека ради уступок, не называй это миром. Мы не отдадим свободу поселений в обмен на жизнь друга».

Варрон прочитал послание и положил его на стол.

— Он отказывается, — сказал Гай.

— Нет. Он отказывается играть по моим правилам.

— Это одно и то же.

— Не совсем.

Варрон подошёл к карте. Его взгляд остановился на восточной долине.

— Спартак думает, что сумел сохранить достоинство и одновременно оставить себе возможность спасти друга. Он ещё не понял, что я не собираюсь ограничиваться одним предложением.

— Что вы намерены предпринять?

— Мы отпустим Ликона.

Гай удивлённо посмотрел на него.

— Отпустим?

— Да. Но не сейчас.

— Почему?

Варрон медленно повернулся.

— Потому что человек, которого отпускают после долгого плена, приносит с собой не только свободу. Он приносит память о том, что пережил. И иногда эта память оказывается полезнее любых донесений.

Гай понял не сразу.

— Вы хотите, чтобы Ликон вернулся к Спартаку?

— Именно.

— Но он не станет нашим человеком.

— Мне не нужен его донос. Мне нужно, чтобы Спартак увидел, что даже его самые близкие могут оказаться беспомощными перед Римом. Пусть он снова и снова вспоминает, что не смог защитить друга.

Варрон вернулся к столу.

Он уже начинал понимать, что Спартака невозможно купить обычным способом. Значит, следовало заставить его платить за собственные убеждения — не деньгами и не уступками, а тревогой, бессонными ночами и страхом потерять тех, кто ему дорог.

Но в одном римлянин ошибался: он считал, что пережитая боль обязательно сделает человека слабее.

Иногда она делает его осторожнее. Иногда — мудрее. А иногда открывает в нём такую силу, о которой он сам прежде не подозревал.

И Спартак, ожидавший возвращения друга, ещё не знал, что скоро ему предстоит увидеть Ликона совсем другим человеком — человеком, который принёс из римского лагеря не только воспоминания о плене, но и страшную весть о готовящемся ударе по всей восточной долине.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТЬМЫ

Прошло три дня.

В Орестее уже привыкли к тому, что Спартак почти не покидал совета старейшин. Он выслушивал гонцов, изучал сообщения разведчиков, проверял дороги и переправы. Но мысли его всё время возвращались к Ликону.

Он знал друга с детства и понимал: тот не станет просить о помощи, даже если окажется перед лицом смерти. Ликон всегда был таким. Не любил громких слов, не искал опасностей, но если однажды принимал решение, отступить его было почти невозможно.

Утром четвёртого дня у ворот поселения появился всадник. Он ехал медленно, словно каждое движение причиняло ему боль. Стражники сначала приняли его за раненого путника, но, когда тот приблизился, один из них узнал Ликона.

— Спартак! — крикнул он. — Ликон вернулся!

Спартак вышел из дома прежде, чем успел надеть плащ.

У ворот стоял его друг. Лицо осунулось, на скуле темнел след от удара, одежда была запылена. Но глаза оставались прежними.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Я думал, ты задержишься, — наконец произнёс Спартак.

— А я думал, ты встретишь меня с большим почётом, — ответил Ликон.

Спартак рассмеялся и обнял его.

Это был короткий, крепкий объятие двух людей, которым не требовалось объяснять друг другу, что они чувствуют.

— Ты ранен?

— Ничего серьёзного.

— Тебя били?

— Варрон пытался разговаривать со мной. Иногда его люди помогали ему подбирать нужные слова.

Спартак нахмурился.

— Пойдём. Тебе нужно отдохнуть.

— Сначала я должен кое-что рассказать.

В доме Дракона собрались Спартак, Севт и сам Ликон. Аурелия принесла воду и пищу, но, заметив усталость гостя, не стала задавать вопросов. Она только положила ему на плечи тёплый плащ.

Ликон поблагодарил её и начал рассказ.

— Варрон действительно отпустил меня. Но не потому, что передумал. Он хотел, чтобы я вернулся сюда.

— Зачем? — спросил Севт.

— Чтобы я рассказал вам то, что узнал в лагере.

— И что же ты узнал?

Ликон посмотрел на Спартака.

— Они готовят большой поход. Не обычный набег и не очередную попытку захватить несколько поселений. Варрон собирает силы для удара по восточной долине.

Спартак придвинулся к столу.

— Откуда тебе известно?

— В лагере я видел карты. Меня держали в помещении рядом с комнатой, где собирались офицеры. Я не всё слышал, но достаточно, чтобы понять их намерения. Они собираются занять несколько высот, перекрыть дорогу к Орестее и отрезать восточные поселения от остальных.

— Когда?

— В ближайшие дни. Точной даты я не знаю.

Севт встал и прошёлся по комнате.

— Значит, освобождение Ликона было частью плана.

— Возможно, — ответил тот. — Варрон не скрывал, что рассчитывает на меня. Он думал, что я вернусь испуганным и буду убеждать тебя принять его условия.

— А ты вместо этого привёз нам предупреждение.

— Я не мог поступить иначе.

Спартак внимательно смотрел на друга.

— Ты понимаешь, что теперь римляне могут обвинить тебя в предательстве?

Ликон усмехнулся.

— Они уже считают меня неблагодарным пленником. Думаю, хуже не станет.

— Ты мог остаться в стороне. Уехать на юг, как мы и договаривались.

— Мог. Но тогда я всю жизнь знал бы, что промолчал, когда мог предупредить тебя.

Спартак опустил голову.

— Я не хотел, чтобы ты снова оказался втянут в эту борьбу.

— А я не хотел, чтобы ты однажды проснулся и обнаружил, что твой друг предпочёл собственную безопасность.

Они замолчали.

Дракон, до этого внимательно слушавший разговор, наконец произнёс:

— Иногда человек возвращается домой не потому, что опасность миновала. Он возвращается потому, что понял, где его место.

Ликон благодарно посмотрел на старика.

К полудню собрался совет.

Старейшины были удивлены возвращением Ликона и ещё больше — его сообщением. Спартак не стал скрывать ни одного обстоятельства.

— Если Варрон действительно готовит поход, мы не можем ждать, пока его войско появится у наших домов, — сказал он. — Но и бросаться навстречу римлянам нельзя. Нам нужно понять, каким путём они намерены двигаться.

— Восточная долина слишком велика, — заметил Фрагон. — Мы не сможем защитить каждую тропу.

— И не должны пытаться, — ответил Спартак. — Нужно сохранить связь между поселениями, вывести женщин и детей из наиболее уязвимых мест, спрятать запасы продовольствия и подготовить безопасные пути отхода.

— А если римляне захватят высоты? — спросил Берик.

— Тогда мы не позволим им использовать высоты для окружения наших людей. Они могут занять камни и дороги, но не должны получить возможность диктовать нам, где жить и куда идти.

Орест одобрительно кивнул.

— Нужно предупредить все поселения.

— Я уже отправил гонцов, — сказал Спартак. — Но теперь нам необходимо действовать согласованно. Если каждый начнёт защищать только собственный дом, Варрон разобьёт нас поодиночке.

Тир поднялся.

— Артаб готов принять людей из соседних поселений, если понадобится эвакуация.

Фрагон предложил предоставить фураж и зерно для тех, кто будет вынужден покинуть восточную долину. Берик согласился выставить дополнительные дозоры на северной дороге.

Так постепенно совет превращался из собрания старейшин в настоящий орган общего управления.

Спартак не требовал, чтобы ему подчинялись беспрекословно. Он выслушивал каждого, спорил, иногда менял собственное решение, если слышал разумный довод. Но теперь люди всё чаще смотрели на него, ожидая не приказа, а ответа.

И это было, пожалуй, самым тяжёлым из всего, что принесла ему борьба с Римом.

В тот же день в восточную долину отправились Котис и Ремет. С ними были ещё трое опытных разведчиков.

Они двигались по лесным тропам, избегая открытых дорог. К вечеру добрались до старой каменоломни, откуда просматривался южный склон. Здесь Котис заметил следы многочисленных повозок.

— Смотри, — тихо сказал он Ремету.

На земле виднелись свежие колеи. Рядом валялась сломанная ветка, а на камне остался след сапога с римским рисунком подошвы.

— Они уже идут, — произнёс Ремет.

— Не обязательно. Возможно, только готовят дорогу.

Разведчики поднялись на небольшой уступ. Вдали, между деревьями, двигались несколько десятков воинов. За ними тянулись повозки.

Котис долго наблюдал за колонной.

— Это не весь отряд.

— Сколько их?

— Не знаю. Но если здесь столько, сколько мы видим, значит, основные силы ещё впереди.

Они не стали приближаться. Их задачей было не вступить в бой, а вернуться с точными сведениями.

Однако на обратном пути случилось неожиданное.

Из-за деревьев вышли трое вооружённых мужчин. Они были одеты по-фракийски, но один держал короткое римское копьё.

— Стойте! — крикнул он.

Котис мгновенно поднял лук.

— Кто вы такие?

— Люди, которые не хотят, чтобы вы погибли из-за чужой войны, — ответил незнакомец.

— Тогда не стойте у нас на дороге.

Мужчина усмехнулся.

— Передайте Спартаку, что восточная долина уже не та, какой он её оставил.

— Сам передашь, если есть что сказать.

Незнакомец не ответил. Он сделал шаг назад и исчез между деревьями. Двое остальных последовали за ним.

Котис хотел броситься следом, но Ремет удержал его.

— Не надо. Это может быть ловушка.

Они продолжили путь, стараясь не оставлять следов.

Вечером Спартак получил донесение разведчиков.

— Повозки идут к каменоломне, — сообщил Котис. — Мы видели большой отряд. И ещё встретили троих фракийцев, которые, похоже, работают на римлян.

— Они назвали себя?

— Нет. Один из них передал странные слова: «Восточная долина уже не та, какой он её оставил».

Спартак задумался.

— Значит, Варрон начал готовить почву заранее.

— Возможно, там есть люди, готовые открыть ему дорогу, — сказал Севт.

— Или те, кто боится сопротивляться.

Спартак подошёл к карте и долго изучал восточную часть долины.

— Завтра отправимся туда. Но не всем отрядом. Севт, ты останешься здесь и будешь координировать дозоры. Я возьму Котиса, Ремета и двенадцать воинов. Ликон тоже останется.

— Нет, — возразил Ликон.

— Ты ещё не восстановился.

— Я знаю эту местность лучше многих. И если римляне готовят удар, я могу быть полезен.

— Ты только что вернулся из плена.

— Именно поэтому я знаю, чего они хотят добиться.

Спартак посмотрел на друга. Возражать было трудно, но он не хотел подвергать его новой опасности.

— Хорошо. Но ты будешь действовать только по моему приказу.

Ликон улыбнулся.

— Вот теперь я узнаю старого Спартака.

В ту ночь Варрон получил донесение о возвращении Ликона.

Гай стоял у стола, ожидая реакции начальника.

— Он рассказал Спартаку о наших передвижениях, — произнёс Варрон.

— Значит, освобождение оказалось ошибкой?

— Нет. Мы узнали, что он не поддался давлению. Это тоже полезно.

— Теперь Спартак подготовится.

— Пусть готовится. Я не собираюсь повторять прежние ошибки.

Варрон указал на карту восточной долины.

— Здесь находятся три поселения. Между ними нет единой обороны. Мы займём высоты, перекроем дорогу и вынудим их отступить к реке.

— А если Спартак ударит по нашим флангам?

— Он не успеет. Наши люди уже договорились с теми, кто живёт в долине.

Гай понял, что речь идёт о местных проводниках.

— Они действительно помогут нам?

— Они боятся потерять дома, скот и семьи. Страх — надёжный союзник, если правильно его направить.

Варрон провёл пальцем по карте.

— Но на этот раз мы не станем просто требовать покорности. Мы покажем им, что сопротивление опасно даже для тех, кто не держит оружия.

Он поднял глаза на Гая.

— Приготовь отряд. Через два дня мы должны быть у каменоломни.

Перед рассветом Спартак вышел из дома.

Мирта уже не спала. Она сидела у очага и перебирала травы для лекарственных настоев.

— Ты уходишь? — спросила она.

— На восток. Ненадолго.

Она поднялась и подошла к нему.

— Каждый раз ты говоришь, что ненадолго.

Спартак обнял её.

— Я постараюсь вернуться раньше, чем ты успеешь соскучиться.

— Не обещай того, чего не можешь знать.

Он посмотрел ей в глаза.

— Тогда обещаю другое. Я буду помнить, что здесь меня ждут.

Мирта поправила ему застёжку плаща.

— Этого достаточно. Только возвращайся не одним телом, Спартак. Возвращайся собой.

Он поцеловал её в лоб и вышел.

У ворот его уже ждали Ликон, Котис, Ремет и воины.

Солнце только начинало подниматься над горами. Долина ещё спала, не подозревая, что совсем скоро станет местом нового столкновения.

Спартак оглянулся на поселение, затем повернул коня к востоку.

Он ещё не знал, что среди тех, кто обещал Варрону открыть дорогу римлянам, находился человек, которому когда-то доверял один из самых близких его соратников. И что предстоящая встреча заставит его впервые усомниться не в силе врага, а в прочности собственного союза.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ТРЕЩИНА В СОЮЗЕ

Дорога к восточной долине петляла между лесистыми склонами. После ночного дождя земля размякла, и кони шли осторожно, выбирая места, где копыта не скользили по камням.

Спартак ехал впереди. Рядом держался Ликон. Они почти не разговаривали, прислушиваясь к лесу и поглядывая на высоты. За ними следовали Котис, Ремет и двенадцать воинов.

— Здесь раньше проходили караваны, — наконец произнёс Ликон. — Мой дядя водил по этой дороге торговцев. До прихода римлян она была безопасной.

— А теперь?

— Теперь каждый куст может оказаться чьим-нибудь дозором.

Спартак усмехнулся.

— Ты стал осторожнее.

— В римском лагере быстро понимаешь, что осторожность иногда полезнее храбрости.

— А иногда мешает действовать.

— Поэтому хорошо, когда рядом есть человек, который способен отличить одно от другого.

Спартак посмотрел на друга и улыбнулся. На короткое мгновение ему показалось, что они снова мальчишки, которым предстоит обычное путешествие через горы. Но впереди уже показались первые дома восточного поселения, и воспоминание исчезло.

Поселение называлось Дерес. Оно располагалось на небольшом возвышении над рекой. Несколько десятков домов, кузница, зерновые амбары и пастушьи загоны были окружены деревянной оградой. Люди здесь занимались земледелием, разводили скот и торговали с соседями.

Старейшина поселения, Арист, встретил Спартака у ворот.

— Рад, что ты приехал, — сказал он. — Но, признаться, не ожидал увидеть тебя так скоро.

— Мы получили сведения о римском отряде. Говорят, они движутся к каменоломне.

Арист нахмурился.

— Люди действительно видели повозки. Но я не уверен, что это войско. Возможно, римляне просто перевозят припасы.

— Ты связывался с соседними поселениями?

— С двумя. Одно подтвердило, что на южной дороге появились вооружённые люди. Другое пока молчит.

— Почему?

Арист пожал плечами.

— Их старейшина, Деметрий, не желает вмешиваться в дела Спартака.

Ликон, стоявший рядом, внимательно посмотрел на старика.

— А кто убеждал его не вмешиваться?

Арист не сразу ответил.

— Сначала приходили торговцы. Потом какой-то римский человек. Говорили, что союз с вами принесёт только войну.

— И Деметрий согласился? — спросил Спартак.

— Он сказал, что хочет сохранить мир.

Спартак оглядел поселение. Люди наблюдали за прибывшими из-за оград и дверей домов. В их взглядах не было враждебности, но тревога чувствовалась повсюду.

— Мир не сохраняется сам собой, — сказал он. — Иногда его нужно защищать.

После короткого отдыха Спартак попросил Ариста собрать нескольких жителей, которые хорошо знали окрестности.

Пришли четверо мужчин. Среди них был широкоплечий земледелец по имени Борис, старый пастух Ладар и молодой кузнец Эврик.

— Нам нужно узнать, какие дороги сейчас контролируют римляне, — объяснил Спартак. — И кто помогает им передвигаться по долине.

Ладар первым заговорил:

— Вчера вечером я видел у южного склона троих незнакомцев. Один из них говорил по-нашему, но носил римский плащ.

— Ты узнал его? — спросил Котис.

— Лица не разглядел. Но он был высокий, с рубцом на шее.

Ликон нахмурился.

— Я видел такого человека у торгового поста.

— Кто он? — спросил Спартак.

— Не знаю имени. Он часто разговаривал с Гаем. Кажется, его зовут Сатир.

— Значит, римляне используют местных проводников, — произнёс Спартак.

Борис неожиданно вмешался:

— А что вы предлагаете нам делать? У нас дети, старики, скот. Если начнётся бой, кто будет защищать наши дома?

— Мы не пришли требовать, чтобы вы воевали, — ответил Спартак. — Но вы должны понимать, что римляне не остановятся потому, что вы не взяли оружие. Им нужны дороги, зерно и власть над долиной.

— А если мы договоримся с ними?

— Тогда они потребуют ещё. Сегодня — зерно, завтра — воинов, послезавтра — право решать, кто будет вашим старейшиной.

Борис опустил глаза.

— Я не хочу потерять всё, что у меня есть.

— Я тоже, — спокойно сказал Спартак. — Поэтому и пришёл.

Вскоре разведчики вернулись с тревожными известиями.

Они обнаружили у каменоломни свежий лагерь, в котором находилось не менее ста пятидесяти римских воинов. Рядом стояли повозки с продовольствием и оружием. Ещё один отряд двигался по южной дороге.

— Они собираются занять высоты, — сообщил Котис. — На склоне уже начали устанавливать деревянные заграждения.

— Сколько времени потребуется, чтобы они вышли к Дересу? — спросил Спартак.

— Если пойдут без остановки, завтра к вечеру.

Ликон внимательно изучил карту.

— Они не станут идти прямо к поселению. Сначала займут переправу, потом перекроют северную тропу. Тогда Дерес окажется отрезанным.

— Значит, мы должны опередить их, — сказал Спартак.

Ремет указал на узкую дорогу, проходившую вдоль скального уступа.

— Здесь можно задержать передовой отряд. Но если римляне обойдут нас через южный склон, мы окажемся между двух сил.

Спартак некоторое время молчал.

— Мы не будем принимать бой здесь. Сначала предупредим соседние поселения и обеспечим отход жителей. Затем займём позиции у переправы. Если римляне захотят пройти, им придётся показать, что они собираются делать.

— А если они начнут нападение? — спросил Ликон.

— Тогда будем защищаться.

Вечером к Спартаку пришёл молодой воин из соседнего поселения. Он назвался Мероном и сообщил, что старейшина Деметрий согласился встретиться с ним.

— Когда? — спросил Спартак.

— Завтра утром. Но он просил, чтобы ты приехал без большого отряда.

Ликон насторожился.

— Почему он не пришёл сам?

— Сказал, что не может покинуть поселение.

— А кто отправил тебя?

— Старейшина.

Спартак внимательно посмотрел на юношу.

— Ты давно служишь у Деметрия?

— С детства. Мой отец был его другом.

— Тогда передай ему, что я приеду с двумя спутниками. Но встреча должна состояться на открытом месте, не в лесу и не у римского поста.

Мерон кивнул и ушёл.

Когда он скрылся за воротами, Ликон сказал:

— Мне не нравится этот юноша.

— Почему?

— Он слишком быстро отвечал. И ни разу не посмотрел тебе в глаза.

— Это ещё ничего не доказывает.

— Я знаю. Но после римского плена научился замечать мелочи.

Спартак положил руку ему на плечо.

— Тогда завтра будешь рядом со мной.

Утром Спартак, Ликон и Севт отправились на встречу с Деметрием. Остальные воины остались неподалёку, в укрытии между деревьями.

Место встречи находилось у старого святилища, где когда-то собирались жители нескольких поселений. Каменные плиты были покрыты мхом, а вокруг росли высокие дубы.

Деметрий уже ждал их.

Это был седой, худощавый человек с усталым лицом. Рядом стояли двое молодых воинов.

— Спартак, — произнёс он. — Я слышал о твоих победах и о твоих бедах.

— Надеюсь, ты слышал и о том, что мы не заставляем никого присоединяться к нам силой.

— Слышал. Но я также знаю, что там, где появляется твой союз, вскоре появляются римляне.

— Римляне появились задолго до нашего союза.

Деметрий вздохнул.

— Возможно. Но мне нужно сохранить людей.

— Тогда почему ты не хочешь объединить силы с соседями?

— Потому что не хочу, чтобы мои люди умирали за чужие решения.

Спартак посмотрел ему прямо в глаза.

— А если завтра римляне потребуют отдать им зерно, а послезавтра — молодых мужчин? Ты тоже назовёшь это чужим решением?

Старик промолчал.

Ликон внимательно наблюдал за ним. Что-то в поведении Деметрия казалось ему знакомым, но он пока не мог понять, что именно.

— Кто разговаривал с тобой от имени Рима? — спросил Спартак.

— Один торговец. Потом человек по имени Сатир.

Ликон резко повернулся к нему.

— Сатир был у тебя?

— Да. Он обещал, что римляне не станут трогать наше поселение, если мы не будем помогать Спартаку.

— И ты поверил?

— Я хотел поверить.

В этот момент один из молодых воинов, стоявших позади Деметрия, невольно сделал шаг назад.

Ликон заметил движение.

— Спартак, осторожно!

Но было поздно.

Из-за деревьев послышался резкий свист. Стрела ударила в каменную плиту возле ног Севта. Почти одновременно на склоне показались вооружённые люди.

Спартак выхватил меч.

— К деревьям! Не рассыпаться!

Трое фракийцев, скрывавшихся неподалёку, бросились к ним. Ликон успел оттолкнуть Деметрия за каменный выступ, прежде чем вторая стрела пролетела над его плечом.

Севт прикрыл Спартака щитом.

Нападавшие не спешили вступать в открытый бой. Они стреляли из укрытий, пытаясь отрезать фракийцам путь к лесу.

— Это римляне? — крикнул Деметрий.

— Теперь уже неважно! — ответил Спартак. — Уходи к своим людям!

Спартак понял, что целью нападения была не случайная стычка. Кто-то знал о встрече и заранее подготовил засаду.

Вместе с Севтом и Ликоном он пробился к ближайшим деревьям. Остальные воины прикрывали отход. Один из них получил ранение в плечо, но товарищи успели увести его из-под обстрела.

Когда они достигли лесной тропы, стрельба постепенно стихла.

Нападавшие не преследовали их.

Лишь оказавшись в безопасном месте, Спартак остановился.

— Деметрий жив? — спросил он.

— Жив, — ответил Ликон. — Я видел, как его увели двое его людей.

— А те, кто напал?

— Среди них были фракийцы. Я узнал одного. Он служил у Деметрия.

Спартак нахмурился.

— Значит, старейшина мог ничего не знать о засаде.

— Или знал, — сказал Севт.

— Пока не будем обвинять его без доказательств.

К ним подошёл Котис. Он вернулся из дозора и принёс ещё одну новость.

— На южной дороге появились римские всадники. Их не меньше двадцати. Они движутся к переправе.

Спартак посмотрел на восток.

Теперь всё складывалось в единую картину. Варрон не просто собирал войско. Он заранее создавал среди фракийцев страх и недоверие, используя тех, кто соглашался сотрудничать ради собственной безопасности.

Но сегодняшний удар показал, что враг готов перейти от угроз к открытому устранению тех, кто мешает его планам.

— Возвращаемся в Дерес, — приказал Спартак. — Нужно предупредить жителей и отправить гонца в Орестею.

— А Деметрий? — спросил Ликон.

— Его судьбу мы ещё выясним.

Когда Спартак вернулся в Дерес, у ворот его встретил Арист.

— Римляне уже близко, — сказал старейшина. — Люди напуганы. Некоторые требуют немедленно покинуть поселение.

— Пусть собирают самое необходимое. Женщины, дети и старики должны быть готовы к отходу. Но паники не будет.

— А если римляне войдут сюда?

Спартак посмотрел на старейшину.

— Тогда они увидят, что перед ними не беззащитные люди, которых можно согнать с земли одним приказом.

Арист кивнул.

Ликон остался у ворот, наблюдая за дорогой. Севт отправился к воинам, чтобы подготовить оборону. Котис и Ремет вновь ушли в разведку.

Вечером Спартак получил короткую записку из Орестеи. Дракон сообщал, что к поселению прибыл человек, назвавшийся представителем Деметрия. Он утверждал, что старейшина не причастен к нападению и просит о помощи.

Спартак перечитал сообщение.

Если Деметрий действительно оказался жертвой заговора, его следовало спасти. Но если он сам участвовал в ловушке, помощь могла обернуться новой бедой.

За окном сгущалась темнота. На юге, за невысокими холмами, уже мерцали огни римского лагеря.

Спартак подошёл к двери и долго смотрел на далёкие костры.

Он понимал, что предстоящая битва может оказаться не самой тяжёлой из тех, что ему доведётся пережить. Гораздо опаснее было другое: Рим научился превращать страх в оружие, а доверие — в уязвимость.

И если фракийцы не сумеют сохранить веру друг в друга, Варрону, возможно, даже не придётся поднимать меч.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИЛИ СТРАХ

Ночь в Дересе выдалась тревожной.

Жители почти не спали. Мужчины проверяли ограды и готовили оружие, женщины собирали детей и укладывали в мешки самое необходимое. Старики сидели у очагов, прислушиваясь к каждому звуку за стенами домов.

Спартак обходил поселение вместе с Севтом. Он старался не показывать беспокойства, но понимал: если римляне начнут наступление на рассвете, удержать Дерес будет непросто.

— Люди боятся, — заметил Севт.

— Имеют право.

— Не все останутся.

— Я не стану удерживать тех, кто хочет уйти.

Севт остановился.

— А если уйдут все?

Спартак посмотрел на освещённые окна домов.

— Тогда мы будем защищать тех, кто останется. Но я не позволю превратить страх в преступление. Каждый человек должен сам решить, готов ли он сражаться.

Они подошли к воротам. Там дежурил Ликон, разговаривавший с молодым воином.

— Есть новости? — спросил Спартак.

— Пока нет. Но я заметил движение у южного склона. Возможно, римляне выставили дополнительные дозоры.

— Не приближайся к ним без необходимости.

— Я знаю.

Ликон помолчал, затем добавил:

— Спартак, насчёт Деметрия. Мне кажется, его действительно использовали.

— Почему ты так думаешь?

— Когда началась стрельба, он не пытался бежать. Он защищал своих людей, хотя прекрасно понимал, что может погибнуть. Я видел его лицо. Он был не похож на человека, который заранее знал о засаде.

— Это ещё не доказательство.

— Конечно. Но я бы не спешил считать его предателем.

Спартак кивнул.

— Я тоже.

На рассвете к Дересу подошёл гонец из Орестеи.

Это был молодой воин по имени Дамас. Он передал Спартаку письмо от Дракона и сообщил, что в Орестее задержан незнакомец, который пытался проникнуть в поселение под видом торговца.

— При нём нашли письмо, — сказал гонец. — В нём упоминаются Деметрий, Сатир и южная дорога.

Спартак развернул табличку.

Письмо было коротким. В нём говорилось, что после устранения Спартака восточные поселения должны признать власть Рима, а Деметрий получит право управлять долиной под покровительством Варрона.

Спартак медленно сложил табличку.

— Значит, кто-то действительно готовил моё убийство.

— Или хочет, чтобы мы поверили именно в это, — заметил Севт.

— Верно. Но теперь у нас есть имя человека, которого нужно найти.

— Сатир?

— Да.

Ликон нахмурился.

— Я видел его в римском лагере. Он не просто проводник. Он знает местных людей, их семьи и старые распри. Возможно, именно поэтому Варрон ему доверяет.

Спартак повернулся к гонцу.

— Передай Дракону, чтобы незнакомца пока не казнили и не отпускали. Пусть выяснят, кто его послал и кому предназначалось письмо.

— Будет исполнено.

Вскоре после полудня к Дересу вернулся Деметрий.

Он пришёл пешком, без охраны. Его одежда была испачкана, на лбу виднелась рассечённая рана.

Стражники уже хотели схватить его, но Спартак приказал пропустить.

— Ты жив, — произнёс он.

— Как видишь.

— Где твои люди?

— Часть осталась в поселении. Другие ушли в горы. После вчерашнего нападения я больше никому не могу доверять.

— Ты знаешь, кто устроил засаду?

Деметрий тяжело опустился на скамью.

— Теперь знаю. Сатир приходил ко мне несколько раз. Он говорил, что Рим не хочет войны с простыми людьми, что достаточно отказаться от союза с тобой и сохранить нейтралитет. Я поверил ему.

— А потом?

— Потом он попросил разрешения провести через наши земли небольшой отряд. Сказал, что это торговая охрана. Я отказал. Тогда он начал угрожать.

— Почему ты не предупредил соседей?

Деметрий закрыл лицо руками.

— Потому что испугался. Мне казалось, что если я промолчу, Рим оставит нас в покое. Я думал только о своих людях.

Спартак некоторое время молчал.

— Ты понимаешь, что из-за твоего молчания могли погибнуть другие?

— Понимаю.

— И что люди, которые напали на нас, возможно, действовали по твоему разрешению?

— Я не давал им такого разрешения! Клянусь именем наших богов!

В его голосе прозвучала такая боль, что Спартак невольно отвёл взгляд.

— Кто эти люди?

— Двое моих бывших воинов. Они исчезли несколько недель назад. Я думал, что ушли искать работу. Теперь понимаю, что они служили Сатиру.

Ликон подошёл ближе.

— Ты знаешь, где находится Сатир?

— Он должен был встретиться с Варроном у каменоломни. Я слышал это от одного из его людей.

Спартак поднялся.

— Тогда нам нужно найти его раньше, чем он успеет привести римлян к нашим домам.

В римском лагере Сатир докладывал Варрону о неудаче засады.

— Спартак остался жив, — сказал он. — Его люди ушли в лес.

Варрон раздражённо бросил на стол небольшую деревянную фигурку.

— Я поручил тебе устроить нападение, а не испугать его стрелами.

— Он был хорошо защищён.

— Ты должен был знать, что он не станет приезжать на встречу без охраны.

Сатир опустил голову.

— Я рассчитывал на Деметрия. Он обещал привести Спартака без большого отряда.

— Деметрий оказался слабее, чем ты думал.

— Он испугался.

— Страх хорош до тех пор, пока человек действует так, как тебе нужно. После этого он становится бесполезным.

Варрон подошёл к карте.

— Сколько людей у Спартака сейчас?

— Не больше двадцати в Дересе. Остальные могут находиться в соседних поселениях.

— А союзники?

— Их больше, чем прежде. Старейшины начинают действовать сообща.

Варрон задумался.

— Значит, пора прекратить мелкие игры. Мы займём переправу, затем высоты. Пусть Спартак попробует удержать всю долину, когда его люди окажутся разделены.

Сатир указал на северную дорогу.

— Есть ещё один путь. Через старую каменоломню. Там почти нет охраны.

— Тогда проведёшь туда отряд.

— Сам?

— Именно. Ты знаешь дорогу лучше остальных.

Сатир побледнел.

— А если фракийцы обнаружат нас?

Варрон холодно посмотрел на него.

— Тогда тебе придётся доказать, что твоя верность Риму стоит тех обещаний, которые ты получил.

К вечеру Спартак решил отправиться к каменоломне.

С ним пошли Ликон, Севт, Котис, Ремет и ещё восемь воинов. Деметрий остался в Дересе, обещав собрать людей и подготовить убежища для жителей.

Дорога проходила через густой лес. Спартак двигался осторожно, несколько раз останавливаясь, чтобы проверить следы.

Вскоре Котис заметил свежие отпечатки конских копыт.

— Они прошли здесь недавно.

— Сколько? — спросил Севт.

— Не меньше двадцати всадников. Возможно, больше.

Спартак присел и провёл пальцами по влажной земле.

— Они направляются к каменоломне.

— Значит, Варрон начинает наступление, — произнёс Ликон.

— Или хочет, чтобы мы так думали.

Спартак поднялся.

— Котис, отправляйся к Дересу. Предупреди Деметрия. Пусть немедленно выведет людей из наиболее уязвимой части поселения.

— А вы?

— Мы проверим дорогу.

Котис хотел возразить, но увидел выражение лица Спартака и не стал спорить.

У каменоломни они обнаружили римский дозор.

Пятеро воинов стояли у поворота, двое сидели возле костра. Спартак жестом приказал своим людям остановиться.

— Мы можем обойти их с северной стороны, — прошептал Ремет.

— Нет. Там открытый склон. Нас заметят.

Ликон указал на старую выработку.

— Внутри есть узкий проход. Он выводит к нижней площадке. Я помню его с детства.

— Ты уверен, что проход не завален?

— Не уверен. Но другого пути нет.

Спартак посмотрел на Севта.

— Останешься здесь с шестью людьми. Если мы не вернёмся до темноты, отправишь гонца в Орестею.

— Я пойду с тобой.

— Нет. Если здесь появится второй отряд, кто-то должен предупредить остальных.

Севт сжал губы, но подчинился.

Спартак, Ликон и ещё трое воинов направились к выработке.

Внутри пахло сыростью и старым камнем. Узкий проход действительно существовал, хотя местами его почти полностью перекрывали обвалившиеся глыбы. Они продвигались медленно, стараясь не шуметь.

Наконец впереди показался свет.

Спартак осторожно выглянул из-за каменного выступа.

На нижней площадке находилось около тридцати римских воинов. Они разгружали повозки, складывая оружие и припасы у стены. Среди них Спартак заметил Сатира.

Тот разговаривал с римским офицером, указывая на дорогу, ведущую к Дересу.

— Теперь мы знаем, куда они направятся, — прошептал Ликон.

Спартак кивнул.

— И знаем, кто их ведёт.

Он уже собирался отступить, когда услышал голос Сатира:

— Спартак не станет ждать. Он обязательно придёт сюда, если узнает, что мы готовим проход.

Офицер рассмеялся.

— Тогда мы встретим его здесь.

Спартак почувствовал, как внутри поднимается гнев. Но он заставил себя остаться неподвижным.

Перед ним находился человек, который готовил гибель его людей, прикрываясь обещаниями мира. И сейчас у Спартака была возможность убить его одним выстрелом из лука.

Однако он не стал поднимать оружие.

Ему нужно было больше, чем месть.

Он хотел знать, сколько римлян собирается войти в долину и кто ещё помогает им.

Спартак осторожно отступил в темноту.

Когда они вернулись к Севту, солнце уже клонилось к закату.

— Что вы узнали? — спросил тот.

— Сатир готовит проход для римского отряда. В каменоломне не меньше тридцати воинов, а основные силы, вероятно, находятся дальше.

— Значит, они хотят ударить по Дересу.

— Да. Но теперь мы можем опередить их.

Спартак разложил карту на большом камне.

— Римляне рассчитывают пройти через каменоломню и выйти к переправе. Если мы займём северный склон, они окажутся перед узким проходом. Но нам нельзя допустить, чтобы они обошли его с юга.

Севт внимательно изучил карту.

— Можно привлечь людей Деметрия.

— Если он действительно готов исправить свою ошибку.

— Ты ему доверяешь?

Спартак помолчал.

— Нет. Но я готов дать ему возможность доказать, что он достоин доверия.

Ликон посмотрел на друга.

— Ты всегда был таким.

— Каким?

— Иногда слишком добрым к тем, кто уже успел тебя разочаровать.

Спартак улыбнулся.

— А ты всегда был слишком суров к тем, кто ошибался.

— Возможно. Но иногда именно это спасает жизнь.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Смех был коротким, но в нём чувствовалась прежняя дружба, которую не смогли уничтожить ни плен, ни страх, ни война.

Поздно ночью из Орестеи прибыл гонец.

Он передал Спартаку сообщение от Дракона: римский отряд уже пересёк южную границу долины. Его численность неизвестна, но впереди движутся всадники, а за ними следуют пешие воины.

Спартак поднял голову.

— Значит, времени больше нет.

Он приказал разбудить людей и отправить предупреждение всем поселениям. Дерес должен был готовиться к эвакуации, а воины — занять позиции у переправы.

Ликон подошёл к нему.

— Завтра будет бой?

— Возможно.

— Тогда я буду рядом.

Спартак положил руку ему на плечо.

— Знаю.

Вдали, за лесом, вспыхнуло несколько огней. Затем ещё несколько. Римляне разбивали лагерь, готовясь к утреннему движению.

Ночь медленно уходила в горы.

Спартак понимал, что на этот раз ему предстоит сражаться не за отдельный дом и не за пленников. Он должен был защитить целую долину, людей, которые ещё вчера сомневались в нём, и союз, который только начинал становиться настоящей силой.

Но прежде чем наступит рассвет, ему предстояло узнать, насколько далеко готов зайти Сатир и какую цену Варрон назначил за предательство родной земли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. КРОВЬ У СТАРОЙ ПЕРЕПРАВЫ

Рассвет наступил неожиданно тихо.

Над восточной долиной висел лёгкий туман. Вода в реке казалась неподвижной, а дальние склоны постепенно проступали из серой мглы. Казалось, природа ещё не знала, что через несколько часов здесь может пролиться кровь.

Спартак стоял на возвышении у переправы и рассматривал противоположный берег. Внизу, среди кустарника, его люди занимали заранее выбранные позиции. Одни укрылись за большими камнями, другие расположились вдоль лесной кромки. Несколько воинов наблюдали за дорогой, по которой должен был пройти римский отряд.

Рядом находился Севт.

— Сколько людей удалось собрать? — спросил Спартак.

— Около семидесяти. Из них двадцать пять из Дереса. Остальные пришли из двух соседних поселений.

— А Деметрий?

— Собрал пятнадцать человек. Они готовы защищать переправу.

Спартак посмотрел на старейшину, который стоял неподалёку и разговаривал с Ликоном.

— Он всё-таки решил действовать.

— Возможно, ему надоело бояться, — ответил Севт.

— Иногда человек начинает действовать не тогда, когда перестаёт бояться, а тогда, когда понимает, что больше не может позволить себе бездействие.

В этот момент к ним подошёл Котис.

— Разведчики заметили римлян. Передовой отряд уже на дороге. Не меньше сорока человек.

— Основные силы?

— Пока не видны.

Спартак кивнул.

— Значит, они хотят сначала проверить переправу. Пусть подойдут ближе. Никто не стреляет без приказа.

Римляне появились примерно через час.

Впереди ехали всадники, за ними шли пешие воины. Их командир, высокий мужчина в бронзовом шлеме, остановился у берега и осмотрел противоположную сторону реки.

— Где проводник? — спросил он.

Из-за повозки вышел Сатир.

— Здесь, господин.

— Ты говорил, что переправа свободна.

— Обычно так и было. Но Спартак мог привести сюда людей.

Командир посмотрел на него с презрением.

— Ты слишком часто говоришь о Спартаке. Неужели этот фракиец настолько страшен?

— Он не похож на других.

— Все варвары одинаковы, когда сталкиваются с римским легионом.

Сатир ничего не ответил.

Командир приказал двум всадникам приблизиться к воде. Те медленно двинулись вперёд, внимательно осматривая кусты и камни.

Спартак видел их и ждал.

Когда первый всадник оказался почти посреди переправы, из-за деревьев вышел одинокий фракиец с копьём.

— Дальше не проходите! — крикнул он.

Римляне остановились.

— Кто ты такой? — спросил командир.

— Человек, который предупреждает вас.

— Уйди с дороги.

— Это наша земля.

Командир рассмеялся.

— Теперь она принадлежит Риму.

Он поднял руку, и несколько солдат двинулись вперёд.

Фракиец отступил, но не побежал.

Тогда Спартак подал условный сигнал.

Слева раздался громкий рог. Почти одновременно на склонах появились вооружённые люди. Из укрытий поднялись воины, и римляне впервые увидели, что переправа вовсе не свободна.

Командир резко развернул коня.

— Щиты вперёд! Лучники — к берегу!

Начался бой.

Первые стрелы пролетели над рекой, ударяясь о камни и щиты. Римляне быстро выстроились в боевой порядок, пытаясь прикрыть передовых воинов. Они действовали слаженно, и

Спартак понял, что перед ним не случайный отряд, а хорошо подготовленная часть римского войска.

— Не вступать в ближний бой! — приказал он. — Пусть сами пытаются перейти реку!

Фракийцы продолжали обстреливать противника с высоты, вынуждая римлян держаться у воды. Но командир быстро понял, что лобовая атака не принесёт успеха.

Он приказал части воинов двигаться вдоль берега в поисках другого перехода.

Спартак заметил это.

— Север! Возьми двадцать человек и перекрой северную тропу. Не позволяй им обойти нас.

— Понял!

Север увёл отряд.

В это время Ликон находился у нижнего склона вместе с Деметрием. Они прикрывали небольшую группу лучников.

— Видишь того всадника? — спросил Ликон.

— Которого?

— У повозки. Это Сатир.

Деметрий всмотрелся.

— Проклятый предатель!

Он уже хотел броситься вперёд, но Ликон удержал его.

— Не сейчас. Он находится среди римлян.

— Он погубил моих людей!

— Если бросишься к нему, погубишь и себя.

Деметрий с трудом сдержался.

— Я должен расплатиться с ним.

— Тогда сначала останься жив.

Бой продолжался.

Римляне сумели переправить несколько десятков воинов на противоположный берег, но там их встретили фракийцы, скрывавшиеся за каменными выступами.

Спартак спустился с возвышения и повёл небольшую группу навстречу противнику. Он не стремился к открытому поединку, но понимал, что если римляне закрепятся на берегу, удержать переправу будет значительно труднее.

Один из римских воинов бросился на него с мечом. Спартак уклонился от удара, оттолкнул противника щитом и нанёс короткий удар в бок. Рядом упал другой солдат, поражённый копьём фракийца.

— Держать линию! — крикнул Спартак.

Его голос перекрыл шум боя.

На другом участке переправы римляне начали теснить защитников. Их щиты двигались вперёд почти сплошной стеной. Несколько фракийцев отступили к скалам.

Тогда появился Деметрий.

Старейшина поднял копьё и крикнул своим людям:

— За дома! За детей! Не отдавайте им дорогу!

Его воины бросились вперёд. На короткое время натиск римлян остановился.

Спартак заметил, как Деметрий сражается рядом с Ликоном, и понял, что старейшина действительно решил искупить свою прежнюю слабость.

Но война редко позволяет человеку долго думать о собственных чувствах.

Вскоре к переправе подошла вторая римская группа.

Командир римлян, поняв, что фракийцы удерживают берег, приказал использовать обходную тропу. Несколько воинов направились к старой каменоломне, намереваясь выйти в тыл защитникам.

Но Спартак предусмотрел такую возможность.

На северном склоне уже находились люди Севта. Когда римляне показались между деревьями, фракийцы обрушили на них град стрел и камней.

Римляне отступили.

Однако в суматохе боя Сатир сумел скрыться за повозками и направился к лесу.

Ликон заметил его.

— Спартак! Сатир уходит!

Спартак обернулся и увидел знакомую фигуру, быстро пробиравшуюся между деревьями.

— Не дать ему уйти! — приказал он.

Ликон и двое воинов бросились следом.

Сатир хорошо знал местность и двигался быстро. Он несколько раз менял направление, пытаясь запутать преследователей. Но Ликон знал эти леса не хуже него.

У старого дуба он настиг предателя.

— Стой!

Сатир обернулся и выхватил короткий меч.

— Не приближайся!

— Тебе больше некуда бежать.

— Ты ничего не понимаешь, Ликон. Рим победит. Всегда побеждает тот, у кого больше воинов.

— Тогда почему ты бежишь?

Сатир бросился на него.

Ликон уклонился, перехватил руку противника и ударил его плечом в грудь. Оба упали на землю. Сатир оказался сильнее, но Ликон сумел вывернуться и прижал его руку к корню дерева.

Подоспевшие фракийцы помогли связать пленника.

— Живым? — спросил один из них.

Ликон посмотрел на Сатира.

— Живым. Спартаку нужны его ответы.

К полудню римляне начали отходить.

Они потеряли несколько десятков человек убитыми и ранеными, но и фракийцы заплатили высокую цену. Семеро защитников погибли, ещё двенадцать получили ранения.

Спартак распорядился собрать раненых обеих сторон и оказать им помощь. Некоторых римских солдат, не способных идти, оставили под охраной в доме старейшины.

— Зачем ты помогаешь им? — спросил Деметрий, увидев, как фракийцы перевязывают римского воина.

— Потому что он ранен, — ответил Спартак.

— Но они пришли убивать нас!

— Я знаю. И если мы начнём считать каждого раненого врага существом, которому не положено жить, то очень скоро перестанем отличаться от тех, с кем сражаемся.

Деметрий ничего не сказал.

Он впервые увидел, что Спартак не просто умеет побеждать. Он понимал, ради чего должен побеждать.

Вечером состоялся короткий совет.

Старейшины собрались в доме Ариста. На столе лежала карта долины, рядом стояли чаши с водой и хлеб.

— Мы удержали переправу, — сказал Орест, прибывший из Орестеи после получения известия о бое. — Но римляне вернутся.

— Вернутся, — согласился Спартак. — И в следующий раз приведут больше людей.

— Что теперь делать? — спросил Фрагон.

Спартак посмотрел на собравшихся.

— Теперь мы должны превратить эту победу в общий успех. Нельзя ограничиваться тем, что мы отразили один отряд. Нужно укрепить связь между поселениями, создать запасы продовольствия и установить постоянные дозоры. И самое главное — разобраться с теми, кто помогает Риму.

Берик поднял голову.

— Сатир?

— Не только он. У него были помощники. Но сначала мы должны выслушать его самого.

— А Деметрий? — спросил Тир.

Спартак повернулся к старейшине восточного поселения.

— Деметрий ошибся. Его страх едва не привёл к гибели других людей. Но сегодня он сражался рядом с нами и рисковал собственной жизнью. Я не вижу оснований лишать его доверия, если он сам готов исправить содеянное.

Деметрий встал.

— Я не прошу забыть мою ошибку. Но прошу дать мне возможность доказать, что я ещё достоин быть старейшиной.

Орест кивнул.

— Тогда докажи это делами.

Поздно ночью Спартак пришёл к реке.

Луна отражалась в воде, и течение медленно уносило обломки сломанных щитов и ветви, принесённые боем. На берегу стояли несколько воинов, охранявших место переправы.

Ликон подошёл к нему.

— Сатир под охраной. Он молчит.

— Заговорит.

— Ты уверен?

— Каждый человек что-нибудь боится потерять. Нужно только понять, что именно.

Ликон посмотрел на друга.

— Сегодня ты снова спас людей.

— Не всех.

— Так будет всегда, Спартак. Ты не сможешь спасти каждого.

Спартак долго смотрел на воду.

— Я знаю. Но не хочу привыкать к этому.

Ликон ничего не ответил.

Они стояли рядом, слушая шум реки. Впервые за много дней Спартак чувствовал не только тревогу, но и некоторое облегчение. Люди выдержали испытание. Союз не распался. Деметрий вернулся к своим, а Сатир оказался в плену.

Но на другом берегу уже горели новые костры.

Варрон не потерпел окончательного поражения. Он потерял переправу, людей и одного из своих самых полезных проводников. И теперь ему предстояло решить, каким образом заставить фракийцев заплатить за эту неудачу.

А Спартак ещё не знал, что пленённый Сатир хранит тайну, способную изменить не только ход войны в восточной долине, но и судьбу самого Ликона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ТАЙНА САТИРА

Утро после сражения началось с тяжёлой работы.

Погибших хоронили за поселением, на небольшом холме, откуда открывался вид на реку и дальние горы. Мужчины выкапывали могилы, женщины приносили воду и ткань для погребальных обрядов. Раненые лежали в домах и под навесами. Среди них были и фракийцы, и римляне.

Спартак с самого утра обходил раненых. Он останавливался возле каждого, спрашивал о самочувствии, распоряжался принести воду или позвать лекаря.

В одном из домов лежал молодой римский солдат с глубокой раной на бедре. Он был совсем юным, почти мальчиком. Когда Спартак вошёл, пленник попытался приподняться.

— Лежи, — сказал Спартак.

— Ты… Спартак?

— Да.

Римлянин с трудом сглотнул.

— Я думал, ты прикажешь нас убить.

— Я не убиваю раненых.

Солдат отвернулся к стене.

— Для Рима это не имеет значения. Нас всё равно считают расходным материалом.

Спартак внимательно посмотрел на него.

— Как тебя зовут?

— Марк.

— Сколько тебе лет, Марк?

— Семнадцать.

Спартак на мгновение замолчал. Семнадцать. Возраст, когда человек ещё должен учиться жить, а не умирать на чужой земле.

— Постарайся поправиться, Марк. Когда сможешь ходить, мы решим, что делать дальше.

Он вышел из дома с тяжёлым чувством. Ему всё чаще приходилось сталкиваться с людьми, которые не выбирали эту войну, но становились её жертвами.

Сатира держали в отдельном помещении бывшего зернохранилища. У дверей стояли двое воинов. Руки пленника были связаны, но обращались с ним без жестокости.

Когда Спартак вошёл, Сатир сидел на деревянной скамье, глядя в пол.

— Ну что, — произнёс он, — пришёл узнать, сколько римлян я привёл к твоим воротам?

— Я пришёл узнать, зачем ты это сделал.

Сатир усмехнулся.

— Разве не ясно? Рим платит. Я выполняю работу.

— За деньги ты готов убивать своих?

— Своих? — переспросил Сатир. — Ты называешь своими тех, кто никогда не делился со мной последним куском хлеба? Тех, кто считал меня человеком второго сорта?

Спартак внимательно посмотрел на него.

— Кто тебя обидел?

— Неважно.

— Важно. Человек редко становится предателем без причины. Но причина не всегда оправдывает его поступки.

Сатир поднял глаза.

— Ты думаешь, что понимаешь меня?

— Нет. Поэтому и спрашиваю.

Пленник долго молчал.

— Когда умер мой отец, — наконец произнёс он, — старейшины отняли у нашей семьи землю. Сказали, что долги нужно платить. Мать умерла от болезни, младший брат ушёл служить к чужим людям. Я остался один. Никто не помог.

— И ты решил отомстить всем?

— Я решил больше никогда не быть слабым.

— Варрон обещал тебе землю?

— Да. Деньги. Защиту. Право жить так, как я хочу.

Спартак слегка наклонил голову.

— А что он обещал людям, которых ты привёл под римские мечи?

Сатир не ответил.

— Ты знаешь, что Варрон собирался сделать с восточной долиной?

— Он хотел занять её.

— И что потом?

— Не знаю.

— Знаешь. Просто не хочешь произносить вслух. Он забрал бы зерно, скот, оружие. А затем потребовал бы людей. Тебе оставалось бы только смотреть, как твои новые хозяева распоряжаются чужими жизнями.

Сатир отвернулся.

— Уходи.

Спартак поднялся.

— Я вернусь. Но не для того, чтобы мучить тебя. Мне нужно знать, кто ещё работает на Варрона.

В тот же день Ликон пришёл к пленнику один.

Он остановился у двери, дождался, пока охранник откроет её, и вошёл.

Сатир поднял голову.

— Ты опять?

— Да.

— Решили по очереди убеждать меня?

— Нет. Я хочу задать один вопрос.

Ликон сел напротив.

— Ты помнишь торговый пост у южной дороги?

— Конечно.

— Ты встречался там с Гаем?

Сатир насторожился.

— А тебе какое дело?

— Я был там незадолго до того, как меня задержали. Видел тебя рядом с ним. Ты разговаривал с человеком, которого я знал ещё в детстве.

— С кем?

— С моим дядей, Астерием.

Сатир впервые заметно изменился в лице.

— Не знаю такого.

— Знаешь. Он много лет водил караваны через южные перевалы. Потом исчез. Мне сказали, что он умер.

Сатир молчал.

Ликон продолжил:

— Я видел его в римском лагере. Он был жив.

Пленник резко поднял голову.

— Ты ошибаешься.

— Нет. Я узнал его голос.

Сатир отвёл взгляд.

— Не говори о том, чего не понимаешь.

— Тогда объясни.

Долгое молчание нарушил шум ветра за стеной.

— Астерий не был обычным проводником, — наконец сказал Сатир. — Он работал с римлянами ещё до появления Варрона. Знал все дороги, все поселения и многие семьи. Именно он познакомил меня с Гаем.

Ликон медленно поднялся.

— Значит, мой дядя жив и помогает Риму?

— Я не знаю, что он делает сейчас. Но именно он рассказал Варрону о тебе.

Ликон замер.

— Что ты сказал?

— Варрон знал, что ты друг Спартака. Знал, где ты живёшь, чем занимаешься, какие дороги используешь. Он получил сведения от Астерия.

Ликон несколько секунд молчал.

В памяти всплыли старые рассказы, семейные разговоры, исчезновение дяди, о котором все предпочитали не вспоминать. Он никогда не думал, что Астерий может оказаться связан с Римом.

— Почему ты раньше не сказал этого Спартаку?

— Потому что хотел сохранить себе жизнь.

— А теперь?

Сатир усмехнулся.

— Теперь я пленник. Мне нечего терять.

Ликон направился к выходу.

— Ты ошибаешься, Сатир. У каждого человека остаётся то, что он ещё может потерять.

Спартак выслушал рассказ Ликона в доме Ариста.

Север тоже присутствовал. Он внимательно следил за лицом друга, понимая, что услышанное оказалось для него болезненным.

— Ты уверен, что речь именно о твоём дяде? — спросил Спартак.

— Да. Я не видел его много лет, но голос не забыл.

— Возможно, Сатир пытается посеять недоверие.

— Я тоже об этом подумал. Но он назвал подробности, которых не мог знать посторонний.

Север нахмурился.

— Если Астерий действительно работает на Варрона, он может знать о нас гораздо больше, чем мы предполагаем.

— Именно поэтому мы должны его найти, — сказал Спартак.

— А если он находится в римском лагере?

— Тогда придётся искать другой способ.

Ликон опустил голову.

— Я не понимаю, почему он так поступил. У нас была хорошая семья. Отец уважал его. Он всегда говорил, что Астерий — человек слова.

Спартак подошёл к нему.

— Иногда человек меняется так постепенно, что даже близкие замечают это слишком поздно.

— Я не хочу верить, что он предал нас.

— Тогда не верь, пока не узнаешь правду. Но и не закрывай глаза на то, что уже известно.

Вечером к Спартаку пришёл гонец из Орестеи. Он привёз письмо от Дракона.

Старик сообщал, что римляне после поражения у переправы отступили к южному посту. Однако Варрон не собирался оставлять восточную долину. Напротив, он отправил туда дополнительный отряд и приказал усилить охрану дорог.

В конце письма Дракон добавил несколько слов:

«Сын мой, победа иногда опаснее поражения. После победы люди начинают верить, что враг слаб. Не позволяй им забывать, с кем мы имеем дело».

Спартак перечитал послание и задумался.

Он знал, что отец прав. Победа у переправы подняла дух фракийцев, но могла породить самоуверенность. Рим не был побеждён. Он лишь отступил, чтобы подготовить следующий удар.

На следующий день Спартак собрал совет.

Среди присутствующих были Орест, Тир, Берик, Фрагон, Пелагон и Деметрий. Ликон также пришёл, хотя держался немного в стороне.

Спартак рассказал о возможной связи Астерия с римлянами.

— Если это правда, — произнёс Орест, — мы должны проверить всех, кто имел доступ к сведениям о наших дорогах и людях.

— Не всех подряд, — возразил Спартак. — Я не хочу, чтобы мы начали видеть предателей в каждом соседе.

— Но и закрывать глаза нельзя, — заметил Берик.

— Не будем. Нужно установить, где находится Астерий, и выяснить, какую роль он играет в римских планах.

Деметрий поднялся.

— Я могу помочь. Астерий когда-то проходил через наши земли. У него были знакомые среди торговцев.

— Хорошо, — ответил Спартак. — Но действовать будем осторожно. Никаких самовольных расправ.

Совет поддержал его.

Затем старейшины обсудили положение восточных поселений. Было решено создать общий запас зерна, установить постоянные дозоры и определить места, куда жители смогут уйти в случае нового нападения.

Впервые за долгое время все участники совета говорили не о собственных интересах, а о будущем долины.

И Спартак понимал: именно это больше всего раздражает Варрона.

Поздно вечером Ликон сидел у костра за пределами поселения.

К нему подошёл Спартак.

— Не спится?

— Нет.

— Думаешь об Астерии?

Ликон кивнул.

— Я вспоминаю, как он учил меня стрелять из лука. Как рассказывал о дальних странах. Как однажды спас меня в горах, когда я сорвался со скалы. Не могу представить, что этот человек сознательно помогал Варрону захватить меня.

Спартак сел рядом.

— Может быть, у него была причина.

— Какая причина оправдывает предательство близких?

Спартак долго смотрел на огонь.

— Не знаю. Но я знаю другое: если мы позволим прошлому решать за нас, то никогда не узнаем, кем человек стал сегодня.

Ликон бросил в костёр небольшую ветку.

— Если он действительно служит Риму, я должен посмотреть ему в глаза.

— Посмотришь.

— И спросишь, почему.

— Да.

Они замолчали.

Над горами медленно поднималась луна. Ветер шевелил ветви деревьев, и где-то далеко перекликались ночные птицы.

В ту же ночь, в римском лагере, Астерий получил сообщение от Гая.

В короткой записке говорилось, что Ликон освобождён, вернулся к Спартаку и теперь знает о его существовании.

Старый проводник долго держал табличку в руках.

Затем медленно произнёс:

— Значит, всё-таки узнал…

Он подошёл к огню и бросил записку в пламя.

На его лице не было ни страха, ни удивления. Только глубокая усталость человека, который слишком долго прятал собственную правду.

А затем он достал из дорожной сумки небольшой кожаный мешочек. Внутри лежала старая бронзовая подвеска — такая же, какую когда-то носил Ликон в детстве.

Астерий сжал её в ладони.

Впервые за многие годы он понял, что прошлое, от которого он пытался убежать, наконец настигло его. И теперь ему придётся решить, останется ли он верным Риму или впервые за долгое время вспомнит, кому на самом деле принадлежит его сердце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ЧУЖАЯ КРОВЬ

Утро выдалось холодным. Ночной ветер принёс с гор сырость, и над долиной ещё долго держался туман. Спартак проснулся до рассвета, но не сразу поднялся с постели. Он лежал, прислушиваясь к звукам поселения: где-то скрипнула дверь, во дворе зашумела вода, негромко переговаривались женщины, готовившие завтрак для мужчин, отправлявшихся на дозор.

Война постепенно входила в повседневную жизнь. Люди уже научились отличать тревожный сигнал от обычного шума, замечать чужие следы на дороге и не оставлять без внимания незнакомого путника. Но Спартак всё чаще думал о другом: как долго народ сможет жить в постоянном ожидании беды, не утратив самого себя?

Он вышел во двор. У колодца стояла Мирта. Она набирала воду в глиняный кувшин и, заметив его, улыбнулась.

— Ты опять почти не спал?

— Немного спал.

— Это не ответ.

Спартак подошёл и взял у неё кувшин.

— Иногда мне кажется, что ты знаешь обо мне больше, чем я сам.

— Возможно, просто я чаще смотрю на тебя, чем ты на себя.

Он улыбнулся, но Мирта заметила, что улыбка получилась невесёлой.

— Что случилось?

— Ликон узнал, что его дядя мог помогать римлянам. Он тяжело это переживает.

— А ты?

— Я переживаю за него. Человек может выдержать удар врага. Но когда удар приходит от близкого, рана бывает глубже.

Мирта поставила кувшин на каменный край колодца.

— Не всегда близкие остаются такими, какими мы их помним. Но это не значит, что нужно отказываться от всего прошлого.

Спартак посмотрел на неё.

— Ты говоришь так, словно знаешь, что будет дальше.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы однажды ты оглянулся и обнаружил, что война забрала у тебя не только покой, но и всё, ради чего ты когда-то хотел жить.

Он ничего не ответил. Только взял её за руку и некоторое время стоял рядом.

Ликон отправился к старому торговцу, жившему неподалёку от восточной дороги. Тот много лет знал его семью и, возможно, мог рассказать что-нибудь об Астерии.

Торговца звали Филон. Он был уже немолод, ходил с палкой и почти не покидал своего дома, но память сохранял удивительную.

Когда Ликон назвал имя дяди, старик нахмурился.

— Давно о нём не слышал.

— Ты помнишь, когда он в последний раз приходил сюда?

Филон задумался.

— Лет шесть назад. Может быть, семь. Он был не один. С ним приехали двое римлян. Один из них говорил по-нашему почти без акцента.

— Ты знаешь, кто это был?

— Нет. Но твой дядя просил меня не рассказывать никому об их встрече.

— Почему?

— Не знаю. Тогда я не стал спрашивать. Астерий был человеком непростым. Умел расположить к себе, но всегда оставлял ощущение, будто часть его мыслей остаётся за закрытой дверью.

Ликон помолчал.

— Он говорил обо мне?

— Да.

— Что именно?

Старик посмотрел на него с неожиданной серьёзностью.

— Спросил, где ты живёшь, с кем дружишь, собираешься ли жениться. Я ответил, что ты давно уже не мальчик и сам распоряжаешься своей жизнью.

— И что он сказал?

— Улыбнулся. Сказал, что однажды тебе придётся сделать выбор.

Ликон почувствовал холод внутри.

— Какой выбор?

— Этого он не объяснил.

Старик немного помедлил, затем добавил:

— И ещё одно. После его отъезда ко мне приходил человек от римлян. Интересовался тем же самым. Я тогда впервые подумал, что твой дядя не просто торговец.

Ликон поблагодарил Филона и вышел на дорогу.

Теперь он знал, что сведения о нём передавались римлянам задолго до недавних событий. Но оставался главный вопрос: зачем Астерий собирал эти сведения и почему интересовался его семьёй?

В это время в римском лагере Варрон беседовал с Гаем.

— Ликон узнал о своём дяде, — сообщил агент.

— От кого?

— Сатир рассказал ему. Вероятно, намеренно.

Варрон недовольно постучал пальцами по столу.

— Я приказал Сатиру не раскрывать лишнего.

— Он оказался менее осторожен, чем мы рассчитывали.

— Нет. Он оказался таким, каким был всегда. Человек, который продаёт сведения, однажды продаёт и того, кто ему платит.

Гай промолчал.

— Где сейчас Астерий?

— В южном лагере. Он просит встречи с вами.

— Зачем?

— Говорит, что хочет объясниться.

Варрон усмехнулся.

— Любопытно. Обычно люди объясняются, когда уже понимают, что им нечего предложить.

Он поднялся и подошёл к карте долины.

— Передай Астерию, что я приму его завтра. И пусть он не думает, будто родственные чувства дают ему право вмешиваться в мои планы.

— Он может отказаться от дальнейшего сотрудничества.

— Тогда он станет бесполезен.

Варрон провёл пальцем по дороге, ведущей к Орестее.

— А пока нам нужно изменить направление действий. Спартак ожидает нового нападения на востоке. Мы не станем давать ему то, чего он ждёт.

— Что вы задумали?

— Достаточно того, что наши обозы перестанут ходить привычными дорогами. Пусть он тратит силы на охрану каждого перевала. Но главное — мы должны показать старейшинам, что сопротивление имеет цену даже тогда, когда римские мечи остаются в ножнах.

В Орестее тем временем произошло событие, которого никто не ожидал.

К Спартаку пришёл незнакомый мужчина. Он был одет как торговец, но держался настороженно и постоянно оглядывался.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал он.

— Кто ты?

— Меня зовут Ферон. Я привёз известие с юга.

— От кого?

— От человека, которого ты ищешь.

Спартак внимательно посмотрел на него.

— Астерий?

Ферон кивнул.

— Он знает, что Ликон жив и находится рядом с тобой. Просил передать, что хочет встретиться с племянником.

— Почему он не пришёл сам?

— Потому что за ним следят.

— Кто?

— Люди Варрона.

Спартак не спешил отвечать.

— Где он сейчас?

— В старом поселении у южной дороги. Но он не останется там надолго.

— И почему я должен верить тебе?

Ферон достал из-за пазухи небольшой предмет, завёрнутый в кусок ткани.

Это была бронзовая подвеска.

Ликон, вошедший в помещение несколькими мгновениями позже, увидел её и остановился.

— Откуда она у тебя?

— Астерий просил передать. Сказал, что ты узнаешь.

Ликон взял подвеску. Он помнил её с детства. Когда-то дядя подарил её ему на праздник, а затем, во время одного из путешествий, забрал обратно, пообещав вернуть, когда племянник станет взрослым.

— Почему он не вернул её раньше? — тихо спросил Ликон.

Ферон пожал плечами.

— Он сказал только, что теперь настало время.

Ликон сжал подвеску.

— Я поеду.

— Нет, — возразил Спартак.

— Это моя семья.

— И именно поэтому ты не должен ехать один.

— Я не собираюсь брать с собой отряд.

— А я не собираюсь позволить Варрону использовать твою боль, чтобы заманить тебя в ловушку.

Ликон резко повернулся.

— Ты считаешь, что я не способен отличить ловушку от встречи?

— Я считаю, что даже самый осторожный человек может потерять рассудительность, когда речь идёт о близких.

Слова прозвучали жёстко, но Ликон понял, что Спартак говорит не из недоверия.

— Тогда поедем вместе, — сказал он.

Спартак посмотрел на Ферона.

— Ты покажешь нам место встречи. Но сначала мы проверим дорогу.

Тот кивнул.

Вечером Спартак отправил Котиса и Ремета осмотреть южную дорогу. Они вернулись через несколько часов.

— Следы есть, — доложил Котис. — Два всадника прошли к старому поселению, затем вернулись другой дорогой. Но никаких крупных отрядов поблизости мы не обнаружили.

— А сам посёлок?

— Заброшен. Несколько домов ещё стоят, колодец не пересох. Там можно укрыться, но наблюдать за дорогой трудно.

Спартак задумался.

— Значит, встреча возможна. Но неизвестно, кто её организовал.

Ремет положил на стол небольшую деревянную пластинку.

— Нашли возле дороги. На ней вырезан знак римского торгового поста.

Спартак взял её в руки.

— Это может быть обычная метка обозчика.

— Может, — согласился Ремет. — Но она лежала там, где дорога раздваивается. Кто-то хотел, чтобы мы её заметили.

— Или хотел, чтобы мы подумали именно так.

Спартак повернулся к Ликону.

— Завтра мы отправимся туда. Но если Астерий не появится, мы не станем искать его в темноте и бросаться за каждым следом.

Ликон кивнул.

— Я согласен.

На следующий день Астерий пришёл в старое поселение раньше назначенного часа.

Он был седым, худощавым, с глубокими морщинами вокруг глаз. Его лицо изменилось, но походка осталась прежней — уверенной и неторопливой.

Он долго стоял возле полуразрушенной стены, разглядывая дорогу.

Когда-то здесь проходил торговый путь, по которому он водил караваны. Здесь он впервые встретил Ликона после долгой разлуки. Здесь же, много лет назад, дал обещание вернуться.

Но он не вернулся.

Астерий достал из сумки небольшой свёрток. Внутри лежало письмо, написанное рукой его брата, отца Ликона. Оно хранилось у него долгие годы.

Он развернул его и перечитал знакомые строки.

«Астерий, если однажды тебе придётся выбирать между собственной безопасностью и теми, кто остался дома, помни: человек может потерять землю, имущество и даже доброе имя. Но если он предаст родную кровь, ему будет негде укрыться от самого себя».

Старик закрыл письмо.

За поворотом послышались шаги.

Он поднял голову.

На дороге показались трое всадников. Впереди ехал Ликон. Рядом с ним — Спартак, а немного позади держался Севт.

Астерий сделал несколько шагов навстречу.

Ликон спешился первым.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Ты всё-таки пришёл, — произнёс Астерий.

— Я хотел услышать правду.

Старик опустил глаза.

— Я знаю.

— Почему ты помогал Варрону?

Астерий не ответил сразу. Он посмотрел на Спартака, затем снова на племянника.

— Потому что однажды решил, что можно служить сильным и при этом оставаться независимым.

— И что получилось?

— Получилось то, что ты видишь.

Ликон сделал шаг ближе.

— Ты передал им сведения обо мне?

— Да.

— Ты знал, что они могут меня схватить?

— Знал.

— И всё равно сделал это?

Астерий закрыл глаза.

— Я говорил себе, что Варрону нужен только твой друг. Что тебя самого не тронут. Я убеждал себя, будто могу контролировать происходящее.

— Ты ошибся.

— Да.

В голосе старика не было оправдания.

Спартак молча наблюдал за ними. Он понимал, что сейчас не должен вмешиваться.

— Астерий, — произнёс Ликон, — я хочу знать ещё одно. Ты действительно намерен помочь нам или снова пришёл выполнить поручение Варрона?

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

— Я пришёл потому, что больше не могу жить с тем, что сделал.

Он достал письмо и протянул племяннику.

— Прочти. Это последнее письмо твоего отца ко мне. Я должен был вернуть его много лет назад.

Ликон взял свёрток. Его руки слегка дрожали.

В этот момент за стеной раздался короткий свист.

Севт мгновенно обернулся и схватился за оружие.

— Засада!

Из-за развалин показались вооружённые люди. Их было не меньше десяти. Они перекрыли дорогу и начали сближаться.

Спартак выхватил меч.

— К стене! Не рассыпаться!

Но Астерий вдруг шагнул вперёд.

— Не стреляйте! — крикнул он на латинском. — Я здесь! Вы должны были ждать моего сигнала!

Один из нападавших узнал его.

— Отойди, старик! Приказ Варрона — взять Ликона живым!

Ликон побледнел.

Спартак понял всё.

Встреча была ловушкой. Но Астерий, похоже, действительно не знал, что люди Варрона нападут именно сейчас.

Старик повернулся к племяннику.

— Беги к западной стене! Там старая тропа!

— А ты?

— Иди!

Первый римлянин бросился вперёд. Астерий ударил его коротким ножом, который всё это время держал спрятанным в рукаве.

Началась схватка.

Спартак и Севт приняли на себя удар нападавших. Ликон отбивался рядом, но один из римлян сумел обойти его и занёс меч.

Астерий увидел это.

Он бросился между ними.

Удар пришёлся ему в грудь.

Ликон подхватил падающего старика.

— Астерий!

Тот тяжело дышал. Кровь быстро пропитывала одежду.

— Не держи меня… Уходи…

Спартак отбросил противника и прикрыл их, пока Севт с несколькими воинами теснил нападавших к развалинам. Римляне, поняв, что захватить Ликона не удастся, начали отступать.

Один из них остался лежать на земле. Другие скрылись за холмом.

Ликон опустился на колени рядом с дядей.

— Зачем ты сделал это? — спросил он, прижимая ладонь к ране.

Астерий с трудом улыбнулся.

— Потому что… слишком долго делал противоположное.

Он попытался поднять руку и коснулся плеча племянника.

— Не повторяй моей ошибки. Не думай, будто можно однажды продать совесть, а потом выкупить её обратно.

Ликон наклонился ближе.

— Ты должен выжить. Слышишь? Ты ещё расскажешь мне всё.

Но старик уже почти не слышал.

Его взгляд остановился на бронзовой подвеске, которую Ликон держал на шее.

— Отец… был прав, — прошептал Астерий.

Рука его медленно опустилась.

Ликон остался неподвижен.

Спартак подошёл и положил ладонь ему на плечо. Он не стал произносить слов утешения. Иногда слова только мешают человеку пережить то, что произошло.

Когда они возвращались в Орестею, солнце уже клонилось к закату.

Астерия везли на повозке. Ликон ехал рядом, не отводя взгляда от лица дяди, укрытого плащом.

В кармане его одежды Спартак обнаружил письмо и ещё одну вещь — небольшую восковую табличку с римской печатью.

На ней были записаны имена нескольких фракийских старейшин, а рядом стояли короткие пометки. Одно имя было подчёркнуто дважды.

Имя Ореста.

Спартак долго смотрел на табличку.

Теперь он понимал, что нападение у старого поселения было не случайностью. Варрон хотел не просто вернуть Ликона в плен. Он пытался заставить Астерия либо окончательно подчиниться, либо исчезнуть вместе с тайнами, которые тот знал.

Но почему среди записей оказалось имя Ореста?

Когда они въехали в Орестею, навстречу им вышел гонец.

— Спартак! — крикнул он. — Срочная весть!

Спартак остановил коня.

— Говори.

— Орест исчез. В его доме нашли следы борьбы. А на столе оставлено письмо с римской печатью.

Ликон медленно поднял голову.

Спартак сжал табличку в руке.

Варрон больше не пытался только расколоть союз. Теперь он начал наносить удары по тем, кто этот союз создавал. И если Орест действительно оказался в руках римлян, следующая битва могла начаться не на переправе и не в горах, а внутри самого сердца фракийского сопротивления.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ОРЕСТА

Весть об исчезновении Ореста быстро разнеслась по поселению. Люди собирались возле его дома, переговаривались вполголоса, пытались понять, что произошло. Никто не хотел произносить вслух самое страшное предположение: старейшина, который долгие годы защищал интересы Орестеи, мог оказаться в руках римлян.

Спартак спешился и вошёл во двор.

Дверь дома была приоткрыта. На земле возле порога валялся опрокинутый глиняный кувшин, а у стены темнело пятно крови. Внутри всё выглядело так, словно здесь произошла короткая, но ожесточённая борьба. Скамья лежала на боку, несколько деревянных чаш разбились, а на столе действительно находилось письмо с римской печатью.

Спартак не стал сразу брать его в руки.

— Кто первым обнаружил это? — спросил он.

Из толпы вышла пожилая женщина.

— Я, — ответила она. — Каждое утро приношу Оресту свежий хлеб. Сегодня дверь была открыта. Я позвала его, но никто не ответил.

— Ты видела кого-нибудь возле дома ночью?

— Нет. Но собаки долго лаяли со стороны старой дороги.

Спартак повернулся к Севту.

— Проверь дорогу. Котиса и Ремета возьми с собой. Пусть осмотрят окрестности, но не преследуют никого без необходимости.

Севт кивнул и вышел.

Ликон стоял возле стола, всё ещё потрясённый смертью Астерия. Он смотрел на письмо так, словно пытался увидеть за печатью человека, который распорядился судьбой двух семей.

— Прочитай, — тихо сказал он.

Спартак сломал печать и развернул лист.

Письмо было коротким:

«Старейшине Оресту.

Твоё сопротивление не принесло твоему народу ничего, кроме крови. Рим предлагает тебе возможность исправить ошибку. Приди к южному посту до третьего рассвета и выслушай условия. В противном случае ответственность за дальнейшие события ляжет на тех, кто продолжает поддерживать Спартака.

Луций Варрон».

Спартак перечитал письмо.

— Он хочет, чтобы мы поверили, будто Орест сам отправился к нему.

— Но здесь кровь, — заметил Ликон.

— Именно. И Варрон оставил письмо так, чтобы мы нашли его.

— Значит, Ореста похитили?

— Скорее всего. Но пока мы не знаем, жив ли он.

Ликон сжал кулаки.

— Если он жив, мы должны его вернуть.

— Вернём, если сможем. Но сначала выясним, куда его увели.

К вечеру Севт вернулся с разведчиками.

— Следы обнаружили, — доложил он. — От дома Ореста к старой дороге. Там стояла повозка. Судя по отпечаткам, её тянули две лошади. Следы ведут на юг, но примерно через три мили повозка свернула к каменоломне.

— Много людей?

— Не меньше шести. Один, судя по следам, был ранен или хромал. Возле каменоломни мы нашли обрывок плаща и кровь.

— Дальше?

— Следы теряются на каменистой земле. Возможно, пленника пересадили на другую повозку.

Спартак задумался.

— Они не повезли его прямо к южному посту. Варрон хочет скрыть место содержания.

— Можно разделить людей и прочесать окрестности, — предложил Котис.

— Нет. Нас слишком мало, чтобы искать вслепую. Мы предупредим поселения, перекроем дороги и будем наблюдать за римскими передвижениями.

Деметрий, стоявший у входа, выступил вперёд.

— Я знаю каменоломню. Там есть старые выработки и заброшенные помещения. Если Ореста держат поблизости, его могли спрятать там.

— Ты уверен?

— В молодости я работал там несколько месяцев. Есть подземный проход, который выходит к северному склону. Он давно не используется, но вход сохранился.

Спартак посмотрел на него.

— Ты сможешь показать нам дорогу?

— Да.

— Тогда пойдёшь со мной. Но сначала отправим людей к северному склону. Если это действительно место содержания Ореста, мы должны знать, сколько там охраны.

В римском лагере Варрон получил известие о гибели Астерия.

Он выслушал посланника, не перебивая.

— Ликон жив? — спросил он.

— Да. Ушёл вместе со Спартаком.

— Астерий передал им табличку?

— Неизвестно.

Варрон некоторое время смотрел на огонь.

— Старик оказался слабее, чем я предполагал. Столько лет служил нам, а в последний момент решил вспомнить о родстве.

Гай стоял у карты.

— Возможно, он успел рассказать Ликону о наших планах.

— Разумеется, успел. Поэтому мы больше не можем рассчитывать на его молчание.

— Что делать с Орестом?

Варрон поднял глаза.

— Пока ничего. Он жив и должен оставаться живым.

— Вы хотите использовать его для переговоров?

— Не совсем. Орест — не просто старейшина. Он символ того, что Спартак сумел объединить людей, прежде не доверявших друг другу. Если Орест публично откажется от союза, многие задумаются.

Гай усмехнулся.

— А если откажется?

— Тогда ему придётся объяснить, почему его народ продолжает страдать.

Варрон подошёл к карте и указал на Орестею.

— Спартак слишком много внимания уделяет дорогам и переправам. Он думает, что войну можно выиграть, удерживая землю. Но земля принадлежит тем, кто способен заставить людей бояться потерять её.

— Вы хотите провести переговоры через пленника?

— Я хочу, чтобы Спартак сам привёз мне Ореста. Тогда мы узнаем, насколько далеко он готов зайти ради своих союзников.

На рассвете следующего дня Спартак, Деметрий, Севт, Котис и Ремет отправились к каменоломне.

Они двигались осторожно, избегая открытых участков. Деметрий шёл впереди, показывая старые тропы, почти исчезнувшие под кустарником.

— Здесь, — наконец сказал он.

Перед ними открывался узкий проход между двумя скалами. За ним начинался склон, заросший кустарником и молодыми деревьями.

— Вход в подземные выработки ниже, — пояснил Деметрий. — Но есть ещё один путь, с северной стороны.

Они спустились по каменистому склону и вскоре увидели старую деревянную дверь, почти скрытую зарослями.

Котис присел возле неё.

— Следы свежие. Здесь недавно проходили люди.

Ремет осторожно коснулся дерева.

— Замок новый.

Спартак осмотрел склон.

— Значит, место используют. Но мы не знаем, находится ли здесь Орест.

Деметрий указал на узкую тропу.

— С северной стороны можно попасть внутрь, минуя главный вход. Я покажу.

Они обошли скалу и обнаружили небольшой пролом, скрытый камнями. Внутри действительно начинался старый проход. Он был тесным, местами приходилось двигаться согнувшись.

Через несколько десятков шагов впереди показался слабый свет.

Спартак остановил остальных и прислушался.

Из глубины доносились голоса.

— …до третьего рассвета, — говорил один человек. — Если он не согласится, Варрон прикажет отправить его дальше.

— А если Спартак нападёт?

— Тогда старейшина станет первым, кого он потеряет.

Спартак переглянулся с Севтом.

Они нашли Ореста.

Пленника держали в небольшой камере, устроенной в бывшем помещении для хранения инструментов. Рядом находились четверо римских воинов. Один сидел у двери, остальные разговаривали возле очага.

Спартак жестом приказал своим людям ждать.

Затем достал короткий нож и осторожно приблизился к ближайшему стражнику.

Всё произошло быстро.

Севт бесшумно обезоружил первого, Деметрий перехватил второго, а Котис и Ремет блокировали выход. Третий попытался поднять тревогу, но Спартак успел схватить его за плечо и сбить с ног.

Через несколько мгновений всё было кончено.

Спартак открыл дверь камеры.

Орест сидел на каменном полу, прислонившись спиной к стене. На лице его виднелся синяк, руки были связаны.

— Спартак? — прошептал он.

— Мы пришли за тобой.

Старейшина попытался подняться, но пошатнулся. Спартак поддержал его.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал Орест.

— Не трать силы. Нам нужно уходить.

— Подожди. Есть кое-что важное.

— Потом.

— Нет. Сейчас.

Орест схватил его за руку.

— Варрон готовит не просто нападение. Он собирает силы у южного перевала. Там будет большой отряд. Но главное — он собирается отправить часть воинов к северу, чтобы ударить по поселениям, пока ты будешь занят спасением меня.

Спартак нахмурился.

— Когда?

— Через два дня. Может быть, раньше. Я слышал, как офицеры обсуждали переправу через горную реку. Они хотят пройти там, где наши дозоры почти не бывают.

Спартак быстро оценил положение.

— Значит, мы не можем задерживаться.

Возвращение оказалось труднее, чем нападение на каменоломню.

Орест был слаб, идти быстро не мог. Деметрий помогал ему, поддерживая под руку. Севт и Котис шли впереди, проверяя дорогу.

Когда они вышли к северному склону, Ремет заметил движение на противоположной стороне ущелья.

— Люди!

Спартак посмотрел туда.

На гребне появились римские всадники. Они двигались быстро, явно разыскивая пропавших стражников.

— К лесу! — приказал Спартак.

Фракийцы свернули с тропы и спустились между скалами. Орест тяжело дышал, но продолжал идти.

— Оставьте меня, — произнёс он. — Я задержу их.

— Даже не думай, — ответил Спартак.

— Из-за меня вы рискуете всеми.

— Мы пришли за тобой не для того, чтобы оставить тебя здесь.

Они добрались до леса прежде, чем римляне заметили их следы. Через час отряд вышел на безопасную дорогу, где их ждали два фракийских воина с лошадьми.

К вечеру Ореста доставили в Орестею.

Жители встретили его у ворот. Женщины плакали, мужчины поднимали руки в знак приветствия. Старейшина, которого уже считали потерянным, вернулся домой.

Но радость была недолгой.

Вечером состоялся совет.

Орест, несмотря на слабость, настоял на том, чтобы присутствовать.

— Варрон собирается ударить по северным поселениям, — сообщил он. — Он хочет заставить нас распылить силы. Если мы будем защищать каждую деревню отдельно, нас постепенно уничтожат.

— Сколько у него людей? — спросил Фрагон.

— Я не видел всей армии. Но слышал, что к южному посту прибывают новые подразделения.

— Значит, нужно укрепить северную дорогу, — сказал Берик.

— И предупредить все поселения, — добавил Тир.

Спартак поднялся.

— Мы не станем ждать нападения. Но и не будем бросаться в бой, не зная намерений противника. Нужно направить разведчиков к горной реке, проверить переправы и подготовить безопасные пути для жителей.

Деметрий предложил выделить своих людей для охраны северного склона. Фрагон обещал предоставить зерно и лошадей. Берик согласился отправить гонцов к дальним поселениям.

Орест слушал, затем поднял руку.

— Есть ещё одно.

Все повернулись к нему.

— Варрон говорил со мной. Он утверждал, что знает о слабости нашего союза. Сказал, что достаточно одного поражения, чтобы старейшины снова начали думать только о собственных землях.

— Он ошибается, — произнёс Тир.

— Возможно, — ответил Орест. — Но мы должны доказать это не словами.

Спартак посмотрел на собравшихся.

— Тогда докажем делом.

Поздно ночью Спартак вышел из дома совета. У ворот его ждал Ликон.

— Орест вернулся, — сказал тот. — Это хорошо.

— Да.

— Но я всё думаю об Астерии. Он погиб, пытаясь исправить то, что сделал. И я не знаю, могу ли простить его.

Спартак некоторое время молчал.

— Прощение не всегда приходит сразу. Иногда человеку достаточно признать правду, чтобы перестать носить её в себе как камень.

— А если я никогда не смогу простить?

— Тогда не заставляй себя. Но не позволяй его ошибке отнять у тебя память о том хорошем, что между вами было.

Ликон посмотрел на ночное небо.

— Отец часто говорил, что кровь связывает людей крепче любых клятв. Теперь я не уверен, что он был прав.

— Кровь может соединять. Но только поступки показывают, чего стоит эта связь.

Ликон кивнул.

Вдали, за горным хребтом, сверкнула молния. Над долиной собиралась новая гроза.

Спартак ещё не знал, что Варрон уже отдал приказ о наступлении. Римские отряды покидали лагеря, обозы двигались к южному перевалу, а разведчики отмечали места, где фракийская оборона была слабее всего.

Но теперь Орест снова был со своим народом. И союз, который Варрон надеялся разрушить, пережил ещё одно испытание.

Впервые за долгое время Спартак почувствовал, что его люди начинают сражаться не только потому, что им угрожает враг, но и потому, что они наконец научились стоять друг за друга. И это могло оказаться силой, с которой Риму будет гораздо труднее справиться, чем с любым отрядом вооружённых воинов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ДОРОГА ЧЕРЕЗ ОГОНЬ

На рассвете Спартак уже был на ногах.

Ночь прошла тревожно. Несколько раз дозорные приносили сообщения о движении на южной дороге, а незадолго до рассвета в Орестею вернулся всадник из дальнего поселения. Он привёз известие, которое заставило Спартака немедленно созвать совет.

Римские отряды двигались к горной реке. Их было больше, чем предполагали разведчики. За передовыми подразделениями следовали обозы, а на высотах уже появлялись небольшие группы воинов, занимавшие удобные позиции для наблюдения.

— Они не собираются ограничиваться одним нападением, — сказал Севт, разглядывая карту. — Посмотри сюда. Если римляне закрепятся на обоих берегах, они смогут перекрыть дорогу между северными поселениями и Орестеей.

— А если мы направим туда все силы, — добавил Деметрий, — они ударят по востоку.

Спартак провёл ладонью по карте.

— Варрон рассчитывает, что мы будем защищать каждую дорогу отдельно. Он хочет заставить нас метаться между поселениями, пока его войска будут выбирать место для удара.

Орест, ещё не оправившийся после плена, поднялся со скамьи.

— Значит, нужно оставить ему меньше дорог.

— Именно, — ответил Спартак. — Мы не станем удерживать каждый участок земли. Мы защитим людей. Пусть римляне займут пустые дороги, если им так хочется. Но они не должны получить возможность окружить наши поселения.

Фрагон задумчиво посмотрел на него.

— Ты предлагаешь отступить?

— Я предлагаю не путать отступление с поражением. Если жители окажутся в безопасности, если наши отряды сохранят силы и связь друг с другом, мы сможем выбрать место и время для боя.

Тир одобрительно кивнул.

— Лучше потерять дорогу, чем потерять людей, которые по ней ходят.

Совет согласился с решением Спартака. Было постановлено заранее вывести семьи из наиболее уязвимых поселений, перенести продовольственные запасы в горные укрытия и создать подвижные отряды, способные быстро помогать соседям.

В тот же день Спартак отправился к северной дороге вместе с Севтом, Деметрием и двадцатью воинами.

Они двигались по лесной тропе, пока впереди не показалась широкая долина. На противоположном склоне виднелись римские палатки. Дым от костров поднимался над деревьями, а возле дороги стояли повозки с продовольствием и оружием.

— Их действительно много, — произнёс Деметрий.

— Не все находятся здесь, — заметил Севт. — Часть войск, вероятно, осталась у южного поста.

Спартак внимательно наблюдал за лагерем.

— Они ждут обоз.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри на дорогу. Перед лагерем выставлены дозоры, но за повозками нет обычной суеты. Они не готовятся к немедленному походу. Они ждут, пока прибудут припасы и подкрепление.

Деметрий прищурился.

— Значит, у нас есть время.

— Немного. Но достаточно, чтобы узнать, куда они направят первый удар.

Спартак приказал двум воинам остаться на наблюдательной позиции, а сам с остальными обошёл долину с востока.

За старым каменным выступом они обнаружили узкую дорогу, ведущую к небольшой деревне. Там жили около тридцати семей. Если римляне узнают о существовании этого пути, они смогут выйти к поселению с неожиданной стороны.

— Нужно предупредить людей, — сказал Севт.

— Предупредим. Но сначала выясним, знают ли римляне об этой дороге.

Вскоре они заметили двух всадников. Те остановились возле развилки, долго рассматривали местность, затем один из них достал табличку и что-то записал.

— Разведчики, — прошептал Деметрий.

Спартак не стал нападать. Он дождался, пока всадники уедут, и только после этого приказал возвращаться.

— Если они уже изучают эту дорогу, — сказал он, — значит, северные поселения под угрозой.

К вечеру в деревню прибыли гонцы.

Жители встретили их с тревогой. Старейшина деревни, пожилой человек по имени Мелан, долго слушал Спартака, не перебивая.

— Ты хочешь, чтобы мы покинули дома? — спросил он наконец.

— На время.

— Здесь могилы наших отцов. Здесь родились наши дети. Как можно уйти, зная, что чужие люди будут ходить по нашим дворам?

Спартак понимал его чувства.

— Я не прошу вас отказаться от дома. Я прошу сохранить жизнь, чтобы однажды вы смогли вернуться.

— А если мы не вернёмся?

— Тогда я не стану обещать того, чего не могу гарантировать. Но если вы останетесь, римляне могут застать вас врасплох.

Мелан долго смотрел на молодого фракийца.

— Ты говоришь как человек, который сам не хочет уходить.

— Не хочу.

— Но всё равно уйдёшь?

— Если это понадобится ради тех, кто мне дорог.

Старик опустил голову.

— Хорошо. Мы соберёмся к утру.

Мирта узнала о решении Спартака вечером.

Она сидела у окна, когда он вошёл. На столе горела небольшая лампа, а рядом лежала незаконченная вышивка.

— Ты опять уходишь? — спросила она.

— Завтра утром.

— Надолго?

— Не знаю.

Мирта отложила работу.

— Я уже почти перестала спрашивать тебя об этом. Каждый раз ты отвечаешь одинаково.

Спартак сел рядом.

— Я не хочу обманывать тебя обещаниями.

— Тогда скажи мне правду. Ты думаешь, что эта война закончится?

Он не сразу ответил.

— Да. Но не знаю, сколько времени пройдёт до этого.

— А что будет с нами?

Спартак взял её руку.

— Я всё ещё хочу того же, чего хотел прежде. Дом. Семью. Детей. Хочу однажды просыпаться и знать, что мне не нужно хвататься за оружие, чтобы защитить тех, кого люблю.

— Иногда мне кажется, что ты уже не принадлежишь этому дому.

— Я принадлежу ему больше, чем когда-либо. Просто теперь понимаю, что не смогу жить спокойно, если другие люди будут лишены возможности жить так же.

Мирта отвернулась к окну.

— Я не прошу тебя отказаться от своего пути. Но прошу помнить, что у тебя есть дорога назад.

Спартак осторожно обнял её.

— Я помню.

На следующее утро римский лагерь ожил необычным движением.

К Варрону прибыл гонец из южного поста. Он сообщил, что фракийцы начали выводить семьи из нескольких поселений, а обозы с продовольствием перемещаются в горы.

Варрон выслушал его и повернулся к Гаю.

— Спартак понял, что мы собираемся сделать.

— Значит, он предупреждён.

— Да. Но он не знает, где именно мы нанесём главный удар.

Гай указал на северную часть карты.

— Можно направить туда дополнительный отряд. Если он попытается удержать дорогу, мы вынудим его принять бой.

Варрон покачал головой.

— Нет. Он этого и ждёт. Нам нужно заставить его прийти туда, где он будет уверен в своей победе.

Он передвинул деревянную фигурку к горной реке.

— Здесь.

— Но переправа узкая.

— Именно. Если Спартак решит, что мы собираемся перейти реку, он попытается помешать нам. Мы оставим часть людей на виду, а основные силы проведём выше по течению.

Гай понял замысел.

— Вы хотите обойти его с фланга.

— Я хочу, чтобы он сам выбрал позицию, которая станет для него ловушкой.

В тот же день Сатир, остававшийся под охраной в Орестее, попросил встречи со Спартаком.

Когда Спартак вошёл, пленник сидел возле маленького окна.

— Ты хотел говорить?

— Да. Я знаю, куда Варрон направит войска.

— Откуда?

— Потому что именно я показывал ему эту дорогу.

Спартак внимательно посмотрел на него.

— Какую дорогу?

— Выше по течению горной реки. Там есть старый переход, которым пользуются пастухи. Римляне хотят провести туда отряд и выйти к вам с тыла.

— Почему ты рассказываешь это сейчас?

Сатир опустил глаза.

— Потому что я видел, как вы спасали своих людей. И понял, что Варрон не собирается оставлять нам ничего. Ни земли, ни свободы, ни даже права выбирать, кому служить.

— Ты поздно это понял.

— Знаю.

— Сколько римлян пойдёт через верхнюю дорогу?

— Не меньше сотни. Возможно, больше.

Спартак помолчал.

— Ты можешь показать нам этот переход?

— Могу.

— Тогда пойдёшь с нами под охраной. Но если выяснится, что ты снова пытаешься нас обмануть, второй возможности не будет.

Сатир кивнул.

— Я понимаю.

К вечеру Спартак собрал небольшой отряд. Вместе с ним отправились Севт, Котис, Ремет, Деметрий и несколько опытных воинов. Сатир шёл между двумя вооружёнными фракийцами.

Дорога оказалась трудной. Приходилось пробираться между скалами, обходить осыпи и переходить узкие ручьи.

Наконец Сатир остановился возле высокой сосны.

— Там, за выступом, начинается спуск к реке.

Спартак поднялся на камень и посмотрел вниз.

Внизу действительно виднелась узкая тропа. Она шла вдоль склона, затем исчезала среди деревьев. Место было удобным для скрытого движения небольшого отряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.